ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

А. ТОМСОНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

---

1. Краткій очеркъ фонетики и морфологіи ахалцыхскаго говора.—2. Сослагательное наклоненіе въ армянскомъ языкѣ.—3. Личныя окончанія настоящаго времени въ армянскомъ языкѣ.—4. Второе лицо единственнаго числа настоящаго времени въ греческомъ и литовскомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.
1887.

Р
513

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Февраля 1887 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

531
53

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГІИ АХАЛЦЫХСКАГО ГОВОРА.

ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

А. ТОМСОНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя ниже изслѣдованія были написаны уже въ 1885 г., но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, онѣ только теперь появляются въ свѣтъ и при томъ въ объемѣ гораздо болѣе сжатомъ и сокращенномъ противъ ихъ первоначальной редакціи.

Пособій для изученія отдѣльныхъ нарѣчій армянскаго языка весьма немного. Большая часть краткихъ грамматикъ по діалектамъ составлена К. П. Паткановымъ.

Я пользовался слѣдующими трудами:

1. Patkanov, Ueber den armenischen Dialekt von Agulis. Monatsber d. Akad. d. Wiss. Berlin, 1866.

2. Айтынянъ, Khmakan kherakanuthiun ardi hayerên lezvi. Вѣна, 1866.

3. Petermann, Ueber d. Dialect d. Armenier von Tiflis.—Abhandl. d. Akad. d. Wiss. Berlin, 1866. (Въ отдѣльномъ изданіи 1867).

4. Паткановъ, Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка. С.-Петербургъ, 1869. (Агулійскій, карабахскій, хойскій, джульфинскій діалекты).

5. Паткановъ, Матеріалы для изученія армянскихъ нарѣчій. Вып. I. Нахичеванскій говоръ. С.-Петербургъ, 1875 г.

6. Патканов, Матеріалы для изученія армянскихъ нарѣчій. Вып. II. Мушскій діалектъ. С.-Петербургъ, 1875.

7. Саргисянцъ, Agulechoch barbaŭ. Москва, 1883.

8. Hanusz, Sur la langue des Arméniines polonais, Краковъ, 1886.

Тотъ языкъ, на которомъ говорятъ въ Ахалцыхѣ, я назвалъ говоромъ, уступая тѣмъ, которые въ ахалцыхскомъ видятъ поднарѣчіе къ эрзерумскому діалекту. Ахалцыхскій говоръ очень мало успѣлъ удалиться отъ эрзерумскаго діалекта въ продолженіе своей почти 60-тилѣтней самостоятельной жизни, т. е. со времени переселенія нынѣшнихъ ахалцыхскихъ жителей изъ Эрзерума. Отъ подробнаго опредѣленія области распространенія этого говора и его отношенія къ сосѣднимъ діалектамъ я долженъ воздержаться за недостаткомъ свѣдѣній; замѣчу только, что на этомъ говорѣ говорятъ въ Ахалцыхѣ, Ахалкалакахъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ къ нимъ прилегающихъ.

Считаю нужнымъ указать на необходимость, чтобы тѣ, которые занимаются какимъ-нибудь армянскимъ діалектомъ на мѣстѣ, точно опредѣлили область распространенія даннаго діалекта, какъ и то, гдѣ и въ какой мѣрѣ соприкасается онъ съ ближайшими сосѣдними діалектами. Научная же классификація на діалекты, говоры и т. п. будетъ окончательная работа по армянскимъ діалектамъ, возможная только послѣ изслѣдованія всего армянскаго языка во всѣхъ его діалектическихъ разновидностяхъ.

Говоръ ахалцыхскій, какъ и весь эрзерумскій діалектъ, принадлежитъ къ западной группѣ армянскихъ діалектовъ.

Одинъ изъ признаковъ, отличающихъ западные діалекты отъ восточныхъ, есть второе сложное передвиженіе согласныхъ. Мы различаемъ еще первое сложное передвиженіе согласныхъ, происшедшее еще въ общеармянскомъ языкѣ. По первому передвиженію первоначальныя индоевроп. mediae обратились въ общеармянскія tenues; индоевроп. звонкіе придыхательные въ общеармянскіе звонкіе непридыхательные, напр. индоевроп. g, d, gh, gh' обратились въ общеармянскія k, t, g, j и т. д. Ср. Паткановъ, Изслѣдованіе о составѣ армянск. яз. VII и др. Послѣ распаденія общеармянскаго языка, западная половина діалектовъ подвергла свои согласные еще вторичному передвиженію, результатомъ котораго оказалось, что глухіе придыхательные перваго сложнаго передвиженія остались въ томъ же видѣ и послѣ втораго сложнаго передвиженія; mediae перваго передвиженія измѣнились при второмъ передвиженіи въ соотвѣтствующія tenues (fortes), а общеармянскія tenues перваго передвиженія перешли въ mediae (lenes) при второмъ передвиженіи: kh, g, t и т. д. перваго сложнаго передвиженія дали при второмъ сложномъ передвиженіи: kh, k, d.—Ср. ниже § 31 и слѣд.

Текстовъ по ахалцыхскому говору весьма немного. Первое мѣсто между ними занимаетъ драма Кегамянц'а: Zeniath-zeniath. Кромѣ того отдѣльныя статьи разбросаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, преимущественно въ Meyu Hayastani (Пчела Арменіи), главнымъ образомъ въ 1875—1878 годахъ.

По этимъ текстамъ я изучилъ описываемый мною говоръ при помощи С. С. Малхасянца, который взялъ на себя трудъ составить для меня къ вышеупомяну-

тымъ текстамъ небольшой словарь. Онъ же сообщилъ мнѣ и грамматическія формы, недостающія въ текстахъ.

Къ упомянутымъ мною пособіямъ однако нужно было отнестись критически какъ потому, что орѳографія текстовъ была неточная, такъ и потому, что указанія С. С. Малхасянца, хорошаго знатока грабара и уже давно покинувшаго городъ Ахалцыхъ, могли оказаться не совершенно точными. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, въ особенности относительно произношенія того или другого слова, я для провѣрки обращался къ одному ахалцыхскому купцу, на короткій срокъ пріѣхавшему въ Петербургъ.

Касательно вопроса о транскрипціи замѣчу, что я лично не предпочитаю безусловно транскрипцію армянскому письму, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ мы не обходимся безъ научнаго опредѣленія произношенія звуковъ каждаго отдѣльнаго діалекта. Транскрипцію я рекомендую однако природнымъ армянамъ, занимающимся изученіемъ діалектовъ.

Для большинства діалектовъ не представляется возможнымъ передать произношеніе въ транскрипціи, такъ какъ мы не имѣемъ научнаго описанія звуковъ этихъ діалектовъ. Только нѣкоторыя опредѣленія звуковъ мы находимъ въ разбросанномъ видѣ въ Фонетикѣ Сиверса и въ XXX томѣ ZDMG, стр. 153 и слѣд. Поэтому въ большинствѣ діалектовъ я транскрибировалъ армянскія буквы, независимо отъ ихъ произношенія. Ахалцыхскій же говоръ (равно какъ и польскій) я транскрибирую по произношенію. Напр. пятую букву армянскаго языка, закрытое е, произносящееся въ началѣ слова какъ уе, а въ срединѣ какъ е, и изображаемое въ армянскомъ

шрифтѣ въ томъ и въ другомъ положеніи черезъ одну букву (какъ русское е въ началѣ и срединѣ), я транскрибирую въ срединѣ черезъ e, а въ началѣ слова черезъ ye.

Въ общемъ я придерживался транскрипціи, принятой Гюбшманомъ, съ слѣдующими измѣненіями: Восьмую букву армянскаго алфавита пишу ъ, придыхательные пишу kh, th, ph, ch, čh; девятнадцатую букву транскрибирую черезъ γ. Хотя тотъ звукъ, которому соотвѣтствуетъ восьмая буква армянскаго алфавита (ср. ниже § 87), въ армянскомъ письмѣ б. ч. не изображается, тѣмъ не менѣе я пишу этотъ звукъ вездѣ, такъ какъ я вообще строго придерживался произношенія и потому весьма часто отступалъ отъ орѳографіи ахалцыхскихъ текстовъ. Драма Кегамянца Zeniath - γeniath, служившая мнѣ главнымъ источникомъ, представляетъ въ своемъ правописаніи два недостатка: 1) Хотя письмо въ ней въ принципѣ фонетическое, тѣмъ не менѣе отступленія, особенно въ сторону грабарной орѳографіи, весьма многочисленны. 2) Одно и то же слово или звукъ пишется часто двоякимъ, троякимъ образомъ, напр. стр. 11, строка 4 читаемъ mard (вм. marth, ср. § 37) стр. 10, 7—perê (вм. pêrê), а 11,1 pêren (правильно); стр. 10, 5—ênêlu (правильно), а 11,1 gabelu (e вм. ê. Ср. § 63); стр. 10, строка 8—gêsuroǰs, а 11,2 veodkhn (звукъ úe пишется въ первомъ примѣрѣ черезъ o, во второмъ черезъ eo Ср. § 14) и т. д.

Въ моемъ объясненіи сослагательнаго наклоненія и личныхъ формъ настоящаго времени въ армянскомъ языкѣ, читателя можетъ поражать то обстоятельство, что въ моихъ выводахъ нерѣдко недостаетъ прямого до-

казательства и что довольно часто я допускаю образованія по аналогіи.

Относительно послѣдняго я долженъ сказать, что ни въ одномъ языкѣ я не замѣчалъ такого обширнаго дѣйствія аналогіи, какъ именно въ армянскомъ языкѣ. Почти въ любомъ примѣрѣ склоненія или спряженія можно указать на слѣды дѣйствія аналогіи.

Встрѣчающійся иногда недостатокъ прямыхъ доказательствъ при выводахъ происходитъ отъ того, что армянскій языкъ удалился весьма сильно отъ индоевропейскаго праязыка. Посредственные фазисы его развитія исчезли окончательно. Остается, слѣдовательно, всесторонне изучить каждое явленіе, и если окажутся два или больше возможныхъ способа возникновенія какой-нибудь формы, то нужно привести ихъ всѣ, отличая строго несомнѣнное отъ вѣроятнаго и возможнаго. При открытіи новыхъ звуковыхъ условій, тотъ или другой путь возможнаго происхожденія какой-нибудь формы можетъ быть опровергнутъ и вслѣдствіе этого можетъ быть доказано, по крайней мѣрѣ отъ противнаго, что извѣстное явленіе возникло такъ, а не иначе.

На трудность объясненія армянскихъ формъ (вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій) указывалъ К. П. Паткановъ, и въ недавнее время, Гюбшманъ. Arm. Stud., стр. 95, мы читаемъ: „Армянскій языкъ очевидно замѣнилъ въ большинствѣ случаевъ свои старыя формы новообразованіями, и уничтожилъ старыя формы, и такъ какъ исторія древняго армянскаго языка намъ совершенно неизвѣстна, то мало надежды, чтобы мы когда-либо были въ состояніи объяснить вполнѣ удовлетворительно до-

шедшія до насъ формы". Тѣмъ не менѣе наука не въ правѣ отказаться отъ исторіи армянскаго языка.

Съ этой точки зрѣнія и прошу судить о моихъ попыткахъ изслѣдовать нѣкоторыя явленія армянскаго языка.

Въ заключеніе выражаю свою благодарность С. С. Малхасянцу за его немалые труды по собиранію матеріала и за его постоянную готовность содѣйствовать этому Изслѣдованію.

ГЛАВНѢЙШІЯ СОКРАЩЕНІЯ.

арм. = армянскій; грб. = грабаръ, востаникъ, классическій армянскій языкъ; ах. = ахалцыхскій; тифл. = тифлисскій; конст. = константинопольскій; эрив. = эриванскій; кар. = карабахскій; джульф. = джульфинскій; нах. = нахичеванскій; хой. = хойскій; агул. = агулисскій; польск. = діалектъ польскихъ армянъ; муш. = мушскій.

ив. = индоевропейскій; С. = санскритскій; З. = зендскій; старослав. = старославянскій; греч. = греческій; лат. = латинскій; лит. = литовскій; гот. = готскій; литер. = литературный.

1. sg. = 1. л. ед. ч. = первое лицо единственнаго числа; 2. pl. = 2. л. множ. ч. = второе лицо множественнаго числа; N. = имен. п. = именительный падежъ; G. = род.

п. = родительный падежъ; D., Acc., Inst., Abl. = дательный, винительный, творительный, отложный падежъ; аор. = аористъ; сослаг. накл. = сослагательное наклоненіе; ок. = окончаніе; согл. = согласный; наст. вр. = настоящее время; прош. вр. = прошедшее время; прич. = причастіе; пов. = повелительный; ipf. = имперфектъ.

ZDMG = Zeitschrift d. deutschen morgenländischen Gesellschaft.

W. Sitzb. = Sitzungsbericht d. philos.—hist. Cl. d. Akademie d. Wiss. Wien.

K. Z. = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Kuhn. Berlin.

M. U. = Morphologische Untersuchungen von Osthoff u. Brugmann.

Arm. Stud. = Armenische Studien von Hübschmann. I. Leipzig. 1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—VIII

Кратній очеркъ фонетики и морфологіи ахалцыхскаго говора:

Глава I. **Обозрѣніе звуковъ ах. говора, § 1—30:**
Гласные 1—11.—Дифтонги 12—14.—Согласные 15—29.—Таблица согласныхъ 30 . . . . . 1 — 9

Глава II. **Фонетика ах. говора, § 31—39:**
Мгновенные 31—38.—Плавные и носовые 39.—h 40—42.—х, γ 43—44.—у 45.—Остальные спиранты 46—47, 75, 80—82. — Уподобленіе 48.—Вставка согл. 49.—Перестановка согл. 50.—Выпаденіе согл. 51—54.—Группы согл. 89—99.—а 56—62.—е, ê 63—70.—і 71—72.—о, uе 73—82.—и 83—85.—Дифтонги 86.—ъ 87—99 . . . . . 10—50

Глава III. **Склоненіе, § 100—118:**
Падежи, членъ 100—101.—Гласное склоненіе 102—104 —Согласное склон. 105—109.—Множ. ч. 110—114.—Отлож. п. 115.—Прилагательное 116.—Мѣстоименіе 117—118 . . . . . 51—60

Глаголъ, § 119—137:
Общее 119.—Наст. и прош. несов. 120—123.—Аор. 124.—Будущ. вр. 125.—Прич. 126—129.—Соверш. врем. 130.—Повел. накл. 131—134.—Неопр. накл. 135.—Страд. з. 136.—Причин. глаголы 137 . . . . . 60—72

Приложенія: I. **Сослагательное накл. въ армянскомъ** . . . . . 75— 90
II. **Личныя окончанія наст. вр. въ армянскомъ** . . . . . 91—111
III. **2-е л. един. ч. наст. врем. дѣйств. з. въ индоевроп. яз.** 112—120

ПОГРѢШНОСТИ.

			Напечатано:	Должно быть:
Стр. 13,	строка	3 св.	tnákus	tánkus
„ 21,	„	10 „	переставка	перестановка
„ 30,	„	9, 10, 11 св.	at, at, it	ad, ad, id
„ 42,	„	7 „	оу, развившемуся	оу, подобно оу, развившемуся
„ 48,	„	9 сн.	выпустить: (подъ а) и б))	
„ 49,	„	8 „	вторымъ и третьимъ	первымъ и вторымъ
„ 54,	„	3 „	êčhmiacin, êčhmiacni	êy̆miacin, êy̆miajni
„ 64,	„	4 „	čh'em. ъlli.	čh'em ъlli,
„ 71,	„	16 св.	съhvil	chъvil
„ 76,	„	4 „	къ	kъ
„ 76,	„	5 сн.	сочертаніяхъ	сочетаніяхъ
„ 94,	„	5 св.	носовой исчезаетъ	носовой, исключая n, исчезаетъ
„ 116,	„	13 „	vežì.	vežì,

ГЛАВА I.

Краткое обозрѣніе звуковъ ахалцыхскаго говора.

ГЛАСНЫЕ.

1. Въ изслѣдуемомъ нами говорѣ встрѣчаются слѣдующіе 10 гласныхъ:

a, e, ê, o, ı, u, ъ, ä, ö, ü.

ä, ö, ü встрѣчаются только въ заимствованныхъ словахъ (большею частію турецкихъ и персидскихъ). Количество гласныхъ не различается въ армянскомъ языкѣ.

2. Ахалцыхскій звукъ a есть чистое, открытое a, какъ русское ударенное a. Въ армянскомъ шрифтѣ онъ изображается *ա*.

3. Армянской буквѣ *ե*, употребляемой въ ахалцыхскомъ, соотвѣтствуетъ двоякаго рода звукъ, смотря по тому, приходится ли она въ началѣ или въ срединѣ слова.

Арм. *ե* обозначаетъ e закрытое, англійское mid—front—narrow.

Такъ какъ предшествующій этому *ե* согласный сильно смягчается, то слышится часто какъ бы je[1].

Въ началѣ слова армянской буквѣ *ե* въ ахалцыхскомъ соотвѣтствуетъ звукъ ye[1] (іотъ+e весьма закрытое).

Я буду писать въ началѣ слова ye, а въ срединѣ e.

4. Ахалцыхское *է*, въ нашей транскрипціи ê, есть открытое e, mid - front—wide.

Стало быть, крышка на е не обозначаетъ здѣсь долготы въ нашей транскрипціи, а только открытое е.

5. Ахалцыхское о тождественно по произношенію съ русскимъ удареннымъ о. Стало быть, оно есть открытое о.

По англійской системѣ этотъ звукъ: mid—back—wide—round.

Участіе губъ въ этомъ діалектѣ вообще не энергично. Особенно мало замѣтно округленіе губъ при звукахъ съ губнымъ свойствомъ (rounded). Въ текстахъ этотъ звукъ обозначается черезъ ո и օ.

6. Ахалцыхское ի—і есть звукъ открытый, въ положеніи подъ удареніемъ и безъ ударенія. Во второй части дифтонга пишется въ армянскомъ буквой յ, обозначающей также и іотъ. Я удерживаю въ транскрипціи у въ дифтонгахъ.

7. Ахалцыхское ու, въ нашей транскрипціи u, гораздо открытѣе русскаго у въ словѣ колдунъ и нѣмецкаго удареннаго u. Это u^2 открытое, какъ въ англійскомъ словѣ full.

8. Ахалцыхское ը, транскрибируемое нами черезъ ъ, опредѣляется по таблицѣ Свита и Сторма какъ high—back—narrow. Ср. Сиверсъ, Фонетика, стр. 78. Акустическое впечатлѣніе его близко къ ö или къ французскому e sourd.

9. ä, какъ и два слѣдующихъ ниже звука, встрѣчается только въ иностранныхъ словахъ, потому мы не будемъ имѣть съ ними дѣла. По таблицѣ Sweet—Storm'a оно low—front—wide, то есть открытое ä. Пишется ա, է.

10. ö, въ текстахъ обыкновенно ե օ, произносится приблизительно какъ въ нѣм. Zöllner, ö открытое, mid—front—wide—round.

11. Ахалцыхское ü, пишется часто իւ, и произносится приблизительно какъ французское u.

ДИФТОНГИ.

12. Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, въ ахалцыхскомъ нѣтъ дифтонговъ, восходящихъ къ индоевропейскимъ или по крайней мѣрѣ къ общеармянскимъ дифтонгамъ. Всѣ ив. дифтонги стали въ ахалцыхскомъ простыми гласными.

Стало быть, если мы встрѣчаемъ въ ахалцыхскомъ дифтонги, то они образовались въ самомъ ахалцыхскомъ. Новые дифтонги могутъ появляться благодаря встрѣчѣ двухъ гласныхъ, происшедшей отъ выпаденія находившагося между ними звука, или же они происходятъ изъ прежняго простаго гласнаго, развившагося въ дифтонгъ. Ср. Сиверса, Phonetik (1881) стр. 202.

Въ иностранныхъ, въ особенности турецкихъ словахъ встрѣчаются дифтонги какъ öy (пишутъ եօյ, напр. möyvä—фруктъ), uy (какъ въ thuy—лошадиный волосъ) и т. д.

13. Въ чисто армянскихъ словахъ въ ахалцыхскомъ встрѣчаются только дифтонги ay, ue, ъy.

Ахалцыхское ay является вслѣдствіе выпаденія звуковъ напр.:

Ахалцыхское vaylel—наслаждаться, грб. vayelel. Пишется въ текстахъ какъ այ.

14. Вновь развившійся въ ахалцыхскомъ говорѣ дифтонгъ есть úe. Развился онъ изъ ив. o въ ахалцыхскомъ, подъ удареніемъ въ срединѣ слова.

Ахалцыхское hued—запахъ, грб. hot=odor.

Первая часть этого дифтонга есть u^2 открытое, вторая—e^2 открытое, притомъ неслоговое.

Въ началѣ слова первоначальное o подъ удареніемъ раз-

вило изъ себя въ ахалцыхскомъ нѣсколько иной звукъ, чѣмъ въ срединѣ, а именно vúe.

Образованіе v въ начальномъ vúe параллельно образованію іота передъ начальнымъ e. Ср. § 3.

Ахалцыхское vuedkh—нога, грб. otn=греч. πούς и т. д.

Въ текстахъ пишется въ началѣ վեօ, въ срединѣ եօ, хотя это правописаніе далеко не выдержано и часто является просто ո. Я пишу начальное vue, въ срединѣ ue.

Дифтонгъ ъу истрѣчается крайне рѣдко.

СОГЛАСНЫЕ.

15. Ахалцыхскіе простые мгновенные дѣлятся на fortes и lenes. Причина, почему я не назвалъ ихъ tenues и mediae какъ обыкновенно принято, заключается въ томъ, что съ названіемъ media обыкновенно связано понятіе не только о менѣе энергичномъ произношеніи, но и о звонкости звуковъ, сюда принадлежащихъ. Въ ахалцыхскомъ всѣ мгновенные обыкновенно глухи, и потому я предпочелъ раздѣлить ихъ на fortes и lenes, имѣя въ виду только энергію взрыва. Для однообразія я употребляю и въ грабарѣ названія fortes и lenes вм. tenues и mediae.

16. Ахалцыхскіе мгновенные lenes g, d, b, j, ǰ, (կ, տ, պ, ծ, ճ) совершенно глухи. По своей энергіи они немного сильнѣе, чѣмъ обыкновенные русскіе звонкіе мгновенные. Эти звуки произносятся съ закрытіемъ гортани (mit festem Absatz. Sievers, Phon. стр. 116, 117). Всеволодъ Ѳ. Миллеръ находитъ ихъ и въ Осетинскомъ языкѣ и называетъ (Осетинскіе Этюды стр. 18) эти звуки, съ закрытіемъ гортани или съ крѣпкимъ отрѣзомъ, «кавказскими».

Произношеніе этихъ звуковъ достаточно извѣстно всѣмъ изъ Сиверса, и Вс. Миллера, и не нуждается въ описаніи.

Фрикативные звуки j и ǰ относятся сюда по первой своей составной части, соотвѣтствующей вышеописанному d, а вторую часть ихъ составляютъ спиранты, глухіе lenes z, ž.

При произношеніи обѣ части слѣдуютъ такъ непосредственно другъ за другомъ, что сливаются вполнѣ въ одинъ звукъ.

Эти ахалцыхскіе звуки отличаются отъ изображенныхъ тѣми же буквами тифлисскихъ звуковъ только тѣмъ, что тифлисскіе по энергіи произношенія fortes, а ахалц. lenes.

17. Ахалцыхскіе мгновенные fortes k, t, p, c č (ᵹ, ᵹ, ᵽ, ᵹ, ᵹ). Произносятся съ гораздо большей энергіею чѣмъ предыдущіе, притомъ безъ участія голоса, т. е. голосовыя связки открыты при ихъ произношеніи.

Если тѣмъ не менѣе ихъ нельзя отожествлять съ русскими tenues, то это потому, что они произносятся въ ахалцыхскомъ безъ всякаго послѣдующаго придыханія: языкъ такъ проворно переходитъ изъ положенія образованія затвора въ положеніе образованія послѣдующаго гласнаго, что дѣйствительно не слышно ни малѣйшаго придыханія. Это обстоятельство придаетъ этимъ звукамъ оттѣнокъ сухости и аккуратности.

Также тщательно произносятся fortes fricativae c и č передъ гласными, и состоятъ изъ t+s и t+š, сливающихся въ одинъ нераздѣльный звукъ.

18. Ахалцыхскіе придыхательные kh, th, ph, ch, čh (ᵽ, ᵽ, ᵽ, ᵽ, ᵽ) состоятъ изъ соотвѣтственнаго мгновеннаго+придыханіе. Придыханіе въ нихъ не больше чѣмъ въ обыкновенныхъ сѣверо-германскихъ tenues. Въ концѣ слова нужно въ особенности остерегаться, чтобъ не придавать имъ слишкомъ сильнаго придыханія. Умѣренный взрывъ сѣверо-германскихъ tenues вполнѣ соотвѣтствуетъ придыханію этого ахалцыхскаго ряда.

kh въ концѣ слышится немного сильнѣе, что происходитъ отъ того, что при произношеніи этого звука все мягкое небо и языкъ дѣлаютъ весьма энергичное движеніе. Вслѣдствіе этого, переходъ отъ замыканія къ полному открытію происходитъ медленнѣе и придыханіе продолжается дольше.

Въ ch и čh фрикативный съ придыханіемъ сливается въ одно, при чемъ придыханіе слышится болѣе между двумя составными частями фрикативнаго, т. е. ths, thš; только въ концѣ слова слышится придыханіе больше за второй частію т. е. tsh, tšh, thsh, thšh.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ категоріяхъ армянскихъ согласныхъ касательно энергіи произношенія и отношенія гортани, я обращаюсь къ обозрѣнію согласныхъ ахалцыхскаго говора, раздѣляя ихъ по мѣсту образованія.

19. Губные согласные: b, p, ph, f, v, (ա, բ, փ, ֆ. վ, ւ, ու; послѣднія 2 передъ гласными).

Мѣсто образованія губныхъ ахалцыхскихъ согласныхъ обыкновенное.

b есть lenis, p fortis; оба звука глухи; f, v не отличаются отъ русскаго ф и в.

20. Передненебные мгновенные, придыхательный и спиранты: d, t, th. s, z, š, ž (դ, տ, թ, ս, զ, շ, ժ).

Мгновенные зубные въ ахалцыхскомъ суть interdentales и образуются такимъ образомъ, что кончикъ языка, опираясь главнымъ образомъ въ нижній край верхнихъ зубовъ, въ то же время касается и верхняго края нижнихъ зубовъ, а спинка языка прилегаетъ къ нижнему краю десенъ.

Мы уже узнали, что d—lenis глухой, а t—fortis глухой, th произносится какъ нѣм. t въ Boot. s, z, š и ž произносятся приблизительно какъ русскіе с, з, ш, ж.

21. Передненебные аффрикаты: j, c, ch, ǰ, č, čh (ծ, ձ, ց, ճ, ջ, չ).

Выше было указано на то, что j—звукъ сложный; первая часть — d, звукъ слабой энергіи и глухой, а вторая часть—спирантъ s, произносимый съ меньшей энергіей, чѣмъ обыкновенное s. c есть приблизительно ts, произносимое совершенно слитно, а ch слышится то ths, то tsh и thsh. Кажется что эти звуки не interdentales, какъ полагаютъ обыкновенно, а alveolares. Ср. Гюбшманъ, ZDMG, томъ 30.

Аффрикаты ǰ, č, čh, съ шипящей во второй части, отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что кончикъ языка приподнятъ здѣсь кверху и прижимается къ деснамъ. Эти звуки можно опредѣлить черезъ dž глухой, tš, thšh, или thš.

22. Въ ахалцыхскомъ есть средненебный звонкій спирантъ y, въ армянскомъ шрифтѣ յ. Въ началѣ и въ концѣ словъ онъ не встрѣчается. Кромѣ того есть средненебные k, g, x въ положеніи рядомъ съ мягкими звуками.

23. Задненебные мгновенные g, k, kh (կ, գ, ք) по мѣсту образованія суть передніе задненебные, обозначаемые иногда k^1, g^1, kh^1. Образуются они именно задней частью языка противъ передней поднебной дуги (arcus glossopalatinus), такъ что g будетъ lenis глухой, и k fortis глухой, kh придыхательный.

24. Есть въ ахалцыхскомъ два задненебныхъ спиранта: x и γ (խ, ղ).

По мѣсту образованія они отличаются отъ задненебныхъ мгновенныхъ тѣмъ, что при нихъ смыканіе производится задней частью языка противъ задней поднебной дуги (arcus pharyngopalatinus). Относительно условій гортани—x звукъ глухой, γ — звонкій. Арм. x гораздо энергичнѣе русскаго x, а γ ахалцыхское отличается отъ русскаго спиранта г тѣмъ,

что сопровождается сильнымъ дрожаніемъ язычка (uvula), чего въ русскомъ спирантѣ г нѣтъ.

Впрочемъ въ ахалцыхскомъ нужно отличать еще такое х, при произношеніи котораго дрожитъ и язычекъ и твердое небо. Напр. въ asx, гдѣ х произошло изъ γ вслѣдствіе утраты звонкости.

25. Есть въ ахалцыхскомъ глухой гортанный спирантъ h, образованный такимъ же съуженіемъ голосовой щели, какъ нѣмецкое h. Пишется ς.

26. Ахалцыхскіе носовые m, n (մ, ն), произносятся какъ обыкновенные носовые губные и зубные. Кромѣ того, армянское ն обозначаетъ еще задненебный носовой, когда находится передъ задненебнымъ согласнымъ, а также палятализованное (смягченное) n, когда находится рядомъ съ мягкимъ звукомъ, напр. въ ińčh.

27. Ахалцыхское l (լ) рядомъ съ широкими гласными звучитъ почти какъ русское лъ, развѣ немного мягче, напр. ахалцыхское dal произносится почти какъ русское далъ. Но въ čhilli, къllim, т. е. рядомъ съ узкимъ гласнымъ, l произносится гораздо мягче, приблизительно какъ нѣмецкое l въ loben. Такимъ образомъ разстояніе между русскимъ лъ и ль гораздо больше, чѣмъ между ахалцыхскимъ la и li.

28. Ахалцыхское ř (ռ) есть r альвеолярное, произносимое съ сильнымъ раскатомъ.

29. Ахалцыхское r (ր) есть тоже альвеолярное. Бока языка прижимаются къ зубамъ, такъ что только самая передняя часть языка можетъ колебаться; притомъ колебанія происходятъ вблизи анвеолей. Вслѣдствіе этого шумъ, производимый токомъ воздуха противъ десенъ, слышится весьма сильно, а раскаты кончика языка крайне незначительны. Прислушиваясь, замѣчаемъ звукъ, подходящій то ближе къ r, то ближе къ ž.

30. Таблица согласныхъ.

Способъ образованія. / Мѣсто образованія.		ПРОСТЫЕ ЗВУКИ. Губные. Labio-labiales.	Губные. Labio-dentales.	Языко-небные. Кончикъ яз. Coronales. Interdental	Языко-небные. Кончикъ яз. Coronales. Alveolares.	Языко-небные. Спинка языка dorsales. Alveolares.	Языко-небные. Спинка языка dorsales. Palatales.	Языко-небные. Спинка языка dorsales. Gutturales primae.	Языко-небные. Спинка языка dorsales. Gutturales secundae.	Языко-небные. Бока яз. laterales.	Гортанные.	Аффрикаты. Языко-небн. dorsal. Alveolares.	Аффрикаты. Языко-небн. coron. Alveolares.
Мгновенные.	lenes . . . atonae. . .	պ, b		տ, d			կ, g	կ, g				ծ, j	ճ, ǰ
	fortes. . . atonae. . .	բ, p		դ, t			գ, k	գ, k				ձ, c	ջ, č
	fortes . . . aspiratae. .	փ, ph		թ, th			ք, kh	ք, kh				ց, ch	չ, čh
Спиранты.	fortes . . . atonae. . .		ֆ, f		շ, š	ս, s			խ, x		հ, h		
	lenes . . . tonantes. .		վ, v ւ,		ժ, ž	զ, z	յ, y въсредин.		ղ, γ				
Носовые		մ, m			ն, n		ն, n	ն, n					
Плавные					ռ, ř ր, r					լ, l (лъ и ль)			

ГЛАВА II.

Исторія звуковъ ахалцыхскаго говора.

СОГЛАСНЫЕ.

31. Ахалцыхскіе мгновенные fortes k, t, p, c, č соотвѣтствуютъ грабарнымъ lenes g, d, b, j, ǰ.

ах. kari—ячмень, грб. gari, польск. kari=лат. hordeum, ив. gh.

ах. kini—вино, грб. gini, польск kini=лат. vinum, греч. οἶνος, ив. v.

ах. tuř—дверь, грб. duřn, польск. tur=греч. θύρα, ив dh.

ах. tu—ты, грб. du, польск. tu, агул. караб. diu,=греч. τύ, ив. t.

ах. pan—вещь, грб. ban—рѣчь, польск. pan, конст. pan, агул. bun=греч. φωνή, ив. bh.

ах. съмеř—зима, грб. jmeřn, С. hima, З. zimó, род. пад., ив. gh.

ах. čur—вода, грб. ǰur, кар. ǰiur.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что изъ какихъ бы ив. звуковъ не происходили занимающіе насъ армянскіе звуки (напр. g въ грб. gari изъ ив. gh, а въ gini изъ ив. v), отношеніе восточныхъ діалектовъ къ западнымъ нисколько этимъ не нарушается (ах. k=грб. g; ах. t=грб. d, изъ ив. t и dh и т. д.). Это даетъ намъ право утверждать, что первое сложное передвиженіе согласныхъ произо-

шло во всѣхъ армянскихъ діалектахъ одинаковымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы первое сложное передвиженіе произошло не во всемъ армянскомъ языкѣ одинаковымъ образомъ, а независимо въ одной какой-нибудь группѣ отъ другой или другихъ, то нельзя бы было ожидать такого правильнаго соотношенія всѣхъ звуковъ между собою въ разныхъ діалектахъ. Такъ напр. трудно представить себѣ, чтобы изъ инв. dh въ θύρα и t въ τύ развилось самостоятельно въ восточной группѣ армянскаго языка t и въ западной группѣ d. Если инв. dh и t совпали при извѣстныхъ условіяхъ въ одной группѣ армянскихъ діалектовъ и дали напр. t, то въ другой группѣ инв. dh и t могли бы вовсе не совпасть, а напротивъ развить изъ себя совсѣмъ другіе звуки. Въ этомъ примѣрѣ наконецъ они могли совпасть и въ другой группѣ, но за то самостоятельное измѣненіе звуковъ непремѣнно проявилось бы гдѣ-нибудь, особенно въ группахъ согласныхъ. На основаніи наблюденій, которыя легко сдѣлать въ нижеслѣдующихъ сопоставленіяхъ, можно вполнѣ присоединиться къ сказанному проф. К. П. Паткановымъ въ «Изслѣдованіи о составѣ армянскаго языка», стр. VI, VII, т. е. что восточная группа, куда относится и грабаръ, представляетъ намъ почти неприкосновенно тотъ видъ, который имѣли согласные всего армянскаго языка послѣ перваго сложнаго передвиженія согласныхъ.

Но я вовсе не думаю, чтобы въ то время, когда происходило первое сложное передвиженіе согласныхъ, весь армянскій языкъ представлялъ одинъ языкъ безъ діалектовъ; напротивъ, діалектовъ было вѣроятно въ то время много. Интересный фактъ представляетъ намъ агулійское (зокское) нарѣчіе, показывающее, какъ могло совершиться второе сложное передвиженіе въ армянскомъ и что подобное измѣненіе можетъ произойти въ цѣломъ языкѣ тогда, когда языкъ рас-

падается уже на значительно различающіеся другъ отъ друга діалекты. Въ цъгнійскомъ говорѣ мы находимъ такіе мгновенные, какіе бываютъ въ западныхъ нарѣчіяхъ, т. е. претерпѣвшіе второе сложное передвиженіе, между тѣмъ какъ остальная часть зокскаго нарѣчія сохранила согласные перваго сложнаго передвиженія. Принадлежность цъгнійскаго къ зокскому нарѣчію не подлежитъ сомнѣнію, слѣдовательно, одна часть зокскаго нарѣчія подверглась второму сложному передвиженію, притомъ послѣ нѣкотораго періода самостоятельной жизни зокскаго нарѣчія отдѣльно отъ всѣхъ другихъ нарѣчій.

Цъгнійск. kini—вино=агул. gini и т. д. Ср. Саркисовъ, стр. 59.

32. Ах. lenes g, d, b, ǰ, j, соотвѣтствуютъ грабарнымъ и общеармянскимъ k, t, p, č, c.

ах. gov—корова, грб. kov=греч. βοῦς, ив. g.

ах. gêsur—свекровь, грб. skesur=греч. ἑκυρά, ив. sv. (почему не kh въ арм.?)

ах. dasъ—десять, грб. tasn, агул. tos=греч. δέκα, ив. d.

ах. aj—козелъ, грб. ayc, польск. aj=греч. αἴξ, ив. g^1.

Мы видимъ, что изъ какихъ бы ив. звуковъ ни происходило грабарное fortis, изъ ив. звонкаго или напр. изъ ив. сочетанія sv, какъ въ skesur,—въ западныхъ діалектахъ ему соотвѣтствуетъ lenis. Очевидно грабаръ представляетъ общеармянское состояніе мгновенныхъ, а ахалцыхскій, какъ и остальные западные діалекты—измѣненное вторымъ сложнымъ передвиженіемъ состояніе.

33. Есть слова, въ которыхъ въ грабарѣ ахалцыхскому lenis соотвѣтствуетъ не fortis, но lenis.

Правило:

Общеармянская и грабарная группа носовой+lenis даетъ въ ахалцыхскомъ носовой+lenis, (ожидалось fortis).

ах. hing—пять, грб. hing, агул. hayng, польск. hing=лат. quinque, ив. k.

ах. thanjr—густой, грб. thanjr, польск. thanjr=лит. tnákus.

ах. amb—облако, грб. amb (amp), польск. amb—губка= С. ambhas—вода.

ах. хъndal—смѣяться, грб. xndal, польск. хъndal и т. д.

ах. panchr ср. § 37. и т. д.

Уже въ грабарѣ есть правило, что изъ ив. группы nasalis + tenuis является въ грабарѣ nasalis + lenis. Такимъ образомъ получилось граб. hing и вѣроятно общеарм. hing. При второмъ сложномъ передвиженіи общеарм. lenis остается неизмѣненнымъ въ ахалцыхскомъ въ положеніи послѣ носоваго. Это явленіе замѣчается и въ другихъ вышеприведенныхъ діалектахъ.

34. Ахалцыхское lenis соотвѣтствуетъ при извѣстныхъ условіяхъ грабарному lenis и придыхательному. Именно, гдѣ въ грабарѣ есть сочетаніе γ + lenis, или γ + придыхательное, тамъ мы находимъ въ ахалцыхскомъ группу х + lenis.

ах. axbar—братъ, граб. eγbayr, тифл. axpêr, лат. frater.

ах. axbur—источникъ, граб. aγbiur, тифл. axpur, польск. aγpyur.=греч. φρέαρ.

ах. thuxd—бумага, граб. thuγth, польск. thuxth.

ах. mexg—грѣхъ, граб. meγkh pl.

ах. mêxdъrel—винить, граб. meγadrel.

ах. axgad—бѣдный, граб. aγkhat, польск. aγkad, axkad, тифл. axkat.

ах. xêxdem—задушить, граб. xeγdem.

ах. oxǰanj—здоровье, граб. oγǰ anjn.

х развилось здѣсь изъ общеармянскаго γ конечно по мѣрѣ того, какъ послѣдующій мгновенный дѣлался fortis и

терялъ свою звонкость. Общеармянскіе lenes были вѣроятно такія же mediae, какія допускаются обыкновенно въ грабарѣ, т. е. mediae звонкія, произносимыя съ участіемъ голоса.

Но нужно замѣтить, что ах. γ здѣсь обратилось въ x въ томъ смыслѣ, что потеряло свою звонкость и стало произноситься съ большей энергіей; но тѣмъ не менѣе x оставило за собою одинъ признакъ, присущій γ и не существующій обыкновенно въ x: шумъ въ заднемъ небѣ.

Такимъ образомъ это x, происшедшее изъ прежняго γ, отличается отъ обыкновеннаго x своимъ шумомъ, а отъ γ большей энергіей и глухостью.

Вся энергія произношенія сосредоточивается на этомъ x, а послѣдующій согласный ослабѣваетъ такъ, что мы рѣшили писать его какъ lenis. Ахалц. axčhig (дѣвица) не согласуется съ вышеприведеннымъ примѣрами—граб. aγ̌ik, агул. aγ̌ik, польск. axčig.

35. Ахалцыхскіе lenes d и b являются какъ вставки между извѣстными согласными. Объ этомъ ср. § 49.

36. Ахалцыхскіе придыхательные kh, th, ph, čh, ch соотвѣтствуютъ грабарнымъ придыхательнымъ kh, th, ph, čh, ch.

ах. khun—сонъ, граб. khun=C. svapna; ив. sv.

ах. thanjr—густой, граб. thanjr=лит. tánkus, ив. th?

ах. čhuers—четыре, граб. čhorkh=quattuor, ив. k смягченное.

ах. vech—шесть, граб. vech=sex, ив. ks?

Можно утверждать, что придыхательные ахалцыхскіе и грабарные суть придыхательные общеармянскіе.

37. Кромѣ ах. придыхательныхъ, соотвѣтствующихъ общеармянскимъ придыхательнымъ, въ ахалцыхскомъ яв-

ляется придыхательный послѣ r тамъ, гдѣ мы въ грабарѣ находимъ группу r+мгновенный lenis. При этомъ безразлично, произошелъ ли lenis въ грабарѣ изъ ив. группы r+звонкій придыхательный, или изъ ив. r+глухой мгновенный.

ах. arthar—блаженный, граб. ardar, польск. artar—уеγ (масло), конст. artar, нах. arthar=C. ṛta, ив. t.

ах. parch—подушка, граб barj, польск. parc,=C. barhis, ив. gh[1].

ах. panchr — высокій, граб. barjr, польск. parcr, агул. beojr, джульф. bacr=З. berezat—, ив. gh[1].

Переходъ общеарм. j въ ch въ ах. panchr указываетъ на то, что n возникло здѣсь послѣ втораго сложнаго передвиженія, вѣроятно вслѣдствіе диссимиляціи слѣдующему r.

ах. harphim—напиваться, граб. arbil, arbenal, польск. harpeln, конст. harphil, тифлис., нах. harphel=лат. sorbere, ив. bh.

ах. marth—человѣкъ, граб. mard, польск. mart, агул. mord, тифл. marth=греч. βροτός, ив. t.

ах. paŕchi—навьючивать, граб. barji, аор. отъ baŕnam.

ах. lerth—печень, граб. leard.

ах. vuerch—самецъ, граб. orj=греч. ὄρχις.

ах. orthi (рѣдко)—сынъ, граб. ordi, польск. orti.

ах. yeph—когда, граб. erb, польск. yep, нах. eph, тифлис. erph, конст. erph и т. д. Относительно выпаденія r въ ах. ср. § 51.

Соотвѣтствіе это весьма правильное въ ах. говорѣ. Такой придыхательный, явившійся изъ прежняго мгновеннаго lenis, вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, встрѣчается и въ другихъ нарѣчіяхъ, напр. въ тифлисскомъ. Въ польскомъ мы находимъ всегда глухой мгновенный непридыхательный, такъ что въ польск. діалектѣ предшествующее r не оказывало

вліянія на измѣненіе послѣдующаго lenis перваго сложнаго передвиженія. Нужно полагать, что во всѣхъ діалектахъ существовалъ когда-то послѣ r тотъ мгновенный, который мы находимъ въ грабарѣ, слѣдов. нужно полагать, что общеармянскимъ мгновеннымъ былъ здѣсь мгновенный lenis (звонкій). Далѣе нужно думать, что общеарм. lenis развился между прочимъ изъ ив. глухаго мгновеннаго послѣ r (напр. въ ardar=ив. r̥ta).

Замѣчу здѣсь, что когда въ грабарѣ есть fortis послѣ r, развившійся изъ ив. звонкаго мгновеннаго при первомъ сложномъ передвиженіи согласныхъ, то въ ах. встрѣчается правильно lenis послѣ r, напр.

ах. sird—сердце, граб. sirt, польск. sird, агул. sart= греч. καρδία; ив. d.

38. Ахалц. придыхательный соотвѣтствуетъ грабарному lenis и происходитъ изъ общеарм. lenis, когда послѣдній находится въ концѣ слова.

ах. och—змѣя, грб. ôj, польск. oc=латин. anguis, ив. gh.

ах. aŕačh—передъ, раньше, грб. aŕaǰ, польск. aŕač.

ах. mêčh—внутри, въ, грб. mêǰ, польск. mêč = лат. medius, ив. dhy.

ах. окончаніе род. пад.—uečh, грб. oǰ, напр. ах. khur, род. khuruečh—сестра=грб. knoǰ.

Въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ прибавляется еще слогъ и слѣдовательно занимающій насъ согласный не находится въ концѣ, нужно было бы ожидать мгновеннаго fortis не придыхательнаго. Но обыкновенно развившійся въ имен. пад., въ концѣ слова, придыхательный переносится на всѣ падежи, напр.

ах. och, род. п. ochi, отлож. п. ochê. и т д.

Прим. Ах. придыхательные являются еще въ слѣдующихъ словахъ, которыхъ я не могъ подвести подъ общее правило и не выяснилъ ихъ себѣ:

ах. êkhvan—завтра, грб. aygun.

ах. mithkh—мысль, грб. mitkh.

ах. bakhnel, аор. bakhi, baki — цѣловать, грб. paganel, конст. bakhnel, польск. bakhnelu.

ах. tathril – уставать, грб. dadarel.

ах. chъgel, аор. chъgi—бросать, грб. jgel.

ах. phъthil—гнить, грб. phtil.

ах. hafkh—птица, грб. hav—птица, курица, pl. havkh.

39. Ахалц. m, n, l, r, ŕ соотвѣтствуютъ тѣмъ же грабарнымъ звукамъ и восходятъ къ общеарм. m, n, l. Вѣроятно, ŕ, отличное отъ r, существовало уже въ общеармянскомъ. Ахалцыхское r и ŕ соотвѣтствуютъ обыкновенно грабарнымъ r и ŕ. Оба восходятъ къ ив. r.—Общеарм. l, m, n соотвѣтствуютъ ив. l, m, n.

Ах. kaŕ—ягненокъ, грб. gaŕn=греч. ἀρνός, род. п., и т. д.

Прим. Объ уподобленіи носоваго къ l см. § 48.

Ах. n и r исчезаютъ при извѣстныхъ условіяхъ. См. §§ 51, 52.

40. Ахалцыхскому гортанному спиранту h соотвѣтствуетъ грабарное h и общеарм. h, напр.:

ах. har отецъ, грб. hayr., польск. har, тифл. hêr, джульф. xêr=лат. pater.

Общеармянское h происходитъ изъ ив. p, s, и рѣдко изъ другихъ ив. звуковъ.

41. Въ нѣкоторыхъ ахалцыхскихъ словахъ, въ началѣ слова передъ гласнымъ, мы находимъ h, котораго въ грабарѣ нѣтъ.

ах. harphil напиваться, грб. arbel, arbenal, тифл., нахич. harphel, конст. harphil, польск. harpelu=лат. sorbeo, ив. s.

ах. huerth, fuerth—теленокъ, грб. orth=греч. πόρτις, ив. p.

ах. halêvuer—старикъ, грб. alevor.

Въ этихъ словахъ ахалцыхскій своимъ h представляетъ болѣе древнее состояніе армянскаго языка, чѣмъ грабаръ. За общеармянскую нужно принимать форму съ h. h въ ах. harphim получилось такъ же изъ ив. s, какъ h въ грб. hin изъ того ив. s, которое было въ ἔνος, senex. h въ ах. huerth происходитъ изъ ив. p, какъ въ ах. har, грб. hayr, изъ ив. представителя латинскаго pater.

42. Есть наоборотъ случаи, гдѣ ахалцыхскій не имѣетъ h тамъ, гдѣ оно является въ грабарѣ, напр.

ах. avdal—довѣрять, грб. havatal, и нѣк. др.

43. Ахалцыхскіе задненебные спиранты x глухой и γ звонкій соотвѣтствуютъ такимъ же грабарнымъ x и γ и общеармянскимъ x и γ; напр.

ах. sъxal—ошибка, грб. sxal=греч. σφάλλομαι, ив. kh.

ах. aγvês—лисица, грб. aγuês, польск. aγves=греч. ἀλώπηξ?

Общеармянское γ происходитъ изъ ив. l и r.

44. Ахалцыхское x соотвѣтствуетъ грабарному γ и является въ общеарм. группѣ γ + lenis, дающей въ ах. x+ lenis. Объ этомъ ср. § 34. Тамъ же о соотвѣтствіи ах. x+ lenis грб. γ + придыхательный.

45. Ахалцыхскій средненебный спирантъ y соотвѣтствуетъ такому же грабарному и общеармянскому y.

Въ началѣ слова y исчезаетъ въ ахалцыхскомъ. См. § 54.

46. Ахалцыхскіе передненебные спиранты s, z, š, ž соотвѣтствуютъ такимъ же звукамъ въ грабарѣ.

ах. mis—мясо, грб. mis, старосл. мѧсо, ив. s.

ах. yes—я, грб. es, тифл. yis, агул. is, караб. es=лат. ego, С. aham, ив gh^1. Спирантъ въ арм. es, какъ въ литовскомъ asz, могъ произойти изъ ив. k^1.

ах. lizu—языкъ, грб. lezu, польск. lizu=лит. lẽžùvis.

Діалектическое i рядомъ съ лит. ẽ понятно. Но въ какомъ отношеніи грб. e въ lezu?

ах. šun—собака, граб. šun, польск. šun=греч. κύων. Почему общеарм. š?

Какъ мы видимъ, относительно звуковъ š, ž, s, z всѣ діалекты сходятся между собою. Можно думать, что эти звуки происходятъ изъ общеармянскихъ s, z, š, ž.

Общеарм. s происходитъ главнымъ образомъ изъ нв. k^1 и при извѣстныхъ условіяхъ изъ нв. s. Общеарм. z восходитъ къ нв. gh^1. Происхожденіе общеарм. š и ž не вполнѣ ясно.

47. Ахалцыхскому звонкому губному спиранту v соотвѣтствуетъ въ грабарѣ тотъ же звукъ; напр. ах. vъra—на, надъ, грб. veray, польск. vъra. Буква f въ грабарѣ введена поздно, около двѣнадцатаго вѣка, и употребляется только въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ. Въ армянскихъ словахъ не существовалъ звукъ f въ грабарѣ.

Кромѣ соотвѣтствующихъ грабарнымъ f и v, ахалцыхскій говоръ имѣетъ еще f и v совершенно другаго происхожденія, развившіяся въ чисто армянскихъ словахъ по извѣстнымъ законамъ. Въ грабарѣ мы не находимъ соотвѣтствующихъ такимъ f и v ахалц. говора звуковъ.

О вновь развившемся ах. f я буду говорить при разсмотрѣніи дифтонга ue, §§ 80—82.

Ахалц. v развилось изъ общеарм. o въ началѣ слова; напр. ах. vuer—который, грб. or. Объ этомъ см. § 75.

48. УПОДОБЛЕНІЕ.

а) Рядомъ съ грабарнымъ ln мы находимъ въ ахалцыхскомъ ll. Но большею частью l пришло въ соприкосновеніе съ n въ ахалцыхскомъ вслѣдствіе выпаденія гласныхъ.

ах. êllem—выйти, грб. elanel, польск. elelu.

ах. ъllil—быть, грб. linel.

ах. lъlem, ао. lъchi—наполнять, грб. lnum=plēnus.

ах. gallel рядомъ съ ganlel—затворять, грб. kalnum, kalum.

ах gъllel—глотать, грб. klanel.

б) Ахалцыхское ll соотвѣтствуетъ грабарному nl:

ах. anli, alli—безсольный, грб. anali.

ах. хъnlikh, хъllinkh, грб. xlinkh.

в) Общеармянскій префиксъ an, соотвѣтствующій греч. α privativum, является въ ахалцыхскомъ передъ губными какъ am.

ах. ampan—дуракъ, грб. anban.

г) ny обратилось въ mm въ

ах. hrammê, пожалуйста, и hammê—чего изволите, грб. hramayel, нах. hamê, польск. hramê.

Прим. Диссимиляцію видимъ въ:

ах. ъlmanil—быть похожимъ, грб. nmanel.

49. ВСТАВКА СОГЛАСНАГО.

Какъ во многихъ языкахъ, такъ и въ ахалцыхскомъ являются d и b между n и r, и m и r, напр.

ах. jandr—тяжелый, грб. canr, польск. jandr.

ах. hambrel—считать, грб. hamarel, польск. hambrelu.

ах. mandr—мелкій, грб. manr, польск. mandr.

Ахалцыхское r во всѣхъ этихъ примѣрахъ звучно.

ах. menj—большой, грб. mec=гр. μέγας, гот. mikils.

ах. menkh мы, грб. mekh.

50. ПЕРЕСТАНОВКА.

Переставляются r, l, n, напр.

ах. armung—локоть, грб. armukn.

ах. angaў—ухо, грб. akanў.

ах. ončhič̆h—ничего, грб. očhinč̆h.

ах. garmunў—мостъ, грб. kamurў.

ах. tardag—пустой, грб. datark.

ах. jorjag—затылокъ, грб. cocrak, cocorak.

ах. garbed—простой коверъ, грб. kapert.

ах. gêrsar—свекръ, грб skesrayr.

ах. lъval, vъlal—мыть, грб. luanal.

ах. gallel, ganlel—затворять, грб. kalnum, kalum.

ах. angaў, jorjag показываютъ, что переставка звуковъ произошло послѣ второго сложнаго передвиженія согласныхъ.

51. ИСЧЕЗНОВЕНІЕ ЗВУКОВЪ ВЪ АХАЛЦЫХСКОМЪ.

r исчезаетъ а) передъ слѣдующимъ š.

ах. khašel — тянуть, грб. kharšel, польск. khašelu, З. kareš—.

ах. xašel—варить, грб. xaršel.

ах. kašil—брезгать, грб. garšel.

б) передъ конечнымъ ph.

ах. suph, surph—святой, грб. surb, тифл. surph, нах. suph., польск. surp =C. çubhra.

ах. yeph—когда?, грб. erb, польск. yep, тифл., конст. jerph, нах jeph.

в) передъ конечнымъ s исчезаютъ r и ў въ:

ах. nes, nesъ—внутри, грб. i nerkhs.

ах. tus, tusъ—вонъ, внѣ, грб. duřs, караб dius, нах. tus.

Относительно выпаденія r въ послѣднемъ случаѣ сомнительно, чтобы всегда конечное rs обратилось въ ахалцыхскомъ въ s.

Въ срединѣ словъ rs сохраняются. Напр. ах. mêrsel—переваривать пищу, грб. marsel.

Также находимъ въ концѣ rs, напр. ах. hars, род. harsi—невѣста=грб. harsn, род. harsin. Съ другой стороны род. harsi могъ поддерживать r въ имен. hars.—Вообще матеріалъ по выпаденію r у меня недостаточенъ, чтобъ вполнѣ обусловить это выпаденіе. Прибавлю еще ačhaŕ—быкъ=грб. arǰaŕ.

52. Общеармянскій конечный носовой согласный послѣ согласнаго исчезаетъ въ ахалцыхскомъ, напр.

ах. aseŕ—иголка, грб. aseŕn, польск. aseŕ.

ах. tuŕ—дверь, грб. duŕn, польск. tur=грч. θύρα.

ах. oxdъ—семь, грб. euthn, конст. oxtъ=лат. septem.

ах. hars—невѣста, грб. harsn, род. harsin, польск. hars, агул. hors,=C. praçna.

ах. kaŕ—ягненокъ, грб. gaŕn, польк. kaŕ=грч. ἀρνός.

ах. êrthum—клятва, грб. erdumn.

ах. съmeŕ — зима, грб. jmeŕn=З. zima. n послѣ согласнаго сдѣлалось сначала глухимъ, потомъ исчезло совсѣмъ. Звонкое n развило бы передъ собою ъ и не исчезло бы.

53. Въ ахалцыхскомъ недостаетъ h въ

ах. avdal—довѣрять, грб. havatal.

ах. šъnuerkh—даръ, способность, грб. šnorhkh.

s исчезло въ ах. gêsur—свекровь, грб. skesur=грч. ἑκυρά.

k, g противъ грабара недостаетъ въ ах. zarnem, аор. zargi—ударить, грб. zarkanem, польск. zarnelu.

ах. gaynim—стоять, грб. kangnim, польск. gannim, конст. gaynim, нах. kaynem, кар. kaŕnem.

ах. ъynim, ъngnim, аор. ъnga — падать, грб. ankanim, кар. ъŕnem, ъnnîm, тифл. ъngnem, нах. iynem, конст. iynam.

54. Общеармянское y въ началѣ слова исчезаетъ въ ахалцыхскомъ; напр.

ах. Aruthig—имя собственное, грб. yaruthiun—воскресеніе.

ах. êdev—послѣ, грб. yetoy.

ах. êsan—точило, грб. yesan.

ах. idjun—пятьдесятъ, грб. yisun.

Выпаденіе гласныхъ я буду разсматривать при обозрѣніи каждаго соотвѣтственнаго гласнаго. О выпаденіи звука а см. §§ 57—59, е—§ 70, о—§ 79.

ГЛАСНЫЕ.

55. Гласные ахалцыхскаго говора слѣдующіе: а, ê, е, і, о, u, ъ; дифтонги ау, ue, ъу. Въ иностранныхъ словахъ встрѣчаются, кромѣ того, простые гласные ä, ö, ü, дифтонги öу, üу и нѣкоторые другіе.—Я займусь только первыми.

56. Ахалцыхское а соотвѣтствуетъ грабарному и общеармянскому а. Произошло оно изъ ив. а, â, о не чередующагося съ е (ср. Saussure, стр. 97), изъ ô и изъ того ирраціональнаго гласнаго, который находился въ индоевропейскомъ передъ слоговыми плавными и носовыми, рѣдко изъ другихъ источниковъ (ср. Гюбшманъ, стр. 58). Въ грабарѣ а сохраняется вездѣ, кромѣ въ первоначально-послѣднемъ слогѣ. Тоже самое нужно допустить въ общеармянскомъ. Въ ахалцыхскомъ общеармянское а исчезаетъ при извѣстныхъ условіяхъ.

57. Въ ахалцыхскомъ общеармянское а исчезаетъ вездѣ, кромѣ въ первомъ и въ послѣднемъ слогѣ; напр.

ах. hivъndnal, аор. hivъndcha—захворать, грб. hivandanal.

ах. meŕnil—умереть, грб. meŕanil, польск. mernelu.

ах. mъdnil, аор. mъda—входить, грб. mtanel.

ах. hasnil—достигать, грб. hasanel, польск. hasnelu.

ах. hambrel—считать, грб. hamarel, польск. hambrelu.

b развилось послѣ исчезновенія а.

ах. axgad, род. axgъdi—нищій, грб. aγkhat, род. aγkhati.

ах. panlikh, pallinkh—ключъ, грб. banali.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что въ двухсложномъ словѣ общеарм. а сохраняется въ ахалцыхскомъ, въ трехсложномъ исчезаетъ во второмъ слогѣ, въ четырехсложномъ исчезаетъ во второмъ и третьемъ слогѣ и т. д. При этомъ нужно замѣтить, что и гласный ъ можетъ быть носителемъ перваго слога.

Относительно появленія ъ на мѣсто исчезнувшаго а ср. § 87 и слѣд.

58. Въ флексіи, въ косвенныхъ падежахъ при склоненіи и въ прошедшихъ временахъ и т. д. въ спряженіи, языкъ часто колеблется между формами, въ которыхъ а исчезло по вышеприведенному правилу, и такими, въ которыхъ а сохранилось противъ нашего правила. Послѣднія формы—новообразованія, возникшія вновь изъ имен. пад. для косвенныхъ падежей и изъ наст. вр. для аориста и т. д. Но фонетически-правильныя формы рѣшительно преобладаютъ передъ новообразованіями. Примѣры:

ах. aman—сосудъ, род. п. amni и рядомъ съ нимъ употребляемое рѣже amani, образованное изъ имен. пад. прибавленіемъ i.

ах. aγam—мелю, аор. axchi, образовано правильно при выпаденіи а. Рядомъ находится aγachi, образованное изъ наст. вр. aγam суффиксомъ chi, какъ аор. къгēchi отъ наст. вр. къгem.

ах. kiranam, kirnam, аор. kiracha, kircha—ожирѣть, грб. giranam.

59. Неясно отношеніе грабарнаго а къ ах. ъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

ах. ъngnil, ъynil—падать, грб. ankanil, тифл. ъngnel, польск. ъnnelu, кар. ъγnel, нах. iynel, конст. iynal.

ах. ъsel—сказать, грб. asel, тифл. asil, агул. ъhil, ahil.

ах. žъmnêchъnel—успѣвать, грб. žamanel.

60. Ах. протетическое а вмѣсто грабарнаго протетическаго е является въ ах. axbar—братъ, грб. eγbayr.

а имѣютъ еще польск. aγpar, тифл. axpêr, и т. д.

61. Ах. an вмѣсто грб. ean является въ родительномъ пад. тѣхъ словъ, которыя въ грабарѣ, въ именительномъ пад., оканчиваются на iun, въ ахалц. на—un, напр.

ах. N. cun, G. can—снѣгъ, грб. jiun, G. jean.

62. Ахалцыское а является еще въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ дифтонгомъ ау. (Фонетически слѣдовало писать aı̯, но въ грабарѣ совпали въ одной буквѣ ı̯ неслоговое и у. См. § 6).

ах. al—еще, тоже грб. ayl, польск. al=лат. alius.

ах. kal—волкъ, грб. gayl, польск. kal, агул. gul. = греч. λύκος.

ах. axbar—братъ, грб. eγbayr, тифл. axpêr=лат. frater.

ах. lan—широкій, грб. layn, нах. lan, польск. lan=греч. πλατύς.

ах. mar—мать, грб. mayr, тифл. mêr, польск. mar=латин. mater.

ах. aj—коза, грб. ayc, польск. aj—греч. αἴξ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою случаи, гдѣ грб. ау и ах. а происходятъ изъ индоевропейск. дифтонга, какъ въ ах. aj, грб. ayc., или изъ индоевропейск. гласнаго + мгновенный передненебный, какъ въ ах. mar, lan, axbar, или, наконецъ, изъ другихъ ив. согласныхъ + гласные, напр., ах. kal, грб. gayl. Мы увидимъ послѣ, что въ другихъ діалектахъ и даже въ ах. иногда грабарному ау соотвѣтствуетъ ê Опираясь на это обстоятельство и въ особенности на такія слова, какъ ах. aj. грб. ayc., въ которыхъ

грабарный дифтонгъ восходитъ понятно къ ив. дифтонгу, можно грабарный дифтонгъ ау считать общеармянскимъ, и соотвѣтствующій ему звукъ а въ другихъ діалектахъ можно считать за позднѣйшее измѣненіе общеармянскаго дифтонга.

Слѣдовательно ах. kal получилось такимъ образомъ: ив. v въ v̥lkos (̥ обозначаетъ ив. ирраціональный неслоговой гласный, послѣдующее l было слоговымъ) дало въ общеарм. g. Ив. l̥ (l слоговой) дало общеарм. al. Исчезнувшій звукъ k оставилъ въ общеарм. почему-то у передъ l (какъ alius дало общеарм. ail). Такимъ образомъ получилось общеарм. gayl, ах. kal. — Въ ах. mar, грб. mayr, общеарм. mayr= лат. mater, у общеарм. получилось изъ ив. t. Такое же соотношеніе между дифтонгомъ ау въ грабарѣ и а въ другихъ діалектахъ мы видимъ въ окончаніи 3-го л. ед. ч. наст. вр. основъ на а, какъ грб. aʏau, ах. aʏa, и т. д.

Примѣчаніе. Относительно ах. ê, соотвѣтствующаго грб. ау, ср. § 67.

63. Ахалцыхское е, чередующееся съ ê, является правильнымъ соотвѣтствіемъ индоевропейскому е, именно: индоевропейское е даетъ въ ах. во всякомъ неударенномъ слогѣ и въ концѣ слова ê; въ ударенномъ слогѣ и въ конечномъ закрытомъ слогѣ индоевр. e даетъ въ ахалцыхскомъ e. Въ обозрѣніи звуковъ ахалц. говора я говорилъ (§ 3) о томъ, что если е закрытое приходилось въ ахалцыхскомъ въ началѣ слова, то оно развивало передъ собою призвукъ въ родѣ іота, подобно тому, какъ въ русск. языкѣ индоевр. esti дало есть, т. е. ѥсть. Напр.

ах. pêrél—приносить, род. пад. pêrêlú=грб. berel.

ах. êllel—выходитъ, аор. êla, повелительное yel=грб. elane.

Исключеніе изъ этого чередованія составляетъ повелитель-

ное 2-го лица ед. ч., которое имѣетъ рядомъ съ окончаніемъ er еще окончаніе e въ концѣ слова, вмѣсто ожидаемаго ê; напр. ах. pe, per (принеси). По всей вѣроятности форма pe образовалась въ довольно позднее время изъ per отпаденіемъ конечнаго r. Но это e можетъ быть другаго происхожденія чѣмъ остальныя конечныя e. Форма съ r и безъ r смѣняютъ другъ друга также въ причастіи, образующемъ перфекты, напр. yes yem marê и yes marer yem; но здѣсь является правильно конечное ê въ чередованіи съ e въ закрытомъ конечномъ слогѣ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ ахалц. является e, чередующееся съ ê, мы находимъ въ грабарѣ e, которому въ праязыкѣ соотвѣтствуетъ e, какъ въ ах. pêrem—приношу, грб. berem, греч. φέρω. Ср. § 68.

ах. êphem—варю, грб. ephem=греч. ἕψω.

ах. hêru—въ прошломъ году=πέρυσι.

ах. vech—шесть, vêchêd—изъ васъ шести, грб. vech, лат. sex и т. д.

Поэтому мы должны принимать въ общеармянскомъ, какъ соотвѣтствіе индоевропейскому e, довольно закрытое e, изъ котораго неударенность могла развить впослѣдствіи въ ахалцыхскомъ ê открытое.

64. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, подобное чередованіе между ê открытымъ и e закрытымъ существуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ. Но въ тѣхъ пособіяхъ, которыя у меня есть, не обращено вниманія на это явленіе. Можетъ быть подобныя условія вызвали тифл. ê и i изъ общеарм. e, о которыхъ упоминаетъ Петерманъ, стр. 64, 65.

65. Кромѣ того ê, которое развилось изъ общеарм. e вслѣдствіе неударяемости, ахалцыхскій говоръ имѣетъ еще второе ê, происшедшее изъ общеарм. ê и соотвѣтствующее грабарному ê.

Общеармянское ê получилось изъ индоевр. дифтонговъ ei, oï, съ ï неслоговымъ во второй части, напр. mêz—urina = С. mêha, mêg—туманъ=С. megha и т. д. Кромѣ того развилось общеарм. ê на армянской почвѣ изъ первоначальнаго e+ передненебный мгновенный или спирантъ при извѣстныхъ условіяхъ. Наприм. окончаніе ê въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. berê изъ индоевр. bhereti или ê въ общеарм. mêǰ изъ индоевр. medhios. Но нужно замѣтить, что изъ вышеозначенныхъ индоевропейскихъ звуковъ получилось общеарм. ê только тогда, когда они, въ извѣстный періодъ общеармянскаго языка, находились подъ удареніемъ. Въ неударенномъ слогѣ индоевропейскій дифтонгъ ei, oi являлся въ общеармянскомъ въ видѣ i. Такъ какъ въ послѣдній періодъ общеармянскаго языка ударение находилось почти всегда на послѣднемъ слогѣ, а съ другой стороны косвенные падежи были обыкновенно однимъ слогомъ больше, чѣмъ именительный пад., то, понятно, индоевр. oi, ei въ одномъ и томъ же словѣ давали часто ê, чередующееся съ i въ предпослѣднемъ слогѣ.

Вслѣдствіе этого общеармянскаго чередованія ê съ i мы имѣемъ напр. грб. gêt—ученый, съ ударенным общеармянскимъ ê, и грб. gitel—знать, ах. kidnam, польск, kidnalu и т. д, съ неударенным общеармянскимъ i, изъ первоначальнаго oi.—Ср. греч, οἶδα, С. veda.

Также грб. mêǰ, род. miǰoy (средина), польск. mečъ—среди, ах. mêčh, род. michi, mêčhi—средина.

Что ах. род. п. mêčhi есть новообразованіе, пропешедшее отъ именительнаго пад. mêčh посредствомъ окончанія i, а не унаслѣдованный изъ род. пад. индоевропейскаго праязыка, это видно изъ того, что въ родительномъ пад. является čh. čh въ mêčhi могло развиться только въ именительномъ пад., гдѣ оно развилось фонетически въ концѣ слова.

ах. dêr, G. dirueč—хозяинъ, соотвѣтствуетъ по коренному гласному грабарному têr—господинъ, tiragêt—знающій Господа, между тѣмъ какъ грабарный родительный п. teaŭn сохранилъ вѣтоятно старое склоненіе.

Разъ возникшее въ общеармянскомъ чередованіе между ê и i сохраняется въ діалектахъ тамъ, гдѣ новообразованія не вытѣснили его. Но страсть къ новообразованіямъ сильно свирѣпствуетъ во всемъ армянскомъ языкѣ, во всѣ эпохи. Вслѣдствіе этого получились формы, какъ ах. têz, G. têzi—куча, рядомъ съ грб. dêz, G. dizi. Новообразованіе ахалцыхскаго говора состояло здѣсь въ томъ, что вмѣсто стараго родительнаго пад. онъ образовалъ новый, изъ именительнаго п. посредствомъ окончанія родительнаго пад. i. Подобный способъ новообразованія мы подмѣтили уже, разсматривая исчезновеніе a, въ § 58.

Но и въ ахалцыхскомъ сохранился слабый видъ этого корня въ глаголѣ tizel—собирать въ кучу, грб. dizel.

66. Третье ахалцыхское ê, въ началѣ слова, соотвѣтствуетъ грабарному уа въ началѣ слова.

ах. êrth—солома, грб. yard.

ах. êxdel—побѣждать, грб. yaγthel.

Недостатокъ матеріала не позволилъ мнѣ выяснить это отношеніе.

67. Кромѣ ах. ê изъ общеарм. e, индоевропейскаго e, и кромѣ ах. втораго ê, изъ общеарм. ê и индоевропейскаго дифтонга, ei, oi, и кромѣ ах. ê изъ общеармянскаго начальнаго уа, мы различаемъ въ ахалцыхскомъ еще четвертое ê въ

ах. êrig—мужъ, грб. ayr, польск. erig-mart, нах. êrimarth; конст. erigmart.

ах. cêr – конецъ, верхушка, грб. jayr.

ах. cên—голосъ, грб. jayn.

ах. êrel—жечь, грб. ayrel, польск. erelu=З. atare.

Общеармянскій языкъ имѣлъ въ этихъ словахъ вѣроятно ai. Непонятно, почему ахалцыхскій имѣетъ въ этихъ словахъ ê изъ общеармянскаго ai, а не a, какъ слѣдовало ожидать по § 62. Не заимствованы ли эти слова изъ другихъ діалектовъ? Въ тифлисскомъ нарѣчіи мы находимъ въ такихъ случаяхъ всегда ê.

Прим. Укажу здѣсь на указательныя мѣстоименія:

ах. as, at, an, соотвѣтствующія грабарнымъ ays, ayd ayn. Рядомъ съ as, at, an находимъ въ ахалцыхскомъ еще основу is—, it—, in—, напр. въ isi—этотъ, istêγich - отсюда isuer—этого и т. д.

68. e, чередующееся въ неударенномъ слогѣ съ ê, является въ ахалцыхскомъ не только въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ e, какъ мы видѣли § 63, но и въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ ea. См. § 61.

ах. lerth, G. lêrthi—печень, грб. leard, нѣм. Leber.

ах. sev, G, sêvi—черный, грб. seav, C. çyâva—.

Но ах. tahêg—нянька имѣетъ ê, грб. dayeak.

69. Ах. e въ соотвѣтствіи съ грб. iu мы находимъ въ суффиксѣ, образующемъ отвлеченныя имена,—then, G. than= грб.—thiun, g.—thean, напр.

N. dêruthen, G. dêruthan, грб. teruthiun, G. teruthean.

ах. yeγ—масло, грб. iuγ заимствовано изъ греч. ἔλαιον.

70. Общеармянское e въ ахалцыхскомъ обыкновенно не исчезаетъ. Единичные случаи, гдѣ грабарному e въ ахалц. не соотвѣтствуетъ никакой звукъ, суть:

ах. avъrel - разрушить, грб. averel, нах. avrel.

ах. vъra—на, надъ, грб. veray, польск vъra = старославянск. вьрьхъ.

Въ ахалцыхскомъ уе въ срединѣ слова не сохраняется, а стягивается въ одно і, если предшествуетъ гласный а. а съ і сливаются тогда въ дифтонгъ аі (пишу ау), напр.:

ах. hayli—зеркало, грб. hayeli, польск. hayli.

ах. vaylel—наслаждаться, грб. vayelel.

71. Ахалцыхское і происходитъ изъ общеармянскаго і. Въ общеармянскомъ і развилось главнымъ образомъ изъ ив. і, ê и е (изъ послѣдняго при извѣстныхъ условіяхъ, которыя не вполнѣ выяснены). Кромѣ этого і было въ общеармянскомъ еще второе і, развившееся изъ тѣхъ ив. звуковъ въ неударенномъ слогѣ, которые въ ударенномъ слогѣ дали общеармянское ê. О послѣднемъ і я говорилъ § 65. і, происшедшее изъ ив. і, ê, е, сохранялось въ общеармянскомъ только въ ударенномъ слогѣ, а въ не ударенномъ слогѣ это і исчезло уже въ общеармянскомъ. Законъ о выпаденіи неударенаго і не распространяется на отдѣльную жизнь діалектовъ. Ахалцыхскій говоръ напр. сохраняетъ всякое неударенное общеармянское і, которое сохранилось въ общеармянскомъ. Также поступаетъ и грабаръ.

ах. amis, G. amsu—мѣсяцъ, грб. amis, G. amsoy=лат. mênsis.

ах. khъrdinkh—потъ, грб. khirtn, G. khṙtan=греч. ἱδρώς.

ах. kini, G. kinu—вино, грб. gini=греч.. οἶνος.

Въ двухъ первыхъ примѣрахъ исчезли ив. ê, і въ неударенныхъ слогахъ въ общеармянскомъ. Въ kini находимъ мы і въ неударенномъ слогѣ, но это і есть і втораго рода, происшедшее изъ ив. оі, какъ показываетъ греческій языкъ. Такое і должно было сохраняться въ общеармянскомъ по § 65.

72. Ахалцыхское і вмѣсто грб. е находимъ въ:

ах. irekh—три, грб. erekh, польск. irekh=лат. trcs.

ах. irigun—вечеръ, грб. erekun=греч. ἕρεβος.

ах. lizu — языкъ, грб. lezu, кар. liuziu, польск lizu = лит. lëžùvis.

73. Общеармянскому и грабарному au, ô передъ согласнымъ, изъ индоевропейскихъ â, a, ô, o+v, t, m, при извѣстныхъ условіяхъ, соотвѣтствуетъ въ ахалцыхскомъ o.

ах. hor, G. отъ har—отецъ, грб. G. haur=греч. πατρός.

ах. ojel—мyропомазать, грб. aucanel.

ах. or—день, грб. aur, польск. or.

74. Неясно отношеніе въ:

ах. къlox, G. къlxu—голова, грб. glux, G. glxoy, нах. kolox, агул. giuliux, польск. kolox, кар. klox.

ах. horoxbar—дядя, грб. horeŕbayr.

75. Изъ общеармянскаго o, восходящаго къ индоевропейскому o и къ индоевр. e въ такомъ случаѣ, когда послѣднее находится рядомъ съ v, получаемъ въ ахалцыхскомъ три звука úe, o и vúe, (а можетъ быть еще четвертый u,) въ зависимости отъ ударенія и отъ положенія въ словѣ, по слѣдующимъ правиламъ:

Изъ общеармянскаго o получилось въ ахалцыхскомъ o во всякомъ неударенномъ слогѣ. Общеармянск. ударенное o дало въ ахалцыхскомъ послѣ согласнаго úe, въ началѣ слова vúe. Въ концѣ слова, если судить по родительному пад. личнаго мѣстоименія второго лица ах. khu, грб. kho, и по повелительному причинительныхъ глаголовъ, имѣющему въ грабарѣ окончаніе—cho, въ ах.— chu, является въ ахалцыхскомъ u съ удареніемъ въ соотвѣтствіи съ грб. ударенным o. Но было ли въ послѣднихъ двухъ формахъ въ общеармянскомъ дѣйствительно o? Что въ концѣ слова вмѣсто ue, находимаго нами при тѣхъ же условіяхъ не въ концѣ слова, могло явиться u, это вполнѣ понятно. Вторая часть дифтонга ue могло исчезнуть въ концѣ слова, или могло вовсе не развиться.

Чередованіе между неударенным о и ударенным ue параллельно чередованію между неударенным открытым ê и ударенным закрытым e. Ср. §§ 63, 64; какъ передъ закрытым ударенным e въ началѣ слова развилось въ ахалцыхскомъ y (§ 63), такъ и передъ начальным ударенным ue развилось въ ахалцыхскомъ v. Далѣе, какъ ах. e, чередующееся съ ê, получилось изъ ив. e, такъ и ах. ue, чередующееся съ o, получилось изъ ив. o. ПРИМѢРЫ:

ах. kuerj, G. korji—дѣло, грб. gorc=греч. ἔργον.

ах. vuesd, G. vosdi—сукъ, грб. ost=греч. ὄζος.

ах. vuedkh, G. odkhi, vodkhi, pl. odvъner нога, грб. otn= греч. ποδς, ποδός.

ах. vuer—который, вопросительное мѣстоименіе, ах. or который, относительное мѣстоименіе, ах. or—что, союзъ. Неударенность въ предложеніи относительнаго мѣстоименія, въ особенности союза, дало ах. or изъ общеармянскаго or. Сильное удареніе вопросительнаго мѣстоименія «который?» дало изъ того же общеармянскаго or: vuer?

Въ грабарѣ вопросительное и относительное мѣстоименіе—or. Подобнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ грб. thoy, находимъ въ ах. форму thuey—пусть! оставь! въ отдѣльномъ употребленіи, проклитически же передъ глаголомъ ах. thoy, напр. thoy kъrê—пусть онъ напишетъ.

76. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, v переносится часто изъ именительнаго падежа въ другіе падежи, напр. род. п. vodkhi, вмѣсто odkhi. Въ послѣднемъ, двухсложномъ словѣ v никакъ не могло развиться фонетическимъ путемъ, и им. п. множ. ч. odvъner остался безъ прибавленія v къ началу.

77. Непосредственно послѣдующее v мѣшаетъ развитію ue изъ общеармянскаго o, и вмѣсто ожидаемаго uev мы на-

ходимъ ov въ ахалцыхскомъ, напр. ах. gov—корова, грб. kov=греч. βοῦς. Поэтому ах. творительный пад. имѣетъ окончаніе—ov, хотя находился подъ удареніемъ, напр. ах. marthov—человѣкомъ, грб. mardov.

78. Нельзя объяснить изъ одного ахалцыхскаго говора о въ охдъ—семь, грб. euthn, польск., нах. конст. охъ=septem.

79. Армянское o обыкновенно сохраняется въ ахалцыхскомъ, какъ и въ грабарѣ. Случаи, гдѣ въ ахалцыхскомъ недостаетъ o сравнительно съ грабаромъ:

ах. sorvil—привыкать, грб. sovoril, польск. gi—sorvim.

ах. godřel—разрубить, грб. kotorel, польск. godrelu, нах. kotřel, конст. godrel.

ах. žoγvel—собирать, грб. žoγovel.

ах. oγuerth и γuerth—въ самомъ дѣлѣ, вопросительно и утвердительно, грб. oγord, uγγord—прямой.

80. Въ грабарѣ, какъ извѣстно, f употребляется только въ иностранныхъ словахъ. Въ общеармянскомъ языкѣ этотъ звукъ не существовалъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ словахъ, которыя были унаслѣдованы изъ индоевр. праязыка.

При обозрѣніи согласныхъ ахалцыхскаго говора, я указалъ на то, что въ ахалцыхскомъ является звукъ f въ чистоармянскихъ словахъ. Впрочемъ такое f, возникшее на армянской почвѣ уже послѣ распаденія общеармянскаго праязыка, мы встрѣчаемъ и въ другихъ діалектахъ, напр. въ нахичеванскомъ.

Такъ какъ этотъ звукъ развился въ ахалцыхскомъ изъ o и въ связи съ тѣмъ, что я говорилъ выше о представителяхъ общеармянскаго o въ ахалцыхскомъ, то я отнесъ къ этому мѣсту разсмотрѣніе ахалцыхскаго согласнаго f.

Привожу, на сколько позволяетъ мой матеріалъ, тѣ ахал-

цыхскія слова, которыя содержатъ f и восходятъ по крайней мѣрѣ до общеармянскаго языка:

ах. fueγ, hueγ, G. hoγi—земля, hoγel—засыпать землею, грб. hoγ.

ах. fuer, huer—колодезь; horel, рѣдко forel—хоронить; грб. hor.

ах. fued, hued—запахъ, грб. hot, польск. hodalu—вонять, fъd—запахъ, нах. fot.

ах. fuerth, huerth—теленокъ, грб. orth, литер. horth, польск. fъrt=πόρτις.

ах. fues, hues—здѣсь, нах. hos, конст. hos, польск. hos.

ах. fuen, huen—тамъ, польск., конст. hon.

ах. mayhvan, mayfan, родительный пад. отъ mayh—смерть (рѣдко); грб. mah, G. mahu.

Послѣдній примѣръ даетъ намъ ключъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи ах. f. Родительный пад. mayhvan очевидно образованъ посредствомъ окончанія родительнаго пад. —van, которое мы находимъ напр. въ cъmer, G. cъmêrvan (зима). mayfan развилось изъ прежняго mayhvan; f изъ сочетанія h+v. Что родительный пад. колеблется между формою съ h и безъ h, mayfan и mayhvan можно объяснить вліяніемъ именительнаго падежа. Иначе было бы непонятно сохраненіе формы mayhvan рядомъ съ mayfan.

Сопоставляя остальныя слова, въ которыхъ мы нашли въ ахалцыхскомъ f рядомъ съ h, мы видимъ, что въ этихъ словахъ h рядомъ съ f находится въ началѣ слова, что за f слѣдуетъ всегда ue, что слова эти односложны (по крайней мѣрѣ въ именительн. падежѣ) и слѣдовательно имѣютъ удареніе на úe, что въ грабарѣ соотвѣтствуетъ всегда начальное ho.

При этихъ условіяхъ и принимая въ соображеніе сказанное выше насчетъ mayfan, происхожденіе f физіологически вполнѣ понятно.

81. Мы видѣли, что изъ общеармянскаго удареннаго o въ ахалцыхскомъ получится дифтонгъ ue, въ началѣ слова vue. Это начальное v развилось изъ прежняго, такъ называемаго glide'a.

Такое же vue развилось когда-то въ ахалцыхскомъ и тамъ, гдѣ o не было въ началѣ, а слѣдовало за начальнымъ h. Такъ что изъ общеармянскаго hot развилось ах. hvued.

Причина этому явленію—физіологическія условія образованія h исключительно въ гортани, такъ что h можно здѣсь принимать за сильный придыхательный приступъ (gehauchter Ansatz) къ образованію гласнаго.

Такимъ образомъ мы получили въ ахалцыхскомъ предполагаемомъ hvued такое же сочетаніе h+v, какое мы выше видѣли въ mayhvan.

Изъ hv получилось ахалцыхское f. Это явленіе можно объяснить физіологически слѣдующимъ образомъ:

Пока образованіе h въ гортани еще продолжается, и пока воздухъ проходитъ черезъ полость рта безпрепятственно, нижняя губа и верхняя губа и верхніе зубы уже укладываются для произношенія v.

Струя воздуха, образующая h и продолжающаяся еще въ то время, когда соотвѣтствующіе органы уложились уже для произношенія v, мѣшаетъ произношенію чистаго v тѣмъ, что количество выдыхаемаго воздуха при образованіи h больше, чѣмъ при образованіи v. Вслѣдствіе этого v является сопровожденнымъ бо̀льшимъ шумомъ, чѣмъ обыкновенно, и такимъ образомъ сближается съ f.

Потерявъ звонкость, которая теперь дѣлается уже неудобной, v становится вполнѣ f.

Разъ въ началѣ слова получилось изъ соприкосновенія hv: hf, то h могло еще продолжать нѣсколько времени свое существованіе рядомъ съ f.

Но шумъ, производимый звукомъ f, настолько сильнѣе слабаго, предшествующаго ему, h, что h становится рядомъ съ нимъ неслышнымъ и можетъ наконецъ совсѣмъ исчезнуть. Такимъ образомъ получилось изъ общеарм. hor ах. huer—*hvuer—*hfuer—fuer. Изъ mayhvan—*mayhfan—mayfan.

82. Въ родительномъ падежѣ мы находимъ въ ахалцыхскомъ hodi (при N. fued, hued). Такъ и слѣдовало ожидать. Въ многосложномъ словѣ удареніе было въ общеармянскомъ на послѣднемъ слогѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣдній періодъ общеармянскаго языка и можетъ быть за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстоименій. Общеармянское удареніе сохраняется и въ ахалцыхскомъ. Слѣдовательно, въ такомъ двухсложномъ словѣ, какъ G. hodi, удареніе было въ ахалцыхскомъ всегда на послѣднемъ слогѣ. Неударенное общеармянское o дало въ ахалцыхскомъ открытое o, передъ нимъ h должно было сохраняться какъ h, и не могло развить изъ себя f.

Но a priori можно предполагать, если мы имѣемъ N. fued и G. hodi, что такія формы отъ одного и того же слова, съ различными начальными звуками, не могли избѣгнуть упростительнаго дѣйствія аналогіи. Смѣшеніе формъ съ h и съ f въ началѣ было необходимо какъ противодѣйствіе фонетикѣ, которая успѣла уничтожить почти всякое наружное указаніе на родство между N. fued съ G. hodi и тѣмъ подорвать семейную связь между такими близкими родственниками, какъ именительный и родительный падежи, притомъ въ цѣ-

лой группѣ словъ. Вслѣдствіе этого, h изъ косвенныхъ падежей должно было являться и въ именительномъ, какъ и наоборотъ, f изъ именительнаго падежа могло переноситься и въ другіе падежи. Этимъ объясняется N. fued. рядомъ съ hued, G. hodi рядомъ съ fodi.

Къ счастію, указаніе на то, что f развилось въ именительномъ падежѣ, мы находимъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: хотя формы съ f въ именительномъ пад. во многихъ словахъ менѣе употребительны, чѣмъ формы съ h, за то въ двухсложныхъ падежахъ формы съ h употребляются почти исключительно, и только въ видѣ исключенія встрѣчаются въ послѣднихъ формы съ f. Такое же рѣдкое употребленіе формы съ f встрѣчается иногда въ производныхъ отъ этихъ именъ глаголахъ. Такъ мы находимъ напр. N. huer, fuer, G. hori, совсѣмъ рѣдко fori. Рядомъ съ horel—хоронить попадается иногда forel.

Подобное f изъ общеарм. h мы видимъ еще въ вышеприведенныхъ польск. fъd — запахъ=ах. fued, въ польск. fъrt—теленокъ=ах. fuerth и въ нах. fot. Къ сожалѣнію, этимъ и исчерпанъ нашъ матеріалъ по этому вопросу.

83. Ахалцыхскій говоръ имѣетъ и того же происхожденія, какъ грабаръ, т. е. изъ общеармянскаго u. Общеармянское u происходитъ изъ ив. u, изъ ив. o при извѣстныхъ условіяхъ и рѣдко изъ другихъ ив. звуковъ. Ср. Гюбш. стр. 62.

Это общеармянское u исчезло уже въ общеармянскомъ языкѣ тамъ, гдѣ оно было безъ ударенія въ ту эпоху общеармянскаго языка, когда удареніе находилось уже почти вездѣ на послѣднемъ слогѣ.

Тамъ гдѣ u сохранилось въ общеармянскомъ, оно сохра-

няется и въ ахалцыхскомъ. А сохранилось оно въ общеармянскомъ въ ударенномъ слогѣ, не передъ гласнымъ.

Въ грабарѣ дѣло насчетъ и такъ же, какъ въ ахалцыхскомъ, такъ что относительно выпаденія и сохраненія и фонетическимъ путемъ, ахалцыхскій говоръ стоитъ на одной ступени съ грабаромъ.

Напр. ах. pazug, G. pazgi—стебель свекловицы, грб. bazuk, G. bazki—рука, локоть и т. д.

Но и здѣсь, какъ вездѣ въ армянскомъ, разрушительная аналогія оставила глубокіе слѣды. Такъ въ множ. числѣ является рядомъ съ старымъ, фонетически развившимся pazgъner еще pazugner, образованное прямо изъ именительнаго падежа прибавленіемъ окончанія—ner. А въ этой новой формѣ имен. падежа множ. числа и должно было сохраниться въ ахалцыхскомъ потому, что, какъ я уже сказалъ, неударенное и уже не исчезаетъ фонетически въ ахалцыхскомъ.

Такъ же мы находимъ напр. ах. êrthum, G. êrthumi – клятва, гдѣ родительный пад. прямо образованъ изъ именительнаго, такъ какъ въ грабарѣ соотвѣтствуетъ erdumn, G. erdman.

84. Кромѣ этого ахалцыхскаго и, соотвѣтствующаго вполнѣ грабарному и и восходящаго главнымъ образомъ къ ив. и и о, мы имѣемъ въ ахалцыхскомъ еще второе и, совершенно другаго происхожденія.

Первое ахалц. и сохраняется подъ ударéніемъ и выпало уже въ общеармянскомъ тамъ, гдѣ оно было безъ ударенія, какъ въ pazug, G. pazgi.

Второе же ах. и сохраняется въ ахалцыхскомъ говорѣ въ ударенномъ и въ неударенномъ слогѣ и нигдѣ не исчезаетъ. Оно соотвѣтствуетъ въ ударенномъ слогѣ грабарному оу, а въ неударенномъ—грабарному и. Происходитъ оно изъ ив. дифтонговъ еи и ои. Примѣры такого и:

ах. lus, G. lusi—свѣтъ, грб. loys, G. lusoy, польск. lus= греч. λευκός.

ах. anuš—сладкій, грб. anoyš, тифл. anuš, польск. anuš.

ах. khur, G. khuruech — сестра, грб. khoyr, G. kheŕ, тифл. khur, эрив. khir, польск. khur=C. svasâ, гот. svistar.

На этомъ мѣстѣ намъ нужно узнать, какой здѣсь былъ общеарм. звукъ, изъ котораго получилось грабарное оу и въ большинствѣ діалектовъ u, въ нахичеванскомъ i, какъ мы видѣли выше. Для рѣшенія этого вопроса недостаточно тѣхъ нѣсколькихъ словъ, которыя у меня есть, для большинства діалектовъ ни одного примѣра нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ сдѣлать здѣсь предположеніе, которое, если оно со временемъ и окажется невѣрнымъ, всетаки обратитъ вниманіе на этотъ вопросъ.

Грабарное оу, чередующееся въ неударенномъ слогѣ съ u, какъ въ loys, G. lusoy, идетъ параллельно грабарному ê, изъ ив. дифтонга oi, ei, чередующемуся въ неударенномъ слогѣ съ i. Подобное чередованіе ê съ i мы видѣли и въ ахалцыхскомъ, и допускали его въ общеармянскомъ. Но грабарному ударенному оу, чередующемуся въ неударенномъ слогѣ съ u, въ большинствѣ діалектовъ соотвѣтствуетъ ударенное u, чередующееся съ неудареннымъ u. Такъ какъ мы въ грабарѣ находимъ различіе въ ударенномъ и неударенномъ слогѣ, то нужно полагать, что уже въ общеармянскомъ существовало это различіе, что слѣдовательно грабарное оу восходитъ къ другому общеармянскому звуку, чѣмъ чередующееся съ нимъ неударенное u, и что эти звуки совпали въ ахалцыхскомъ только впослѣдствіи. Такъ какъ u грабарное, ахалцыхское и многихъ другихъ діалектовъ, происшедшее изъ ив. u, требуетъ и общеармянскаго u, то можно думать, что и тому грабарному u, которое чередуется въ ударенномъ слогѣ съ

оу и происходитъ изъ индоевропейскаго дифтонга eu, ou, соотвѣтствовало общеармянское u. Тогда мы имѣемъ изъ индоевропейскихъ oi, ei общеармянское ê ударенное и i неударенное, грб. ê—i, діал. ê—i; изъ индоевропейскихъ ou, eu общеармянское ударенное—?, неударенное u, грб. оу—u, ах. u—u, діал. u—u.

Но можно ли параллельно съ общеармянскимъ ê допустить и общеармянское ô ударенное, изъ котораго развилось бы грабарное оу, ахалцыхское u, въ другихъ діалектахъ u? Я думаю, что въ общеармянскомъ было здѣсь не ô, а оу, соотвѣтствующее грабарному оу, и вотъ на какомъ основаніи:

Въ такихъ словахъ, какъ гр. loys, G. lusoy, ах. lus, G. lusi (=лат. lux) можно допустить общеармянское ô или û или, нѣсколько иной звукъ изъ индоевропейскаго дифтонга. Тогда грабарный дифтонгъ оу развился въ грабарѣ послѣ распаденія общеармянскаго праязыка, что допускается физіологіей вполнѣ.

Но можно ли также думать, что изъ индоевропейскаго svesor получилось сначала общеарм. khoyr, которое потомъ измѣнилось въ khôr, или khûr (гласный неизвѣстенъ) еще въ общеармянскомъ, и что отсюда получилось грабарное khoyr ах. khur и т. д.?

Изъ ив. at+гласный получилось общеармянское ay; ибо отсюда только объясняются грабарное mayr, ах. mar, тифл. mêr, астрах. mer.

Не естественнѣе ли полагать, что и изъ ив. svesor, (ср. Гюбшманъ, стр. 78), получилось общеарм. khoyr, и что это khoyr перешло въ отдѣдьные діалекты. Въ у слова khoyr вѣдь видятъ обыкновенно первоначальное t.

Эриванскій діалектъ мнѣ неизвѣстенъ, а то, можетъ быть

въ эриванскомъ і въ khir есть указаніе на общеарм. дифтонгъ съ і во второй части.

Намъ извѣстно, что у полученное изъ индоевроп. s или t между гласными, находящееся непосредственно передъ согласнымъ въ общеармянскомъ, не исчезло въ общеармянскомъ. Поэтому нужно допустить, что грб. оу въ khoyr восходитъ къ общеармянскому дифтонгу оу, развившемуся въ общеармянскомъ изъ ив. eu, ou.

Тогда въ грабарномъ чередованіи оу съ u мы имѣемъ и общеармянское чередованіе, и ах. lus, G. lusi замѣнило дифтонгъ оу посредствомъ u, какъ ахалцыхскій замѣнилъ вообще всѣ общеарм. дифтонги простыми гласными.

85. Третье ахалцыхское u соотвѣтствуетъ грабарному iu, eu, и является изъ ив. ev, eim и проч.

ах. axbur—источникъ, грб. aṙbiur, тифл. axpur, польск. aγpyur=греч. φρέαρ.

ах. cun, G. can—снѣгъ, грб. jiun, G. jean=χειμών.

86. Въ ахалцыхскомъ говорѣ нѣтъ ни одного дифтонга, который восходилъ бы къ ив. дифтонгу. За то изъ общеармянскаго о развилось въ ахалцихскомъ подъ удареніемъ новый дифтонгъ ue. Ср. § 75.

Второй дифтонгъ, развившійся также въ самомъ ахалцыхскомъ, вслѣдствіе выпаденія общеармянскихъ гласныхъ, есть ay, и то является онъ рѣдко. (Ср. § 70). Напр.

ах. hayli—зеркало, грб. hayeli.

ах. vaylel—наслаждаться, грб. vayelel.

Дифтонгъ ъу находимъ въ ъupim—падать, грб. ankanim. Ср. § 53.

Въ иностранныхъ словахъ встрѣчаются и другіе дифтонги.

87. Въ текстахъ, записанныхъ армянскимъ шрифтомъ, не принято писать звука ъ, кромѣ въ началѣ и въ концѣ слова.

Какъ мы видѣли, ъ есть гласный слоговой. Является онъ въ ахалцыхскомъ тамъ, гдѣ первоначальный гласный долженъ былъ исчезнуть по звуковымъ законамъ, но гдѣ утрата слога, сопряженная съ исчезновеніемъ этого гласнаго, носителя слога, стала невозможна, вслѣдствіе стеченія согласныхъ.

ъ здѣсь произошло, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: Полный гласный, сокращаясь мало по малу, не могъ исчезнуть окончательно, вслѣдствіе затрудненія въ произношеніи, и дошелъ только до степени ирраціональности, т. е. сталъ болѣе краткимъ, чѣмъ обыкновенный армянскій гласный, хотя не переставалъ быть слоговымъ. Что звукъ ъ былъ нѣкогда неполнаго образованія въ общеармянскомъ, видно изъ того, что всѣ гласные, каково бы ни было ихъ качество, при извѣстныхъ условіяхъ переходятъ въ одинъ и тотъ же звукъ ъ, потерявъ окончательно свое прежнее качество. Если сокращаемые гласные не дошли бы до ирраціональности, то непонятно, почему они не сохраняли никакого указанія на прежнее свое качество. ъ, встрѣчаемое въ ахалцыхскомъ, имѣетъ конечно опредѣленное качество, и по количеству можно даже различать нѣсколько ъ въ ахалцыхскомъ. Въ большинствѣ же случаевъ ах. ъ, кажется, уже не отличается по количеству отъ другихъ гласныхъ, какъ вообще по количеству армянскіе гласные не различаются другъ отъ друга. Весьма краткое ъ, въ сочетаніи съ r, мы увидимъ ниже, и даже трудно сказать, есть ли тамъ ъ или одно слоговое r. Примѣры:

ъ явившееся въ общеармянскомъ:

ах. thъkhnem, аор. thъkhi—плевать, грб. thkhanem, аор. thkhi=производный глаголъ отъ thukh—слюна=spuo. и здѣсь исчезло уже въ общеармянскомъ.

ъ явившееся въ ахалцыхскомъ:

ах. hivъndnal—захворать, грб. hivandanal.

Кромѣ историческаго ъ, развившагося изъ прежняго гласнаго полнаго образованія, мы встрѣчаемъ въ ах. еще другое ъ, употребляемое какъ вспомогательный звукъ при произношеніи тѣхъ заимствованныхъ словъ, которыя содержатъ въ себѣ неудобопроизносимыя группы согласныхъ. Подобное вспомогательное ъ встрѣчается иногда и въ чисто армянскихъ словахъ, унаслѣдованныхъ изъ праязыка. Напр.

ах. sъxal – ошибка, грб. sxal = C. skhalâmi, греческ. σφάλλομαι?

ах. ъsderč—корова, не телившаяся въ послѣдній годъ, грб. sterў=греч. στεῖρα.

88. Понятно, что вставное ъ въ заимствованныхъ словахъ должно руководствоваться относительно своего появленія тѣми законами, которые выработались въ чисто армянскихъ словахъ, ибо здѣсь условія физіологическія.

Если при выпаденіи полнаго гласнаго является ъ, то это потому, что отсутствіе всякаго гласнаго на этомъ мѣстѣ было-бы неудобно для говорящаго. Во избѣжаніе такого уже неудобства, возникаетъ и тамъ новое ъ, гдѣ никогда не было другого гласнаго.

Конечно, чужой языкъ, если его слова заимствованы въ большомъ количествѣ даннымъ нарѣчіемъ, могъ, наконецъ, повліять на столько, что органы рѣчи говорящихъ на данномъ нарѣчіи, примѣнились къ звукосочетаніямъ чужаго языка. Но и въ послѣднемъ случаѣ нужно ожидать у народа болѣе или менѣе одинаковаго отношенія ко звукосочетаніямъ своихъ прежнихъ словъ съ одной стороны и къ звукосочетаніямъ заимствованныхъ словъ съ другой.

Можно встрѣтить армянъ, у которыхъ не трудно прослѣдить ъ въ группахъ согласныхъ русскаго языка, когда они говорятъ на русскомъ языкѣ. Можно даже довольно вѣрно

опредѣлить, въ какомъ русскомъ словѣ и гдѣ вставляется ими ъ.

89. Такимъ образомъ, появленіе ъ, произошло ли оно исторически или оно только вставное, находится въ полной зависимости отъ того, какія группы согласныхъ допускаются въ нашемъ діалектѣ и какія не допускаются.

Съ практической стороны, дѣло въ ахалцыхскомъ такъ: по количеству и качеству согласныхъ, образующихъ группу, по положенію группы въ словѣ, можно опредѣлить отсутствіе или присутствіе ъ и его мѣсто.

При этомъ почти безразлично, какимъ образомъ и когда получилась группа въ ахалцыхскомъ.

Такъ, если мы имѣемъ въ какомъ-нибудь словѣ, написанномъ армянскимъ шрифтомъ, группу: согл.+согл.+согл., то отсюда получится съ прибавленіемъ ъ:

1) согл.+согл+согл., или
2) согл.+ъ+согл.+согл., или
3) согл.+согл.+ъ+согл., или
4) согл.+ъ+согл.+ъ+согл.,

въ зависимости отъ того, какіе именно здѣсь согласные и какое мѣсто занимаютъ они въ словѣ.

90. Но есть случаи, гдѣ ъ является между такими двумя согласными, которые могутъ стоять рядомъ безъ помощи ъ, напр. между n—n, k—g и т. д.

Такіе случаи, очевидно противорѣчащіе нашимъ законамъ, объясняются частію самимъ характеромъ (качествомъ) этихъ согласныхъ, частію неизбѣжнымъ врагомъ звуковыхъ законовъ—аналогіей.

Перваго рода явленіе мы видимъ въ ах. arêkag, G. arê—kъgi—солнце, грб, aregakn. Правило:

Если вслѣдствіе исчезновенія гласныхъ въ основѣ слова

при присоединеніи окончанія не соблюдается это правило) приходятся рядомъ два такихъ согласныхъ, тождественныхъ или настолько близкихъ другъ къ другу, что при прикосновеніи сливались бы въ одно, напр. k—g, d—ch, n—n, то такіе два согласныхъ отдѣляются другъ отъ друга посредствомъ ъ.

ах. bъdъdvil—кружиться, грб. ptoyt.

ах. arêkъgi, G. отъ arêkag—солнце, грб. aregakn.

ах. anun, G. anъni, pl. anъnner — имя, грб. anun, G. anuan.

Но ах. aman, G. amni—сосудъ.

91. Болѣе всего исключеній встрѣчается въ такихъ группахъ, состоящихъ изъ двухъ согласныхъ, въ которыхъ второй согласный l, n, r. Въ такихъ группахъ является весьма часто ъ, хотя къ этому никакой необходимости со стороны произношенія нѣтъ.

Появленію ъ передъ l, r, n могло здѣсь способствовать особенное качество этихъ звуковъ по отношенію къ образованію слога, и часто даже трудно сказать, находится ли ъ передъ ними или нѣтъ.

Если и многіе случаи объяснить тѣмъ, что въ косвенныхъ падежахъ есть стремленіе сохранять число слоговъ именительнаго падежа, то въ такихъ случаяхъ, какъ avъrel, avъlel, непремѣнно нужно допустить вліяніе плавнаго на появленіе ъ. Часто языкъ колеблется между формами съ ъ и безъ ъ при слѣдующихъ l, r, n; напр. mêjnal и mêjъnal.

Въ другихъ случаяхъ стремленіе къ однообразію содѣйствовало вѣроятно появленію ъ передъ n, l, r.

Если, напримѣръ, какое-нибудь слово, имѣющее въ концѣ группу согласныхъ въ именительномъ падежѣ, склоняется, то условія конечной группы измѣняются, смотря по оконча-

ніямъ отдѣльныхъ падежей, напр. ах. alur, G. alri, а N.pl. alъrner. Итакъ, основой является alur, alъr и alr. Часто, какъ мы уже замѣтили при обозрѣніи выпаденія гласныхъ, для упрощенія разнообразія въ основѣ, вводится полная основа именительнаго падежа во всѣ падежи.

Такое же упрощеніе могло быть и между основой съ ъ и безъ ъ. alъri можетъ произноситься въ родительномъ пад., а alrner въ N. pl. неудобно, какъ мы увидимъ ниже. Вслѣдствіе этого, если уже нужно замѣнить двѣ основы одной, то такая могла быть не alr, а только alъr. Такимъ образомъ получилось G. sg. alъri рядомъ съ alri, и N. pl. остался alъrner.

Другимъ примѣромъ служитъ суффиксъ — chъnel, образующій обыкновенно причинительные глаголы въ ахалцыхскомъ. Въ немъ всегда является ъ, хотя послѣ гласнаго можно было бы ожидать—chnel.

ах. harchъnel, аор. harchuchi—спрашивать, грб. harchanel.

ах. udêchъnel—кормить, отъ udel—ѣсть.

Можно думать, что такъ какъ—chъnel часто приходится послѣ согласнаго, какъ въ harchъnel, гдѣ ъ необходимо, то стремленіе къ однообразію сохранило и послѣ гласнаго—chъnel. Такъ получилось udêchъnel, хотя форма безъ ъ была бы возможна.

92. Приступаю теперь къ опредѣленію мѣста ъ въ группахъ согласныхъ Вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, какія группы согласныхъ допускаются въ ахалцыхскомъ говорѣ.

Мы различаемъ: 1) группы въ началѣ слова, 2) въ срединѣ слова, т. е. группы, которымъ предшествуетъ и послѣдуетъ въ томъ же словѣ по крайней мѣрѣ по одному гласному, въ томъ числѣ и ъ, 3) группы въ концѣ слова.

93. ГРУППА СОГЛАСНЫХЪ ВЪ НАЧАЛѢ СЛОВА.

Всегда устраняется при помощи ъ.

а) Если начальная группа начинается согласнымъ l, m, n, r или s+зубной мгновенной, то ъ ставится въ началѣ слова.

ах. ъsderčh—корова не отелившаяся, грб. sterÿ.

ах. ъllim—быть, грб. linel.

ах. ъlmanim—б. похожимъ, грб. mmanil.

Только ах. lъlem—наполнять, грб. lnum противорѣчитъ правилу.

94. Если начальная группа начинается другими согласными, кромѣ вышеозначенныхъ подъ а), то ъ ставится послѣ перваго согласнаго, все равно сколько согласныхъ составляютъ группу.

ах. sъxal—ошибка, грб. sxal.

ах. kъlox—голова, грб. glux.

ах. thъkhnem—плевать, грб. thkhanem.

Притомъ, если начальная группа имѣла больше двухъ согласныхъ, то согласные, остающіеся справа отъ только что описаннаго ъ (подъ а) и б)), разсматриваются уже какъ (подъ а) и б)) группа въ срединѣ слова.

95. ГРУППА СОГЛАСНЫХЪ ВЪ СРЕДИНѢ СЛОВА.

Мы раздѣляемъ эти группы по числу согласныхъ, образующихъ ее.

а) Два согласныхъ допускаются рядомъ.

ах. aman—сосудъ, G. amni, грб. aman.

Исключеніе 1. Два сходные согласные отдѣляются другъ отъ друга посредствомъ ъ, какъ мы видѣли выше въ § 90. G, arêkъgi, anъni.

Исключеніе 2.—ъ является часто между v—r, v—l, d—n, čh—r, l—r, j—n, ch—n, какъ мы выше видѣли § 91. alur, G. alъri рядомъ съ alri.

96. б) Три согласныхъ.—ъ находится между вторымъ и третьимъ согласнымъ.

Исключеніе 1.—ъ стоитъ между первымъ и вторымъ согласнымъ, если второй согласный n. amъnner, N. pl. отъ aman—сосудъ.

Исключеніе 2.—Группа, состоящая изъ носоваго + мгновенный + согласный, остается безъ ъ. (Но nas.+спирантъ+согласный имѣетъ правильно ъ, напр. amsъgan—помѣсячно).

ax. khъrdinkh—потъ, pl. khъrdinkhner, грб. khirtn.

ax. ašunkh, pl. ašunkhner—осень, грб. ašun, G. ašnan.

ax. jung, pl. jъngvi—колѣно, грб. cunk. и т. д.

Исключеніе 3. — s + зубной мгновенный + согласный остается безъ ъ.

ax. akhisd, pl. akhisdner—бѣлая мышь.

ax. pl. asdxer—звѣзды, грб. astr.

97. в) Группа согласныхъ въ серединѣ слова, состоящая изъ четырехъ согласныхъ. ъ является между вторымъ и третьимъ согласнымъ.

ax. arjath, pl. arjъthner—серебро, грб. arcath.

ax. jorjag, pl. jorjъgner—затылокъ, грб. cocrak.

Исключеніе 1.—ъ находится между вторымъ и третьимъ согласнымъ, когда второй согласный n.

Исключеніе 2.—Если группа начинается носовымъ+мгновенный, то обыкновенно ъ находится между вторымъ и третьимъ согласнымъ.

ax. pl. angъǰvi, отъ angaǰ—ухо.

Случаи какъ jung — колѣно, pl. jъngvъner, гдѣ ъ между третьимъ и четвертымъ согласнымъ, объясняются тѣмъ, что

окончаніе множественнаго числа—vъner, по аналогіи съ находящимся въ множ. ч. рядомъ съ нимъ—vi (jъngvi), приняло наконецъ постоянную форму—vъner, все равно, приходится ли это окончаніе послѣ одного или двухъ согласныхъ.

98. г) Группа, состоящая изъ пяти согласныхъ.

Если второй согласный не n, то ъ является между вторымъ и третьимъ согласнымъ. Остающіеся справа отъ этого ъ согласные составляютъ новую группу.

ах. angъ̆vъner, pl. отъ angă̆.

Если второй согласный n, то ъ является между первымъ и вторымъ согласнымъ. Согласные справа отъ ъ разсматриваются какъ особая группа, и т. д.

99. Группы согласныхъ въ концѣ слова.

Въ концѣ допускается стеченіе такихъ же согласныхъ, какъ въ срединѣ.

Послѣ мгновеннаго конечное γ дѣлается глухимъ и произносится какъ x, сопровожденное большимъ шумомъ.

Въ конечной группѣ носовой+мгновенный+r, мгновенный и r слышатся звонкими, передъ послѣднимъ r слышится весьма краткое, неслоговое ъ, иногда слышится просто звонкое r, напр. въ mandr—мелкій.

Безъ предшествующаго носоваго r конечное, послѣ мгновеннаго, произносится глухо. Напр.

ах. dakhr—деверь, грб. taygr.

Подобнымъ образомъ происходитъ ах. asdx, asx, G. asdγi—звѣзда, грб. astγ=греч. ἀστήρ.

ГЛАВА III.

Флексія имени и глагола въ ахалцыхскомъ говорѣ.

СКЛОНЕНІЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНАГО.

100. Родъ существительныхъ не различается въ ахалцыхскомъ. Множественное число образуется изъ единственнаго въ односложныхъ словахъ суффиксомъ—er, а въ многосложныхъ словахъ прибавленіемъ суффикса—ner. Кромѣ того есть нѣсколько рѣдко употребляемыхъ суффиксовъ, образующихъ множественное число, о которыхъ я буду говорить ниже § 111—115.

Въ ахалцыхскомъ есть слѣдующіе падежи: 1) Именительный падежъ, совпадающій формально съ 2) винительнымъ падежомъ. Сюда можно отнести и опредѣленіе мѣста, состоящее изъ формы именительнаго падежа-|-ъ. Напр. sarъ—на горѣ, khaγakhъ — въ городѣ. Но мѣсто выражается часто посредствомъ родительнаго падежа съ слѣдующимъ mêčh. 3) Родительный падежъ сходный по формѣ съ 4) дательнымъ падежомъ, образуется въ единственномъ числѣ окончаніями —u, — i, — a, — ueč̣h,—an,—van изъ именительнаго падежа единственнаго числа. Родит. – дат. множественнаго числа имѣетъ окончаніе — u, прибавляемое къ именительному множественнаго числа, если именительный падежъ множественнаго числа оканчивается на—er или—ner; если же именительный падежъ множественнаго числа имѣетъ окончаніе

—kh, то родительный падежъ множественнаго числа оканчивается на—ch. 5) Отложительный падежъ оканчивается въ единственномъ и множественномъ числахъ на—ê, которое однако не всегда прибавляется къ именительному падежу соотвѣтствующихъ чиселъ. 6) Творительный падежъ образуется въ единственномъ и множественномъ числахъ окончаніемъ—ov. 7) Звательный падежъ обыкновенно равенъ именительному падежу. Отличается звательный падежъ axčhi! отъ именительнаго падежа axčhig—дѣвица. Можетъ быть, что еще въ другихъ словахъ встрѣчается звательный падежъ, отличающійся по формѣ отъ именительнаго падежа.

101. Въ ахалцыхскомъ говорѣ есть опредѣленные члены ъ и n, прибавляемые къ концу опредѣляемаго слова; ъ послѣ конечнаго согласнаго, а n послѣ конечнаго гласнаго и послѣ конечнаго согласнаго тогда, когда слѣдующее слово начинается гласнымъ.

ах. marthъ, человѣкъ (der Mensch).

ах. marthn or, человѣкъ который (l'homme, qui).

Неопредѣленный членъ есть m послѣ гласныхъ и ъm послѣ согласныхъ, напр. marthъm, un homme.

Смотря по окончанію родительнаго падежа, мы раздѣлимъ склоненіе существительнаго на:

102. 1) Склоненіе съ родительнымъ падежомъ на—u. kini—вино; amis—мѣсяцъ.

единств число.

N. Acc. kini	amis.
G. D. kinu	amsu.
Inst. kinov	amsov.
Ab. kinî	amsê.

	множ. число.
N. Acc. kininer	amsъner.
G., D. kininêru	amsъnêru.
Inst. kininêrov	amsъnêrov.
Ab. kininêrê	amsъnêrê.

Какъ kini склоняются всѣ существительныя съ именительнымъ пад. единственнаго ч. на—i. Это склоненіе соотвѣтствуетъ грабарному склоненію N.—i, G.—voy.

грб. N. gini, G. ginvoy.

Какъ amis склоняется небольшая часть тѣхъ словъ, которыя въ грабарѣ имѣютъ родительный пад. на—oy, въ томъ числѣ и неокончательное наклоненіе, напр.

ах. marth—человѣкъ, G. marthu, pl marther, marthikh.

ах. inf. êrthal—итти, G. êrthъlu, êrthъlov и т. д.

103. 2) Склоненіе съ родительнымъ пад. на—i.

единств. число.	множ. число.
N. Acc. aman	amъnner.
G. D. amni (amani)	amъnnêru.
Inst. amnov	amъnnêrov.
Ab. amnê	amъnnêrê.

Конечное u въ именительномъ пад. обращается въ v передъ окончаніемъ родительнаго падежа. lizu—языкъ, G. lizvi, pl. lizvъner; lu—блоха, lъvi.

Слова, оканчивающіяся въ имен. един. ч. на—a, теряютъ это a передъ окончаніемъ—i родительнаго падежа. Напр. ах. dъγa, G. dъγi — ребенокъ; ах. phêsa, G. phêsi, грб. phesay, G. phesayi—женихъ.

За исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя имѣютъ именительный пад. един. ч. на—і и немногихъ другихъ, склоняемыхъ по § 102, собственныхъ именъ съ род. на—а, потомъ еще небольшаго числа именъ, сохранившихъ согласное склоненіе (ср. §§ 105—109); всѣ ахалцыхскія имена существительныя склоняются по этому склоненію. Общеармянское согласное склоненіе большею частію исчезло въ ахалцыхскомъ и вмѣсто него ахалцыхскій говоръ образуетъ косвенные падежи прямо отъ именительнаго пад. прибавленіемъ і въ родительномъ, ov въ творительномъ пад. и т. д.

Сравнительно съ грабаромъ мы находимъ, что по этому склоненію склоняются ахалцыхскія слова, имѣющія въ грабарѣ:

1) Род. на—і:

грб. očhxar, G. očhxari; ах. oxčhar, G. oxčhъri—овца.

2) Род. на—u:

грб. arev, G. arevu; ах. arev, G. arêvi—солнце.

3) Род. на—oy:

грб. amb(oy); ах. amb(i)—облако.

4) Согласное склоненіе:

грб. kathn, G kathin; ах. gath, G. gathi—молоко.

грб. anun, G. anvan; ах. anun, G. anъni —имя.

грб. aγbeur, G. aγber, ах. axbur, G. axbъri—источникъ и т. д.

104. 3) Склоненіе съ родительнымъ пад. на—а.

Сюда относится небольшое число собственныхъ именъ, которыя большею частью въ грабарѣ имѣютъ другіе тематическіе гласные, êčhmiajin, G. êčhmiajna, êčhmiajnê, грабар. êčhmiacin. G. êčhmiacni.—Отложительн. пад. на—а встрѣчается иногда, напр. γarsa, Карса и отъ Карса, род. и отлож. падежъ.

105. 4) Остатки общеарм. согласнаго склоненія съ родительнымъ, оканчивающимся на—r основы.

Названія родства. Ab. sg. образуется изъ G.+ mê, Inst. sg. образуется изъ G.+mov.—Sg. N. har, G. hor, Inst. hormov. Ab. hormê. pl. N. harer, G. horêru, Inst. horêrmov, horêrov, Ab. horêrmê, horêrê; грб. hayr. G. haur – отецъ. Также склоняется mar — мать. axbar—братъ имѣетъ N. pl. axbъrdikh, G. pl. axbъrduech, Inst. axbъrdochmov, Abl. axbъrdochmê.

106. 5) Склоненіе съ родительнымъ пад. на—uech. Косвенные падежи обоихъ чиселъ образуются изъ родительнаго падежа соотвѣтствующаго числа посредствомъ—mov въ творительномъ и—mê въ отложительномъ падежѣ. Именительный пад. множ. ч. имѣетъ окончаніе—dikh (—vъdikh), родительный пад. множ. ч.—duech (—vъduech). Напр.

ax. khur (сестра), G. khuruech, Inst. khuročhmov, Abl. khuročhmê, pl. N. khurvъdikh, G. khurvъduech, Inst. khurvъdochmov, Abl. khurvъdochmê.—грб. khoyr, G. kheř.

Также склоняется ax. gêsur (свекровь), только именительный пад. множ. ч. gêsъrdikh, грб. skesur, G. sgesri

ax. dêr (хозяинъ), G. diruech, N. pl. dirvъdikh, G. pl. dirvъduech; грб. ter, G. teaŕn—господинъ и т. д.

107. 6) Остатки общеармянскаго согласнаго склоненія съ родительнымъ пад. на—n основы.

ax. šun (собака), G. šan, Abl. šъnê, N. pl. šъner, грб. šun, G. šan.

ax. cun (снѣгъ), G. can, Abl. cъnê,—грб. jiun, G. jean и др.

Сюда относятся отвлеченныя имена, образованныя въ грабарѣ суффиксомъ—thiun, въ родительномъ пад.—thean, склоняемыя въ ахалцыхскомъ такъ:

ах. N. dêruthen (господство), G. dêruthan, Inst. dêruthênov, Abl. dêruthênê, pl. dêruthênner, G. dêruthênnêru и т. д.

Небольшое число существительныхъ съ общеармянской основой на—n потеряло свое конечное n въ имен. пад. ед. ч. по § 52. Въ косвенныхъ падежахъ сохранилось отчасти старое согласное склоненіе, отчасти замѣнилось оно новою формою, образованною прямо отъ именительнаго падежа. Напр.

ах. cug (рыба), G. cъgi, cъgan, Abl. cъgnê. pl. N. cъgner,—грб. jukn, G. jkan.

ах. tuŕ (дверь), G. tъŕan, Abl. tъŕnê, pl. N. tъŕner, tъŕvi, tъŕvъner,—грб. duŕn, G. dran и проч.

108. 7) Существительныя, образующія родительный пад. ед. ч. посредствомъ окончанія—van изъ именительнаго.

Другіе косвенные падежи образуются въ единственномъ ч. отъ родительнаго падежа.

Именительный падежъ множественнаго числа образуется обыкновенно изъ именительнаго падежа единственнаго числа посредствомъ окончанія—ner.

ах. сътеŕ (зима), G. сътêŕvan, сътŕъvan, сътŕan, N. pl. сътêŕner; грб. jmeŕn, G. jmeŕan.

ах. or (день), G. orvan, Abl. orvъnê и orė, N. pl. orer; грб. aur, G. avur.

ах. dari (годъ), G. darvan, N. pl. dariner; грб. tari, G. tarvoy.

ах. mayh (смерть), G. mayran, грб. mah, G. mahu.

ах. kišer (ночь), G. kišêrvan, pl. N. kišêrner,—грб. gišer (—oy,—i) и т. д.

109. 8) Окончаніе—uthan въ родительномъ падежѣ ед. ч. находимъ въ:

ах. irigun (вечеръ), G. iriguthan, рядомъ съ irigvan (вечеромъ).

ах. chorêg (полдень), G. chorêguthan, chorêgvan.

110. Какъ выше было сказано, именительный пад. множ. ч. образуется въ ахалцыхскомъ обыкновенно посредствомъ окончанія—ner въ многосложныхъ именахъ.

ах. aman, N. pl. amъnner.

ах. pazug (стебель свекловицы), G. pazgi, N. pl. pazgъner, pazugner. грб. bazuk (рука), G. bazki.

ах. mêʏu (пчела), G. mêʏvi, pl. N. mêʏuner, môʏvъner,— грб. meʏu, G. meʏui.

Какъ отсюда видно, въ именительномъ пад. множ. числа является чаще новообразованіе, чѣмъ въ род. пад. ед. числа. Новообразованіе это состоитъ въ томъ, что вмѣсто правильной формы съ исчезнувшимъ гласнымъ какъ mêʏvъner является форма, образованная прямо изъ именительнаго пад. ед. ч. какъ mêʏuner, mêčh (средина), G. mêčhi, mičhi, грб. mêǰ, G. miǰoy.

Односложныя имена имѣютъ обыкновенно въ именительномъ пад. множ. ч. окончаніе—er.

ах. aj (коза), G. aji, N. pl. ajer, грб. ayc(—i).

ах. fuer, huer (яма), G. hori, Inst. horov, N. pl. horer, грб. hor(—oy) (колодезь).

Но есть и такія односложныя имена, которыя въ именительномъ пад. множ. ч. имѣютъ окончаніе — ner. Такихъ именъ не много, и большинство ихъ имѣло раньше п в концѣ именительнаго падежа и основы.

ах. mug (мышь), G. mъgi, pl. N. mъgner, — грб. muku, mkan.

ах. hars (невѣста), G. harsi, pl. N. harsъner,—грб. harsu, harsin.

ах. kaǐ (ягненокъ), G. kaǐi, pl. N. kaǐner, — грб. gaǐu, gaǐin.

Но нѣкоторыя односложныя имена, принимающія въ именительномъ пад. множ. ч. окончаніе — ner, не имѣли основы на—n, напр.

ах. jar (дерево), pl. N. jarner, грб. car, G. carі и т. д.

111. Кромѣ окончаній—er,—ner служатъ для образованія именительнаго пад. множ. ч. въ ахалцыхскомъ говорѣ еще слѣдующія окончанія:

—kh,—ikh,—dikh,—vъdikh,—vi,—vъner,—êsdan,—anner.

Окончанія множественнаго ч. — kh,—ikh,—dikh, – vъdikh встрѣчаются не особенно рѣдко. Если именительный падежъ множ. ч. оканчивается на—kh, то родительный пад. имѣетъ окончаніе—uech, творительный — ochmov, отложительный — ochmê.

ах. dъya (мальчикъ) G. dъyi, N. pl. dъyakh, G. pl. dъyuech, —грб. tʏay.

ах. marth (человѣкъ), pl. N. marthikh, G. marthuech, рядомъ съ marther, marthêru,—грб. mard.

ах. axbar (братъ), pl. N. axbъrdikh, G. axbъrduech, Abl. axbъrdochmê, Inst. axbъrdochmov,—грб. eʏbayr.

ах. khur (сестра), G. khuruečh, pl. N. khurvъdikh, G khurvъduech,—грб. khoyr, и др.

112. Если обозрѣть тѣ слова, которыя образуютъ множественное число посредствомъ окончаній—vi,—vъner, то оказывается, что они обозначаютъ большею частію части человѣческаго тѣла, существующія попарно. Окончаніе — vi очевидно связано съ двойственностью.

ах. vuedkh (нога), G. vodkhi, pl. N. odvi, odvъner, — грб. otn.

ах. ceřkh (рука), G. cêřkhi, pl. N. cêřvi, cêřvъner,—грб. jeřn.

113. Въ небольшомъ количествѣ словъ образуется множественное ч. посредствомъ окончаній — êsdan, — êsdъnner, род.— êsdъnnêru и т. д.

ах. hoki (душа), pl. N. hokêsdan, hokiner,—грб. hogi.

ах. phêsa (женихъ), N. pl. phêsêsdan, phêsêsdъnner, phêsaner,—грб. phêsay.

114. Въ множественномъ числѣ мы находимъ окончанія —an,—anner въ

ах. ci (лошадь), G. ciyu, pl. N. ciyan, ciyanner,—грб. ji.

ах. êš (оселъ), G. išu. pl. N. išan, išanner,—грб. êš.

116 Обращаю вниманіе на важный фактъ, что въ ахалцыхскомъ есть отложительный падежъ, образованный при помощи ch. Напр.

ах. païnêch, païnêchê, Abl. отъ païnikh—баня.

ах. ǰampê, ǰampêch, ǰampêchê, Abl. отъ ǰampa—путь.

116. Что касается прилагательнаго, то оно склоняется только тогда, когда употребляется какъ существительное.— Степени сравненія въ прилагательномъ выражаются прибавленіемъ разныхъ прилагательныхъ и нарѣчій.

МѢСТОИМЕНІЕ.

117. Личныя мѣстоименія перваго и втораго лица:

yes—я, tu—ты, склоняются слѣдующимъ образомъ:

	един. ч.	множ. ч.	един. ч.	множ. ч.
N.	yes	menkh	tu	tukh
G. D. Acc.	inji	mêzi	khêzi	cêzi
G.	im	mer	khu	cer
Inst.	injmov	mêzmov	khêzmov	cêzmov
Abl.	injmên	mêzmên	khêzmên	cêzmên

Третье лицо обозначается указательными мѣстоименіями: as, isi, an, ini, ad, idi, и т. д. Склоняются они слѣдующимъ образомъ:

N. an	pl.	anúenkh
G. D. Acc. anúer		anuench
Inst. anormov		anonchmov
Abl. anormên		anonchmên

Также склоняется напр. isi, G. isúer, Abl. isormên N. pl. isúenkh и т. д.

Находясь какъ опредѣленіе передъ существительнымъ, эти мѣстоименія, какъ и прилагательныя, не склоняются. — Вопросительное мѣстоименіе vuer—который, имѣетъ G. D. Acc. um, Inst. umov, Abl. umên, pl. N. vorúenkh, Abl. voronchmên.

Относительное мѣстоименіе or—который, не склоняется и употребляется какъ новоперсидское относительное мѣстоименіе.

Другія мѣстоименія, какъ притяжательныя, взаимныя и т. д. склоняются также, какъ предшествующія.

ГЛАГОЛЪ.

119. Ахалцыхскій глаголъ имѣетъ изъявительное и сослагательное наклоненія.

Повелительное наклоненіе образуется то отъ основы настоящаго времени, то отъ основы аориста. Кромѣ собственнаго повелительнаго употребляется часто сослагательное наклоненіе въ роли повелительнаго. Повелительное съ отрицаніемъ образуется такъ же, какъ въ литературномъ константинопольскомъ языкѣ.

Простыя формы образуютъ настоящее вр., прошедшее несовершенное и аористъ.—Форма настоящаго вр. употребляется также въ смыслѣ будущаго.

Прошедшее совершенное, давнопрошедшее, будущія простое и совершенное, и условное (conditionalis) образуются сложеніемъ спрягаемаго глагола со вспомогательными глаголами.

120. Основы настоящаго вр. въ ахалцыхскомъ оканчиваются на —e—,—a—,—i—. Для краткости назовемъ эти гласные тематическими гласными.

Въ грабарѣ соотвѣтствуютъ обыкновенно тѣ же тематическіе гласные.

Прибавляя—l къ тематическому гласному получимъ неокончательныя:

ах. marel—гасить, ayal—молоть, nъsdil—сидѣть. Въ грабарѣ есть глаголы съ тематическимъ гласнымъ—u—. Въ ахалцыхскомъ такихъ глаголовъ нѣтъ, и грабарному тематическому u соотвѣтствуетъ въ ахалцыхскомъ обыкновенно тематическій гласный—e—.

Кромѣ этихъ тематическихъ гласныхъ находимъ въ ахалцыхскомъ слѣдующіе словообразовательные суффиксы въ основѣ настоящаго времени:

1)—ne—, которому въ грабарѣ соотвѣтствуетъ—ne—или —ane— (a въ—ane—должно исчезать въ ахалцыхскомъ), или—nu—.

ах. harchъnel—спрашивать, грб. harchanel.

ах. lъlel—наполнять, грб. lnul. стр. 48.

2)—na—, которому соотвѣтствуетъ грабарное — na — или —ana—.

ах. koynal—воровать, грб. goyanal.

3)—ênа—, въ грабарѣ—ena—.

Этотъ суффиксъ—ênа—начинаетъ пріобрѣтать въ ахалцыхскомъ спеціальное значеніе. Въ немъ лежитъ зародышъ къ образованію новаго вида въ ахалцыхскомъ глаголѣ, обо-

значающаго многократность, и придающаго тѣмъ формамъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, въ составъ которыхъ входитъ—ênа—, значеніе исключительно будущаго времени. Вмѣсто ênа является часто одно na.

ах. unênam-gъ—я буду имѣть.

ах. kidênam, kidnam-gъ—я буду знать.

4)—čh—,—nčh—+тематическій гласный, обыкновенно i.

ах. phaxčhil, аор. phaxa—бѣжать, грб. phaxčhim, аор. phaxeay.

ах. ǰančel — узнавать. аор. ǰančhêchi, грб. čanačhem, caneay.

Грабаръ и ахалцыхскій образуютъ основу настоящаго времени отъ одного и того же корня большею частью одинаковыми суффиксами. Но нерѣдко находимъ въ ахалцыхскомъ другой словообразовательный суффиксъ, чѣмъ въ грабарѣ.

ах. ojel—мyропомазать, грб. ocanel.

ах. kidnal—знать, грб. gitel.

ах. lъval, vъlal—мыть, грб. luanal.

Изъявительное наклоненіе.

Настоящее время.

Первое спряж.	Второе спряж.	Третье спряж.
121. marem—gъ, тушу	g—aγam—gъ, мелю	desnim—gъ, вижу.
mares—gъ	g—aγas—gъ	dêsnis—gъ
marê—gъ	g—aγa—gъ	dêsni—gъ
marenkh—gъ	g—aγankh—gъ	dêsninkh—gъ
marêkh—gъ	g—aγakh—gъ	dêsnikh—gъ
maren—gъ	g—aγan—gъ	dêsnin—gъ

Прошедшее несовершенное.

marêyi—gъ	g—aʔayi—gъ	dêsnêyi—gъ
marêyir—gъ	g—aʔayir—gъ	dêsnêyir—gъ
marêr—gъ	g—aʔar—gъ	dêsnêr—gъ
marêyinkh—gъ	g—aʔayinkh—gъ	dêsnêyinkh—gъ
marêyikh—gъ	g—aʔayikh—gъ	dêsnêyikh—gъ
marêyin—gъ	g—aʔayin—gъ	dêsnêyin—gъ

Тѣ же формы безъ gъ образуютъ сослагательное настоящаго и прошедшаго несовершеннаго: marem,—я бы тушилъ, aʔas, dêsnêyi и пр.

Если настоящее и прошедшее несовершенное время употребляется съ отрицаніемъ, то глаголъ спрягается слѣдующимъ образомъ:

Въ сослагательномъ наклоненіи прибавляютъ čh, čhъ (čh если глаголъ начинается гласнымъ, čhъ если согласнымъ) къ обыкновенной личной формѣ настоящаго и несовершеннаго прошедшаго. čhъ-marem, čh—aʔayi, čhъ—dêsnêr.

Въ изъявительномъ накл., при отрицаніи, является совершенно иное образованіе настоящаго и прошедшаго несовершеннаго, состоящее изъ отглагольнаго имени въ сложеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ. Отглагольное это имя представляетъ по формѣ основу спрягаемаго глагола, при чемъ вмѣсто тематическаго e является въ концѣ слова ê, какъ слѣдуетъ ожидать по 63. Въ 3-мъ л. ед. ч. čhi+отглаг. имя.

ax čh'em marê—я не тушу, čh'es aʔa—ты не мелешь, čhi dêsni—онъ не видитъ, čh'êyi marê, я не тушилъ, čh'êyir aʔa—ты не мололъ, čh'êr dêsni—онъ не видѣлъ и т. д.

Въ литературномъ языкѣ это отглагальное имя имѣетъ форму на—r, напр. čh'em lser, ch'em sorvir. Айдынянъ, II, 83.

122. čhi ъlli вмѣсто čhilli находимъ у Кегамянца, стр. 9 и др.

Вмѣсто čhъ-kidem—не знаю, читаемъ Кег. 10: čhi dem.

Всѣ глаголы, имѣющіе признакъ изъявительнаго накл. g, gu, k, ku передъ собою, могутъ приставлять въ то же время gъ и къ концу, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ глаголъ имѣетъ послѣ себя дополненіемъ винительный падежъ или неокончательное наклоненіе. ku, k, gu, g употребляются въ общемъ по слѣдующимъ правиламъ: односложные глаголы принимаютъ въ изъявительномъ накл. ku, gu, напр. ku-kam, gu-dam. Многосложные глаголы, начинающіеся гласнымъ, принимаютъ g' въ началѣ, а начинающіеся согласнымъ принимаютъ—gъ въ концѣ.

k'ъllim, k'uzem, k'ъlmanim имѣютъ k.

Безъ частички g въ изъявительномъ наклоненіи можетъ остаться kidem —знаю (с ослагат. kidnam, kidenam). gъrnam —могу, съ глаголомъ послѣ себя въ видѣ дополненія не принимаетъ gъ. Всегда безъ gъ въ изъявительномъ употребляются: yem, yes—есмь, gam—нахожусь, unim—имѣю.

Только тѣ глаголы, которые никогда не принимаютъ частички gъ, образуютъ въ изъявительномъ накл. простую отрицательную форму čh'em, čhъ-gam, čh'unim, между тѣмъ какъ говорится только: čh'em gъrna—я не могу.

123. Вспомогательный глаголъ yem, yes, ê, yenkh, êkh, yen, ipf. êyi, êyiг, êr, êyinkh, êyikh, êyin спрягается какъ въ конст. литературномъ языкѣ. Въ сослагательномъ наклоненіи дополняетъ его ъllim, имѣющее наст. и буд. вр. изъяв. накл. k'ъllim, съ отрицаніемъ čh'em, ъlli. имперфектъ ъllêyi. Спрягается какъ dêsnil. Въ аористѣ является вспомогательный глаголъ êγa.

Въ спряженіи ахалцыхскій говоръ совпадаетъ почти съ

константинопольскимъ литературнымъ нарѣчіемъ; отличіе состоитъ главнымъ образомъ въ фонетикѣ.

124. Въ образованіи аориста ахалцыхскій въ общемъ согласуется съ грабаромъ, хотя аористъ отъ одного и того же глагола нерѣдко различается въ ахалцыхскомъ и въ грабарѣ. Въ большинствѣ случаевъ это различіе вызвано новообразованіемъ.

Аористъ I спрягается: marêchi (я погасилъ), marêchir, marech, marêchinkh, marêchikh, marêchin.

Аористъ I средній спрягается: напр. maril—гаснуть: marêcha, marêchar, marêchav, marêchankh, marêchakh, marêchan.

Аористъ II дѣйствительнаго зал. спрягается: thъkhnel (грб. thkhanem, thkhi)—плевать: thъkhi, thъkhir, thъkech, thъkhinkh, thъkhikh, thъkhin. aǐnem—взять (грб. aǐnum, aǐi) имѣетъ аор. II средняго залога: aǐa, aǐar, aǐav, aǐankh, aǐakh, aǐan.

Въ выборѣ того или другаго аориста ахалцыхскій поступаетъ большею частью такъ же, какъ грабаръ. Нужно замѣтить, что глаголы съ тематическимъ гласнымъ i весьма часто имѣютъ формы средняго залога отъ обоихъ аористовъ nъsdil (сидѣть), аор. nъsda, nъsdêcha; xosil (издавать звукъ, пѣть, о пѣтухѣ) аор. xosa, xosêcha и т. д.

125. Будущее время могутъ образовать тѣ уже формы, которыя образуютъ настоящее время. marem—gъ, k'ъllim могутъ означать: погашу, буду, сдѣлаюсь.

Кромѣ такого будущаго ахалцыхскій говоръ имѣетъ такія же описательныя формы, какъ конст. литературный языкъ. Употребляется bidi+формы настоящаго вр. безъ gъ напр.: bidi marem—я погашу. Но это же bidi можно соединять и съ другими временами, напр. bidi marêyi и т. д.

Будущее составляется еще изъ причастія будущаго времени и вспомогательнаго глагола: pêrêlu yem=portaturus sum, pêrêlu k'ъllim=portaturus ero. Это причастіе соединяется впрочемъ со всѣми временами вспомогательнаго глагола: unênam и kidênam суть будущее вр. къ настоящему unim, kidem. ср. § 120.

126. Выше я говорилъ объ отглагольномъ имени, какъ marê, aγa, представляющемъ по формѣ основу настоящаго врем. и употребляемомъ для описательной формы настоящаго врем. при отрицаніи. Эта же форма играетъ роль неокончательнаго, напр. gъrnam marê—я могу гасить, čh'em gъrchê marer yem—я не могъ погасить. Въ конст. литерат. языкѣ соотвѣтствуетъ форма marer.

127. Причастіе будущаго времени, имѣющее форму неокончательнаго+u, какъ marelu, aγalu, въ третьемъ спряженіи съ замѣной тематическаго i черезъ ê, какъ въ dêsnêlu отъ dêsnil, образуетъ цѣлую систему спряженія, какъ я указалъ въ § 125. Это причастіе употребляется и какъ прилагательное.

128. Причастіе настоящаго вр. дѣйствительнаго залога образуется суффиксомъ—oγ и употребляется часто какъ прилагательное и какъ существительное. Въ послѣднемъ случаѣ склоняется maroγ (отъ marel)—гасящій, G maroγi, pl. N. maroγner и т. д.

При глаголахъ съ тематическими гласными e и i,—oγ присоединяется къ основѣ настоящаго вр. и тематическій гласный исчезаетъ передъ нимъ.

При глаголахъ второго спряженія, съ тематическимъ a, суфф.—oγ присоединяется къ основѣ аориста. Напр.

dal—давать, аор, dъvi, прич. dъvoγ.

kal—приходить, аор. êga, прич. êgoγ.

kidnal—знать, аор. kidcha, прич. kidchoγ.

Но слѣдующіе два глагола образуютъ это причастіе отъ основы настоящаго врем.

tъnel—класть, аор. tъгi, прич. tъnoγ,—грб. dnem аор. edi.

mъdnil—входить, аор. mъda, прич. mъdnoγ.

129. Есть два причастія прошедшаго времени, изъ которыхъ одно оканчивается на—er,—ê, а другое на—aj.

Первое, на—er,—ê, есть причастіе дѣйствительнаго залога, употребляется только для образованія сложныхъ, совершенныхъ временъ глагола, не склоняется и не играетъ роли прилагательнаго. Если вспомогательный глаголъ предшествуетъ, то причастіе оканчивается на—ê, если послѣдуетъ за нимъ, то причастіе это оканчивается на—er. yes marer yem или yes yem marê—я погасилъ.

Второе причастіе прошедшаго времени на—aj, можетъ употребляться и какъ прилагательное или существительное. Въ послѣднемъ случаѣ склоняется maraj, G. maraji и т. д.

Это причастіе употребляется въ дѣйствительномъ и въ страдательномъ залогѣ. maraj gъrag — потушенная свѣча; ažan aĭnъvaj panъ asbês k'ъlli—дешево купленная вещь бываетъ такъ.

Оба причастія образуются то отъ основы настоящаго вр., то отъ основы аориста, по слѣдующимъ правиламъ:

1) Если глаголъ имѣетъ аор. II, то причастія приставляютъ—er и—aj къ основѣ аориста II:

ах. xosil—звучать, аор. xosa, xosêcha, прич. xoser, xosê, xosaj; грб. xosil, xosechay—говорить.

ах. dal—давать, аор. dъvi. прич. dъvaj, dъver, dъvê.

2) Тѣ глаголы перваго и третьяго спряженія, которые имѣютъ только аористъ I, образуютъ причастіе это отъ основы настоящаго вр.; напр.

ах. harphim - напиваюсь, аор. harphêcha, прич. harpher harphaj; грб. arbim, arbechay.

3) Глаголы втораго спряженія образуютъ причастіе прошедшаго времени изъ основы аориста; напр.

ах. хъndam—радоваться, смѣяться, аор. хъndъchi, хъndachi, прич. хъndъchaj, хъndъcher, хъndachaj и т. д.

ах. kidnal—знать, прич. kidcher.

130. Причастія прошедшаго времени на — aj и — er, въ связи съ вспомогательнымъ глаголомъ yem и ъllim, образуютъ совершенныя времена. yem, yes и т. д., имѣетъ только настоящее и имперфектъ изъявительнаго наклоненія; гдѣ требуются другія времена или наклоненія, тамъ употребляется ъlli. yem, yes и пр. соединяются обыкновенно съ прич. на—er. У Кегамянца встрѣчается, особенно при отрицаніи, прич. на—aj при yem, yes.

ъlli сочетается только съ причастіемъ на—aj.

Прошедшее совершенное.

yes yem marê, yes marer yem—я потушилъ, tu yes dêsê. или tu dêser yes — ты видѣлъ, съ отрицаніемъ yes čh'em marê, yes marer čh'em.

Сослагательное: maraj ъllim, dêsaj ъllim — я потушилъ бы, видѣлъ бы. Съ отрицаніемъ: maraj čh'ъllim и т. д.

Давнопрошедшее:

yes êyi marê, marer êyi; yes čh'êyi dêsê и т. д.

Сослаг. yes maraj ъllêyi и т. д.

Съ аор. вспомогательнаго глагола:

maraj êya —я потушилъ.

Будущее совершенное.

yes maraj k'ъllim, k'ъllênam—я потушу.

Съ отрицаніемъ dêsaj čh'em ъlli.

Отъ будущаго совершеннаго образуется тѣмъ, что вспомогательный глаголъ ставится въ имперфектѣ, условное (conditionalis) yes maraj k'ъllêyi — я бы потушилъ, maraj čh'êyi ъlli, я бы не потушилъ.

Въ образованіи временъ, особенно сложныхъ, ахалцыхскій ничего почти новаго и интереснаго сравнительно съ конст. литературнымъ языкомъ не представляетъ. Въ общемъ всѣ категоріи константинопольскаго нарѣчія существуютъ и здѣсь съ незначительными характерными этому говору измѣненіями. Поэтому я довольствуюсь вышеизложеннымъ и обращусь къ весьма запутанному образованію повелительнаго наклоненія.

131. Образованіе второго лица ед. и множ. ч. повелительнаго наклоненія находится въ зависимости отъ аориста, тематическаго гласнаго и отъ другихъ условій даннаго глагола. Замѣчу здѣсь, что если повелительное второго лица ед. ч. оканчивается на r, то рядомъ является форма безъ r, причемъ очутившееся, черезъ выпаденіе r, въ концѣ е сохраняется. Напр. sg: ge, ger, pl. gêrêkh—ѣшь, ѣшьте. pe, per, pl. pêrêkh—принеси,—те,

132. Глаголы, имѣющіе только аористъ II. образуютъ повелительное второго л. множ ч. изъ повелительнаго ед. ч. прибавленіемъ—kh, если форма ед. ч. оканчивается на гласный, и—êkh, если на согласный. Единственное ч. повелительнаго они образуютъ въ I спряженіи изъ простой основы аориста, а въ III спряженіи изъ основы медіальнаго аориста +i. Напр.

ax. êllem—выходить, aor. êla, пов. yel, pl. êlêkh.

ax. phaxčhim — убѣжать, aor. phaxa, пов. phaxi, pl. phaxikh.

Встрѣчаются исключенія, какъ пов. ъsa, ъsê, pl. ъsêchêkh, отъ ъsel – сказать, aor. ъsi (грб. asachi). des. pl dêsêkh отъ dêsnil — видѣть, dal — давать, образуетъ пов. dur, du, pl. dъvêkh.

133. Повелительное второго л. множ. ч. въ глаголахъ, имѣющихъ aor. I или aor. I и II рядомъ, образуется всегда изъ основы аориста I прибавленіемъ—êkh. Единственное ч. повелительнаго въ этихъ глаголахъ представляетъ форму, совпадающую съ основой настоящаго вр., причемъ тематическое e, i замѣняются посредствомъ ê.

ǰančhel — узнавать, пов. ǰančhê, pl. ǰančhêchêkh (грб. čanačhel).

garthal—читать, пов. gartha, garthъchêkh (грб. kardal).

Основы на—nal, съ аористомъ на —cha, образуютъ повелительное изъ основы аориста+i, pl. ikh. Напр.:

koγnal—воровать, пов. koxchi, pl. koxchikh (грб. goγanal).

Глаголы, имѣющіе передъ ch аориста коренной гласный, образуютъ повелительное изъ основы аориста, какъ въ грабарѣ.

lal—плакать, пов. lach. lachêkh (грб. lal).

lъlel—наполнять, пов. lich, lъchêkh (грб. lnum).

134. Prohibitivus образуется изъ чистой основы настоящаго вр. съ отрицательнымъ mi въ единственномъ ч. и mikh во множественномъ числѣ.

mi marê, mikh marê—не туши, не тушите!

mi xosi, mikh xosi—не говорите.

135 Въ ахалцыхскомъ есть неопредѣленное наклоненіе настоящаго, прошедшаго и будущаго времени, образуемое такъ: marel, xosaj ъlil, aγalu ъlil.

136. Основа страдательнаго залога образуется при помощи суффикса vi. Глаголы перваго спряженія приставляютъ vi къ основѣ настоящаго вр., лишенной тематическаго гласнаго.

Въ глаголахъ III спряженія эта форма не встрѣчается вслѣдствіе того, что глаголы третьяго спряженія имѣютъ б. ч. значеніе непереходящее, среднее.

Глаголы второго спряженія приставляютъ суффиксъ vi къ основѣ аориста.

kidnal—знать, страд. kidchъvil.

ǰančhem—узнать, страд. ǰančhъvil.

panal—открывать, страд. pachvil.

Нѣкоторые случаи отступленія встрѣчаются, какъ:

lъlem—наполнять, страд. lъchvil.

dal—давать, dъrvil.

Отъ причинительныхъ глаголовъ, образованныхъ суфф. — chъnel, существуетъ страдательный залогъ съ основой на съhvil.

Глаголы страдательнаго залога спрягаются по III спряженію.

137. Причинительныя формы образуются двоякимъ образомъ, или описательно, при помощи глагола dal, напр.

pêrel dal—заставить принести,

dal dal—заставить дать,

или посредствомъ суффикса — chъnel, прибавляемаго къ основѣ настоящаго времени, причемъ тематическое i въ III спряженіи замѣняется посредствомъ ê.

udel—ѣсть, udêchъnel—кормить.

nъsdil—сидѣть, nъsdêchъnel—посадить.

xъndal—смѣяться, xъndachъnel—разсмѣшить.

Глаголы, имѣющіе въ основѣ настоящаго времени суффиксы: ne, ni, čhi, na, отбрасываютъ ихъ при присоединеніи—chъnel.

mъdnil—входить, mъdchъnel —вводить.

Глаголы второго и третьяго спряженія образуютъ это причинительное весьма часто.

Въ первомъ спряженіи являются такія причинительныя формы рѣдко, чаще употребляется причинительное, образованное при помощи dal.

Спряженіе причинительныхъ: nъsdêchъnem, аор. nъsdêchuchi, причастіе прошедшее: nъsdêchucher, пов. nъsdêchu, pl. nъsdêchuchêkh

По образованію и спряженію сюда относится:

harchъnel—спрашивать, аор harchuchi и нѣкоторые другіе, спрягаемые вполнѣ какъ причинительные глаголы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Сослагательное наклоненіе въ армянскомъ языкѣ.

Простыя личныя формы настоящаго и прошедшаго несовершеннаго времени, какъ berem, aṿai и т. д., имѣютъ въ грабарѣ значеніе изъявительнаго наклоненія, а въ остальныхъ діалектахъ—сослагательнаго наклоненія. asem значитъ въ грабарѣ—dico, а въ другихъ діалектахъ – dicam. Замѣчу здѣсь, что вспомогательный глаголъ em, es и т. д. сохраняетъ въ новыхъ діалектахъ значеніе изъявительнаго наклоненія.

Особая основа образуетъ сослагательное накл. въ грабарѣ, какъ въ asicĥem, aṿaicĥem и пр.

Подобнаго сослагательнаго въ другихъ діалектахъ нѣтъ.

Кромѣ того образованія изъявительнаго накл., которое мы находимъ въ грабарѣ, армянскій языкъ представляетъ еще двоякаго рода образованіе изъявительнаго наклоненія въ настоящемъ и прошедшемъ несовершенномъ. Первое, являющееся въ восточной группѣ [1]) армянскихъ діалектовъ, состоитъ изъ отглагольнаго имени, въ сложеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ. Напр. агул. tisnam ъm—вижу, тифл. xosum im—говорю, talis im—даю.

Втораго рода изъявительное наклоненіе, образующее изъ-

[1]) Ср. Паткановъ, Изслѣдованіе о діал., стр. 16 и слѣд.

явительное въ западныхъ діалектахъ, отличается отъ соотвѣтствующихъ формъ настоящаго и прошедшаго несовершеннаго сослагательнаго наклоненія только тѣмъ, что въ изъявительномъ наклоненіи прибавлена частичка gu, ku, gъ, къ. Напр. мушск. g'ênem—facio, g'ênêi—faceḃam, ênem—faciam, ênêi—facerem.

Происхожденіе этого gъ, къ и пр. мнѣ не понятно [1]).

Спрашивается, какимъ образомъ произошло такое совпаденіе личныхъ формъ изъявительнаго и сослагательнаго наклоненія въ настоящемъ и прошедшемъ несовершенномъ времени?

Насколько мнѣ извѣстно, объясняютъ это такъ, что тѣ формы, которыя въ грабарѣ образовали настоящее и прошедшее несовершенное изъявительнаго наклоненія, стали употребляться въ новыхъ армянскихъ діалектахъ какъ сослагательное соотвѣтствующихъ лицъ и временъ. А изъявительное наклоненіе въ новыхъ діалектахъ должно было, вслѣдствіе этого, изобрѣсти новыя формы [2]).

Я нѣсколько иного мнѣнія насчетъ происхожденія армянскаго сослагательнаго (storadasakan eγanak), и перехожу къ изложенію его.

Для краткости я буду называть тѣ простыя формы изъявительнаго наклоненія, которыя существуютъ въ грабарѣ

---

[1]) Айтынянъ, Критическая грамматика народнаго армянскаго языка, II, 75 объясняетъ gu изъ gal—существовать, пребывать. Въ такихъ сочертаніяхъ какъ gay и desanê, gay придаетъ рядомъ стоящему desanê значеніе изъявительнаго наклон. Изъ сокращенія gay+и произошло, по его мнѣнію, gu. Такъ же Паткановъ. Иначе думаетъ Петерманъ, Ueber. d. Dialect von Tiflis, стр. 79.

[2]) Паткановъ, Изслѣдов. о діал., стр. 18. Айтынянъ, II, 74, 75.

въ настоящемъ и прошедшемъ несовершенномъ—какъ berem beres и т. д.—простымъ изъявительнымъ.

Изъявительное въ новыхъ діалектахъ, сложное съ gъ, gu и пр., или состоящее изъ отглагольнаго имени въ сложеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ, я назову сложнымъ изъявительнымъ.

Сослагательное въ грабарѣ, какъ berichem, я назову сослагательнымъ II, а сослагательное другихъ діалектовъ—какъ мушск. êtem—сослагательнымъ I.

Посмотримъ прежде всего, какія данныя можно получить изъ исторіи армянскихъ діалектовъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи армянскаго сослагательнаго.

Несомнѣнно то, что во всѣхъ новыхъ діалектахъ является сослагательное I въ настоящемъ и прошедшемъ несовершенномъ, со значеніемъ сослагательнаго, желательнаго и повелительнаго наклоненія.

Если въ грабарѣ есть сослагательное I, то оно должно совпадать формально съ изъявительнымъ. Лауеръ [1]) говоритъ, что изъявительное настоящаго врем. употребляется иногда въ грабарѣ вмѣсто сослагательнаго и повелительнаго. aгаčhem zkho têruthiund, hramayes banal—«прошу твое Величество, чтобъ ты приказалъ открыть». Багратуни [2]) и Айтынянъ [3]) приводятъ много примѣровъ сослагательнаго I въ грабарѣ, начиная съ V вѣка. Напр.

lav ê jez, ethê es ertham — хорошо вамъ, чтобъ я пошелъ.

---

[1]) Lauer, Grammatik der classischen armenischen Sprache. Wien. 1869, стр. 93.

[2]) Армянская грамматика (Hajerên kherakanuthiun i pêts zargayeloch). Венеція. 1852, § 448.

[3]) Критическая грамм., II, 74, 75.

thoŭ anicanê —пусть проклинаетъ.

mi meŭadres—не осуждай.

zor inčh ases, aŭnen — чтобы ты ни сказалъ, они сдѣлаютъ.

Изъ этихъ и многихъ другихъ примѣровъ видно, что и въ грабарѣ существовало сослагательное I въ настоящемъ времени, со значеніемъ приказанія, желанія, сомнѣнія, будущаго. Но нужно сказать, что сослагательное I настоящаго времени встрѣчается въ лучшій періодъ классической литературы не часто. Употребленіе его усиливается въ грабарѣ, начиная съ VII вѣка. Послѣднее обстоятельство можно приписывать вліянію народныхъ діалектовъ, въ которыхъ сослагательное I всегда употреблялось.

Но если и сослагательное I рѣдко употреблялось въ грабарѣ въ настоящемъ времени, за то сослагательное I прошедшаго несовершеннаго было въ большомъ употребленіи въ грабарѣ, съ древнѣйшихъ временъ, во всей литературѣ.

Сослагательное II настоящаго времени употребляется обыкновенно въ грабарѣ, между тѣмъ какъ сослагательное II прошедшаго несовершеннаго вр. въ лучшую эпоху грабара почти совсѣмъ не употребляется.

Отъ вспомогательнаго глагола прошедшія êi, êir и т. д. употребляются въ грабарѣ также въ функціи сослагательнаго наклоненія, напр. [1]), lav êr nma, thê čh'êr cneal—добро бы было ему, аще не бы родился, въ особенности въ сложеніи съ причастіемъ на — eal, напр. ethê ast leal êir, eŭbayrn im čh'êr meŭeal—если бы ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой.

Но въ настоящемъ времени вспомогательный глаголъ em,

[1]) Багратуни, § 450 и слѣд.

es и т. д., почти совсѣмъ не употребляется со значеніемъ сослагательнаго наклоненія въ грабарѣ.

Почти всегда является здѣсь сослагательное II: ichem, iches и т. д.

Въ новыхъ діалектахъ вспомог. глаголъ em, êi и т. д. имѣетъ только значеніе изъявительнаго наклоненія.

Бросивъ взглядъ на предыдущее, мы видимъ, что:

1) Сослагательное I прошедшаго несовершеннаго времени, какъ berêi, употребляется во всѣхъ діалектахъ.

2) Сослагательное I настоящаго вр. первоначально-тематическихъ глаголовъ, какъ berem, употребляется во всѣхъ діалектахъ; но въ грабарѣ употребляется рядомъ и несравненно чаще сослагательное II настоящаго вр., какъ berichem, beriches и т. д.

3) Форма настоящаго времени вспомогательнаго глагола em, es и т. д. почти нигдѣ не употребляются въ смыслѣ сослагательнаго. Прошедшее время êi, êir и т. д. употребляется какъ сослагательное въ грабарѣ.

Отсюда можно вывести, что въ общеармянскомъ существовало сослагательное I въ настоящемъ и прошедшемъ несовершенномъ временахъ, но что вспомогательный глаголъ em, êi и т. д. не имѣлъ сослагательнаго I въ настоящемъ времени. Поэтому въ грабарѣ употребляется отъ этого вспомогательнаго глагола сослагательное II, а въ другихъ діалектахъ замѣняютъ его въ сослагательномъ наклоненіи другіе вспомогательные глаголы.

Но какъ могло явиться сослагательное I въ общеармянскомъ изъ прежняго изъявительнаго и потомъ заставить изъявительное наклоненіе прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ отличія отъ сослагательнаго?

Если языкъ нуждался въ сослагательномъ наклоненіи,

отличающемся формально отъ изъявительнаго, то зачѣмъ онъ потерялъ формы сослагательнаго и желательнаго наклоненія, унаслѣдованныя изъ индоевр. праязыка?

Допустимъ, что въ общеармянскомъ, почему-то, дѣйствительно исчезли унаслѣдованныя изъ праязыка желательное и сослагательное, то почему новые армянскіе діалекты не могли взять изъ общеармянскаго того сослагательнаго II, которое мы видимъ въ грабарѣ. Ибо грабарное сослагательное II, какое бы ни было его происхожденіе, восходитъ къ общеармянскому языку, хотя можетъ быть, что оно было въ общеармянскомъ въ рѣдкомъ употребленіи, можетъ быть образовалось только отъ одного вспомогательнаго глагола em.

Не будь въ общеармянскомъ сослагательнаго II, по крайней мѣрѣ отъ вспомогательнаго глагола (т. е. ichem, iches и т. д.), то непонятно, какъ могла образоваться такая форма въ грабарѣ, почему мы не находимъ въ новыхъ діалектахъ сослагательнаго I отъ вспомогательнаго глагола em, es, почему em, es не могло сдѣлаться сослагательнымъ, если всѣ остальные глаголы придали формамъ изъявительнаго наклоненія значеніе сослагательнаго наклоненія?

На древность формъ ichem, iches указываетъ между прочимъ форма грабарнаго будущаго siresches. Это будущее по формѣ ничто иное, какъ сослагательное II отъ аориста.

Употребляется оно въ грабарѣ какъ сослагательное аориста и какъ будущее. Это будущее возникло вѣроятно въ общеармянскомъ, подъ вліяніемъ сослагательнаго II настоящаго времени, но можетъ быть, что оно восходитъ къ ив. праязыку.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній нужно полагать, что въ общеармянскомъ существовало, отъ вспомогательнаго глагола, сослагательное II ichem, iches и т. д. въ

настоящемъ времени, и не существовало сослагательнаго I em, es и проч. отъ вспомогательнаго глагола въ настоящемъ вр. Что въ прошедшемъ несовершенномъ въ грабарѣ является сослагательное I (êi, êir и т. д.), это не противорѣчитъ вышесказанному, какъ мы увидимъ ниже.

Если мы также допустимъ, что сослагательное I существовало въ тематическомъ спряженіи въ общеармянскомъ, то понятно, почему мы находимъ остатки его въ грабарѣ рядомъ съ сослагательнымъ II, понятно, почему вспомогательный глаголъ не имѣетъ въ новыхъ діалектахъ сослагательнаго I (потому что не имѣлъ его въ общеармянскомъ) ясно, почему діалекты прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ отличія изъявительнаго отъ сослагательнаго (западные діалекты употребляютъ gъ, gu въ изъявительномъ, восточныя-описательныя формы, грабаръ распространилъ сослагательное II на всѣ глаголы), такъ какъ изъявительное и сослагательное получены по наслѣдству изъ общеармянскаго праязыка.

Наше предположеніе о существованіи обоихъ сослагательныхъ въ общеармянскомъ будетъ только тогда вполнѣ доказано, когда мы покажемъ, какимъ путемъ получились эти сослагательныя въ общеармянскомъ.

Разсмотрю то и другое сослагательное отдѣльно.

Сослагательное I.

Кромѣ простыхъ тематическихъ глаголовъ, образованныхъ изъ корня посредствомъ тематическаго гласнаго, какъ berem, beres, соотвѣтствующихъ вполнѣ греч. φέρω, φέρεις, въ армянскихъ глаголахъ съ основой на—a, e, i есть непремѣнно и производные глаголы, образованные суффиксомъ ը отъ имен-

ныхъ основъ на—a, o, i, подобно греч. τιμά, φορεῖς, κονίω (τιμή, φόρος, κόνις), лат. amat, monēs, audio.

Весьма вѣроятно, что въ армянскихъ глаголахъ съ неокончательнымъ на—nal,—nul,—al есть слѣды ив. нетематическаго спряженія (напр. арм. dam-δίδωμι, прямо изъ ив. корня dô).

Основы на—ul фр. Миллеръ [1]) сопоставляетъ съ старослав. основами на—u, какъ въ ковъповѣ, ковъповати. Глаголы на—il вѣроятно часто образованы суффиксомъ—ɹe-(-ye-) прямо изъ корня, какъ санскритскіе страдательные и отъименные глаголы, образованные въ санскритѣ суфф.—ye. И по значенію совпадаютъ эти армянскіе глаголы съ санскритскими, имѣя значеніе средняго и страдательнаго залога.

Кромѣ этихъ глаголовъ въ числѣ армянскихъ глаголовъ на—el,—al,—il есть непремѣнно и такіе производные, отъименные глаголы, которые образованы первоначальнымъ суффиксомъ-ɹe,-ɹo. Напр.

грб. gêt—ученый, gitel—знать,=monēs, ποιεῖς.

грб. xroxt - гордый, xroxtal — б. гордымъ,=amās, τιμᾷς.

грб. cag—верхушка, cagim—появляться,=custodis, κονίω и т. д.

Хотя не доказано, чтобъ ив. ɹ между гласными исчезало въ армянскомъ, но и возражать противъ этого нельзя; ибо мы пока не знаемъ такихъ армянскихъ словъ, въ которыхъ можно было бы доказать исчезновеніе или сохраненіе первоначальнаго ив. у или ɹ между гласными. Въ другихъ положеніяхъ ив. у пли ɹ часто пропадаетъ въ общеармянскомъ [2]).

Если можно судить по тому общеармянскому у или ɹ, которое развилось изъ ив. t и s въ положеніи между гласными,

[1]) Fr. Müller, W. Sitzungb., томъ 48.

[2]) Ср. Hübschmann, Stud., стр. 78.

то нужно полагать, что ив. u между гласными исчезло въ общеармянскомъ.

Въ hayr, mayr (лат. pater, mater) армянское յ (пишется у), передъ согласнымъ r, является результатомъ исчезновенія прежняго t вмѣстѣ съ послѣдующимъ ив. гласнымъ ê.

Но армянское у, [1]) изъ первоначальнаго t, s, не сохраняется тамъ, гдѣ оно остается между гласными въ общеармянскомъ. Потому мы получаемъ въ множественномъ числѣ markh, harkh, изъ ив. māteres, pāteres [2]).

Ив. māteres обратилось въ общеармянскомъ въ *mayer [3]) *maer—*mar—отсюда прибавленіемъ—kh получилось markh. Также получилось harkh.

Какъ здѣсь a—e стянулись въ a въ общеармянскомъ, такъ могло произойти и a въ производныхъ глаголахъ, изъ ив. aje или aue. Ив. iue, ije могло также дать общеармянское i, вѣроятно черезъ посредство общеармянскаго î [3]), въ то время, когда количество гласныхъ еще различалось. Но должно ли было явиться изъ ив. eje, или eue общеармянское e? Индоевроп. ê даетъ обыкновенно общеармянское i. Но стяженіе e+e произошло въ довольно позднюю эпоху общеармянскаго языка, и e, полученное изъ стяженія ee, вовсе не должно было обратиться въ i въ общеармянскомъ.

Такимъ образомъ третье лицо множ. ч. giten могло про-

---

[1]) Въ армянскомъ письмѣ յ неслоговое и іотъ не различаются другъ отъ друга и пишутся одной буквой, транскрибируемой мною черезъ u.

[2]) ā индоевроп. обозначаетъ ирраціональный слоговой гласный, изъ котораго развились арійское i, î, греч. α, лат. a, арм. a и т. д.

[3]) Количество гласныхъ не различается въ армянскомъ, хотя и армянскій языкъ въ болѣе ранній періодъ различалъ количество.

изойти изъ прежняго gitei̯en [1]), первое л. хroxtam, изъ хroxtai̯em и т. д.

Индоевропейское тематическое спряженіе отличало сослагательное отъ изъявительнаго тѣмъ, что вмѣсто краткаго тематическаго e, чередовавшагося съ o въ изъявительномъ, сослагательное имѣло долгое ê, чередовавшееся съ ô.—Ив. изъяв. bhéresi, bhéronti, сослаг. bhérêsi, bhérônti. С. bhárasi, сослаг. bhárâsi, греч. φέρεις, сослаг. φέρῃς и т. д.

То же было въ производныхъ глаголахъ, какъ видно изъ греч. ποιεῖς = ποιέεις и сослаг. ποιῇς = ποιέῃς. С. devayási, сослаг. devayâsi.

Но что же получилось въ армянскомъ изъ ив. aiê, eiê, iiê. Я думаю, что въ ту эпоху общеарманскаго праязыка, когда ив. i̯ исчезало между гласными, ив. ê былъ еще звукъ средній между e и i въ общеармянскомъ, и только позже онъ обратился въ i (какъ въ грб. mi=греч. μή, грб. mit=греч. μῆδος).

Поэтому ив. aiê стянулось въ a [2]). Ив. eiê и iiê стянулись въ общеармянскомъ въ e и i.

Такимъ образомъ должны были возникнуть въ общеармянскомъ въ третьемъ лицѣ множ. ч. слѣдующія формы:

3. множ. изъяв. beren, изъ ив. bhéronti, арм. berenti [3]).
» » сослаг. berin, изъ ив. bhérônti, арм. berênti.
» » изъяв. giten, изъ ив. ei̯onti, арм. ei̯enti.
» » сослаг. giten, изъ ив. ei̯ônti, арм. ei̯ênti.
» » изъяв. xroxtan, изъ ив. ai̯onti, арм. ai̯enti.

---

[1]) Тематическій гласный e распространился въ раннюю эпоху общеармянскаго языка на всѣ лица и вытѣснилъ тематическое o.

[2]) Если бы ив. ê было тогда уже i, то получилось бы общеарм. ai изъ ив. aiê.

[3]) Тематическое e, ê, замѣнило въ общеармянскомъ чередовавшееся съ ними праязычное o, ô, еще до исчезновенія i̯ между гласными Ср. личныя окончанія.

» » сослаг. xroxtan, изъ ив. aĵônti, арм. aĵênti.
» » изъяв. cagin, изъ ив. iĵonti, арм. iĵenti.
» » сослаг. cagin, изъ ив. iĵônti, арм. iĵênti [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ армянскомъ языкѣ развилось сослагательное наклоненіе правильнымъ фонетическимъ путемъ изъ индоевропейскаго сослагательнаго. Это армянское сослагательное совпало формально во всѣхъ производныхъ глаголахъ съ изъявительнымъ. Только простые тематическіе глаголы отличали сослагательное отъ изъявительнаго качествомъ тематическаго гласнаго. Ср. выше beren, сослаг. berin.

Если въ армянскомъ есть, кромѣ вспомогательнаго глагола em, es и т. д., глаголы, восходящіе къ нетематическому спряженію, въ особенности въ числѣ глаголовъ на—nal,—enal, то въ большинствѣ случаевъ сослагательное I совпало съ изъявительнымъ фонетическимъ путемъ и въ такихъ глаголахъ. Наприм. суфф.—na соотвѣтствуетъ санскритскому девятому классу. Въ сослагательномъ наклоненіи была здѣсь въ праязыкѣ основа na—nâ—+личныя окончанія. Отсюда въ общеармянскомъ получилось—na—+окончанія въ изъявительномъ и сослагательномъ наклоненіяхъ.

По показанію отдѣльныхъ діалектовъ, сослагательное I отъ вспомогательнаго глагола em, es и т. д. исчезло уже въ общеармянскомъ. Употребленіе сослагательнаго I отъ em, es и т. д. въ грабарѣ нужно считать новообразованіемъ грабара.

Разъ глаголы производные на—el, какъ gitel, и почти всѣ глаголы на—il,—al, можетъ быть и—ul, имѣли въ общеар-

[1]) Если какой нибудь изъ приведенныхъ примѣровъ и не восходитъ къ ив. праязыку, то здѣсь не дѣло въ самыхъ корняхъ, а въ образованіи основъ въ цѣлой категоріи словъ.

мянскомъ одинаковую форму въ изъявительномъ и сослагательномъ наклоненіяхъ, то понятно, что и первоначально простые тематическіе глаголы, какъ berel (ничѣмъ уже не отличающіеся отъ первоначально производныхъ какъ gitel) не могли устоять передъ упростительнымъ дѣйствіемъ аналогіи, тѣмъ болѣе, что многіе глаголы на—el образовали рядомъ медіальныя, страдательныя формы на—il. Такимъ образомъ появилось сослагательное berem вмѣсто прежняго berim въ первоначально—простыхъ тематическихъ глаголахъ.

Итакъ, мы видѣли, что сослагательное I въ армянскомъ языкѣ произошло изъ того индоевроп. сослагательнаго, изъ котораго получилось сослагательное въ арійскихъ языкахъ, въ греческомъ и т. д. Формальное совпаденіе сослагательнаго наклоненія съ изъявительнымъ въ армянскомъ языкѣ произошло случайно.

Происхожденіе изъявительнаго и сослагательнаго наклоненій въ армянскомъ прошедшемъ несовершенномъ мнѣ не ясно [1]), и потому я могу только констатировать фактъ, что по показанію всѣхъ діалектовъ, общеармянскій языкъ имѣлъ сослагательное I прошедшаго несовершеннаго времени едва ли не отъ всѣхъ глаголовъ.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ II.

Индоевропейское желательное наклоненіе образовалось въ нетематическомъ спряженіи суффиксомъ—i̯ê (iê), чередующимся съ i̯e (ie) въ двойственномъ и множественномъ числахъ. Отъ корня es образовались въ индоевропейскомъ праязыкѣ жела-

---

[1]) Fr. Müller W. Sitzungsb, томъ, 42, т. 64, т. 88. Hübschmann, K. Z., томъ 23.

тельныя: sịêm, sịês, 2. pl. sịete и т. д. Ср. C. syâm, syâs; греч. εἴην, εἴης, εἶμεν.

Изъ ив. сочетанія sị получилось армянское ch [1]), черезъ посредство sy.

Поэтому изъ ив. sịemos, 1. pl., получилось общеармянское i)chem(kh).

Армянское начальное i въ ichemkh вѣроятно представляетъ ив. e сильнаго вида корня es, какъ греч. εἶμεν, измѣнившееся здѣсь почему-то въ i.—kh приставлено впослѣдствіи въ общеармянскомъ языкѣ. Ср. ниже «Личныя Окончанія». e въ первомъ лицѣ ichem получилось изъ ив. e суффикса—ịe, являвшагося въ праязыкѣ въ множ. и въ двойств. числахъ. Ив. iê дало бы армянское i, слѣдовательно *ichim. Окончанія—mi, si, ti и т. д., съ i въ концѣ, рано распространились въ общеармянскомъ на желательное наклоненіе. Такимъ образомъ получились грабарныя ichem, iches, ichê, ichemkh, ichêkh, ichen.

Итакъ, мы видѣли, что армянское сослагательное II отъ вспомогательнаго глагола em, es, есть потомокъ ив. желательнаго наклоненія отъ того же глагола. Индоевроп. желательное отъ тематическихъ глаголовъ не сохранялось въ общеармянскомъ. Сослагательное II отъ вспомогательнаго глагола существовало, конечно, только въ настоящемъ времени. Благодаря ему, сослагательное I вспомогательнаго глагола исчезло въ настоящемъ времени уже въ общеармянскомъ языкѣ, потому что сослагательное II было гораздо удобнѣе. Въ остальныхъ глаголахъ осталось въ общеармянскомъ языкѣ по необходимости сослагательное I.

---

[1]) Проф. Ф. Ѳ. Фортунатовъ показалъ, Bezzenberger, Beiträge VII, 88, что армянское ch является изъ ив. sy, какъ въ арм. hach —хлѣбъ=C. sasya, 3. hahya; арм. сослагат. ichem=C. syâm.

Сослагательное I наст. вр. отъ вспомогательнаго глагола em, es въ грабарѣ есть просто образованіе по аналогіи. Въ общеармянскомъ, по всей вѣроятности, не было сослагательнаго I отъ вспомогательнаго глагола въ наст. вр.

Неудобство сослагательнаго I вслѣдствіе формальнаго совпаденія съ изъявительнымъ наклоненіемъ чувствовалось уже въ общеармянскомъ языкѣ, и потому уже въ общеармянскомъ являлись формы какъ xroxtaichem отъ xroxtam по аналогіи съ ichem отъ em.

Образованіе сослагательнаго II при тематическихъ глаголахъ началось еще тогда, когда гласные въ основѣ производныхъ глаголовъ ae, ee, ie не были еще стянуты. Тогда образовали:

em: ichem=xroxtaem: xroxtaichem=giteem: giteichem, откуда gitichem. i получилось здѣсь такъ, какъ изъ ив. неударенаго ei, oi. Основы на—ul образовали—uchum, такъ какъ i исчезаетъ послѣ u вообще.

Основы на i изъ iichem образовали ichem. Можетъ быть что такимъ стяженіемъ u+ichem, i+ichem и объясняется сохраненіе u, i въ неударенномъ слогѣ. Въ toṷoy, род. пад. отъ thoṷul, исчезаетъ u. Если сослагательное аориста, ставшее впослѣдствіи въ грабарѣ будущимъ временемъ, образовалось въ эту эпоху подъ вліяніемъ настоящаго времени, то въ kechich, kechches мы имѣемъ примѣръ исчезновенія неударенаго простого i передъ chem.

Что въ сослагательномъ II было стяженіе тематическаго гласнаго съ ichem, и что стягиваемые гласные остались безъ ударенія, которое находилось на chém, подтверждаетъ gom—esse. Въ немъ o основы съ —ichem образовали *goichem, и это oi, паралельно тому, которое явилось изъ ив. дифтонга eu. ou, обратилось въ u въ неударенномъ слогѣ. Отсюда guchê.

Выше я принималъ суффиксъ—ichem. Но мы находимъ въ грабарѣ, въ третьемъ спряженіи, thoṙuchum, въ четвертомъ xosichim. Здѣсь i и u возникли подъ вліяніемъ тематическихъ i и u. Что прежде вездѣ было chem съ e, видно изъ того, что aɣaychem и guchê сохраняютъ e.

Въ общеармянскомъ мы должны допустить рядомъ сослагательное I и сослагательное II, въ тематическомъ спряженіи.

Но сослагательное II вѣроятно не было особенно употребительно, иначе непонятно, почему оно не сохранилось въ новыхъ діалектахъ. Можно было бы приписать образованіе сослагательнаго II въ тематическомъ спряженіи отдѣльной жизни грабара, предполагая въ общеармянскомъ сослагательное II только при em, es. Но трудно объяснить возникновеніе xroxtaychem въ то время, когда ae были уже стянуты въ xroxtam. Въ это время получились бы формы: xroxtichem или xroxtachem: xroxtam=ichem: em.

Съ другой стороны трудно допустить, чтобы стяженіе первоначальныхъ ae, ee произошло послѣ распаденія общеармянскаго языка.

Фактъ тотъ, что сослагательное II развилось изъ индоевропейскаго желательнаго вспомогательнаго глагола em, es, и что оно сохранилось и распространилось на всѣ глаголы въ грабарѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ діалектахъ оно исчезло безслѣдно. Но и сослагательное I сохранилось въ грабарѣ, такъ какъ въ прошедшемъ несовершенномъ времени сослагательное II никогда не было употребительно. Послѣднее обстоятельство вѣроятно повліяло сильно на выборъ сослагательнаго I новыми діалектами, ибо сослагательное I употреблялось въ обоихъ временахъ. Стремленіе къ однообразію вызывало и грабарныя формы какъ berichêi и т. д. въ про-

шедшемъ времени, но такія формы не получили права гражданства въ грабарѣ.

Слѣдовательно, тифл. berin и греч. дор. φέρωντι, съ другой стороны грб. ichemkh и греч. εἶμεν происходятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же индоевропейскихъ формъ.

II.

Личныя окончанія настоящаго времени въ армянскомъ языкѣ.

Объясненіе происхожденія личныхъ окончаній въ армянскомъ языкѣ не мало занимало лингвистовъ, но до сихъ поръ мы не имѣемъ удовлетворительнаго объясненія глагольной флексіи въ армянскомъ языкѣ.

Окончанія прошедшихъ временъ еще на долго останутся неясными.

Въ слѣдующемъ я постараюсь объяснить только окончанія наст. времени.

Первое лицо ед. ч. наст. времени.

Мы находимъ въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. во всѣхъ нарѣчіяхъ окончаніе m: грб. ase-m-dico, xosi-m-loquor; тифл. 1. л. ед. ч. наст. вр. сослагательнаго наклоненія asi-m [1])—dicam; агул. tisni-m-videam. кар. asi-m—dicam.

---

1) Приведенная тифл. форма asim звучала когда-то точно такъ же, какъ грб. asem, такъ какъ тифл. i развилось изъ общеарм. e. Тѣмъ не менѣе эти формы по происхожденію и по грамматическимъ функціямъ различны. Въ статьѣ о сосл. накл. я объясняю подробнѣе это различіе. Здѣсь замѣчу только, что простыя формы наст. вр. во всѣхъ діалектахъ, кромѣ грабара, имѣютъ значеніе сослагательнаго накл.; только въ грб. эти формы имѣютъ значеніе изъяв. накл.— Изъяв. накл. въ діалектахъ представляетъ новообразованіе, сложное съ вспомогательнымъ глаголомъ или съ извѣстной частицею.

джульф. tesni-m—videam; муш. ēne-m—faciam; польск. gi-desnu-m, изъяв. — video. Итакъ, мы видимъ, что 1-ое лицо ед. ч. наст. вр. образуется посредствомъ окончанія m изъ основы наст. вр. Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ образованіи основы настоящаго вр. Основа наст. вр. состоитъ или изъ корня + суффиксъ или же изъ одного корня. Послѣднее образованіе мы видимъ между прочимъ въ глаголѣ, восходящемъ къ индоевр. корню es, который сохранилъ во всѣхъ діалектахъ первоначальное нетематическое спряженіе: 1 л. ед. ч. грб. em, 2 л. es и т. д.

Большая часть тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ въ грабарѣ тематическій гласный е, представляютъ историческій потомокъ первоначальнаго тематическаго спряженія, какъ напр. грб. berem, beres, соотвѣтствующіе по формѣ и значенію греческ. φέρω, φέρεις, старослав. бєрѫ, бєрєши С. bhárāmi, bhárasi и т. д.

Такое тематическое спряженіе сохранилось во всѣхъ діалектахъ, причемъ тематическій гласный е подвергался измѣненіямъ, согласно законамъ каждаго діалекта. Такъ въ тифл. и агул. вмѣсто конечныхъ - em,-es являются—im,—is и т. д. Но всѣ діалекты указываютъ на то, что уже въ общеарм., въ эпоху распаденія, чередованіе между тематическимъ гласнымъ о и е не существовало, хотя конечно и въ общеарм., въ болѣе раннюю эпоху, нужно предполагать о въ 1-мъ л. всѣхъ чиселъ и въ 3-ьемъ л. множ. ч. Затѣмъ е вытѣснило о изъ всѣхъ лицъ наст. вр., такъ что явилось 3-ье л. множ. ч. beren, послѣ исчезновенія конечнаго—ti. Изъ первоначальнаго bheronti получилось бы общеарм. и грб. beron.

Стремленіе къ однообразію вызвало подобнымъ же образомъ старослав. бєрємъ. Но въ обарм. дѣйствовало кромѣ стремленія къ однообразію еще то обстоятельство, что вспо-

могательный глаголъ em, es (=есмь, еси) получилъ историческимъ путемъ во всѣхъ лицахъ гласный e передъ личными окончаніями. Это e развилось конечно изъ ив. корня es, но говорящимъ казалось оно такимъ же, какъ e въ berem, beres, восходящее къ ив. тематическому гласному. Вспомогательный глаголъ em, es и пр. имѣетъ сильное вліяніе на измѣненіе всей системы спряженія армянскаго глагола, какъ мы увидимъ ниже.

Если въ числѣ глаголовъ на—al въ грб. есть производные, образованные суфф. je, jo изъ именныхъ основъ на—a, то распространеніе e на всѣ лица произошло еще до окончательнаго стяженія a+ie въ одно a.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что суффиксы образующіе основу наст. вр. при одномъ и томъ же глаголѣ часто различны въ разныхъ діалектахъ. Напр. грб. tesanem, тифл. tesnim, агул. tisnim, польск. desnum. Это различіе отчасти вызвано тѣмъ, что въ общеармянскомъ по всей вѣроятности существовало для нѣкоторыхъ глаголовъ болѣе одной основы наст. времени; частію оно развилось въ отдѣльной жизни каждаго діалекта, причемъ или фонетическимъ путемъ (какъ въ тифл. tesnim), или тѣмъ, что одинъ какой-нибудь суффиксъ распространяется и вытѣсняетъ другіе. Сюда или къ первому случаю относится польск. gidesnum.

Обращаясь опять къ 1-ому л. ед. ч. наст. вр. общеарм. berem, зададимъ себѣ вопросъ: какъ возникла эта форма?

Изъ той формы 1-го лица, которую мы находимъ въ φέρω, керж и т. д., не могло произойти арм. berem. Изъ какой ив. формы мы ни объясняли бы φέρω, изъ bhérô ли или изъ ив. bhérôn [1]) (т. е. долгій гласный ô+носовой извѣст-

[1]) Шереръ, Бругманъ и другіе принимаютъ ив. bhérô. Заимствованіе m изъ окончаній прошедшихъ временъ для обще-славян-

наго качества или количества), соотвѣтствующая армянская форма была бы только ber, такъ какъ:

Индоевроп. гласный всѣхъ качествъ и количествъ исчезаетъ въ послѣднемъ слогѣ въ общеармянскомъ, и конечный носовой исчезаетъ въ общеармянскомъ. Слѣдовательно, нужно предполагать, что въ общеармянскомъ, притомъ до эпохи исчезновенія гласныхъ послѣдняго слога, существовало въ 1-мъ лицѣ окончаніе -mi. Если въ праязыкѣ окончанія—mi въ 1-мъ л. тематическаго спряженія не было, и если слѣдовательно—mi перешло сюда изъ нетематическаго спряженія въ извѣстную эпоху общеармянскаго языка, то передъ нимъ находился сначала тотъ звукъ, который развился изъ ив. представителя греческаго ω въ φέρω и латинскаго o въ lego. Но окончаніе—mi въ тематическомъ спряженіи является и въ другихъ азіатскихъ языкахъ (азіатскій и европейскій я употребляю только въ смыслѣ географическомъ). Къ сожалѣнію, тотъ гласный, который предшествовалъ—mi въ общеармянскомъ, остается намъ неизвѣстнымъ вслѣдствіе того, что тематическій гласный e, существовавшій въ ив. праязыкѣ во 2-мъ и 3-мъ лицѣ ед. ч. и во 2-мъ лицѣ множественнаго ч., распространился въ общеармянскомъ на всѣ лица, не исключая и перваго лица. Такимъ образомъ получилось общеарм. 1-е л. ед. ч. berem, изъ прежняго beremi, т. к. i послѣдняго слога должно было исчезнуть.

скаго или даже литовско-славянскаго праязыка, и приставленіе этого m къ окончанію ô въ 1-мъ л. ед. ч., несомнѣнно вѣроятнѣе, чѣмъ объясненіе слав. м̀ изъ сослагательнаго. Но то и другое объясненіе не вполнѣ убѣдительны. Вѣроятнѣе всего, что литовско-славянскій конечный носовой звукъ восходитъ въ индоевр. носовому согласному, какъ показано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ въ Приложеніи къ „Sâmaveda—Aranyaka—Samhitâ, Москва, 1875 г.“

Второе лицо ед. ч. наст. времени.

Второе лицо имѣетъ въ грабарѣ окончаніе—s, напр. bere-s=φέρεις, xosi-s=dicis и т. д.

Такое же окончаніе—s во 2-мъ лицѣ мы видимъ во всѣхъ другихъ армянскихъ діалектахъ.

Такъ агул. 2-е л. сослаг. tisni-s, кар. и тифл. asi-s, джульф. tesni-s и т. д.

Очевидно въ общеарм. праязыкѣ 2-е л. ед. ч. наст. врем. имѣло окончаніе —s.

Изъ ив. окончанія -si получились бы общеарм. формы berê, aγay, thoγu, xosi, такъ какъ s между гласными обращается въ y въ общеармянскомъ, какъ видно изъ грб. khoyr—сестра, рядомъ съ тифл. khur, польск. khur, эрив. khir= C. svasâ, лат. soror и т. д. А y, полученное изъ ив. s, сливается съ предшествующимъ гласнымъ основы и даетъ: съ предшествующимъ a общеарм. дифтонгъ ay, съ предшествующимъ u одно u, какъ доказалъ Гюбшманъ (Stud. I, стр. 76). i+y даетъ i, а изъ конечнаго ey получается конечное ê [1]). Очутилось же y въ концѣ послѣ исчезновенія прежняго конечнаго i окончанія -si.

Но такихъ формъ 2-го л. ед. ч. какъ berê, aγay, thoγu, xosi мы не находимъ въ армянскомъ языкѣ.

Итакъ, изъ первоначальнаго окончанія – si мы не получимъ арм. окончанія -s.

Изъ индоевропейскаго beres получилось бы общеарм. ber, т. к. индоевропейское конечное s исчезло уже въ общеарм.,

[1]) Что изъ e передъ y получилось ê, видно изъ 3 л. ед. числа наст. вр. berê, рядомъ съ aγay. Нѣкогда въ общеарм. было bereti, обратившееся за тѣмъ въ bereyi (ср. 3. л.), а изъ послѣдней формы получилось berê.

какъ видно напр. изъ грб. mard—человѣкъ, агул. mord, польск. mart=гр. βροτός=индоевроп. mr̥tós (r̥ передъ r обозначаетъ неслоговой ирраціональный гласный, существовавшій здѣсь въ праязыкѣ передъ слоговымъ r).

Трудность объясненія арм. s во 2-мъ л. ед. ч. вызвала много попытокъ.

Первый Фр. Миллеръ [1]) убѣдился въ томъ, что индоевр. s не могло здѣсь сохраниться какъ s въ армянскомъ языкѣ. Какъ извѣсто, Миллеръ считалъ армянскій языкъ иранскимъ и поэтому старался выводить армянскія формы ближайшимъ образомъ изъ соотвѣтствующихъ иранскихъ формъ. Положивъ въ основаніе, что иранское š даетъ арм. s, онъ въ 88-мъ томѣ W. Sitzb. предлагаетъ три способа объясненія арм.—s во 2-мъ л. ед. ч. наст. времени: 1) Изъ Зендскаго bagaeša, 2-го лица optativi medii, или 2) изъ berê, явившагося изъ ив. ок. 2-го л.—esi фонетическимъ путемъ, съ прибавленіемъ мѣстоименія—s, какъ въ kinъs (моя жена), или 3) изъ—aisi, которое онъ допускаетъ въ ив. праязыкѣ напр. для греч φέρεις.

Но какъ могло арм. окончаніе s получиться изъ иранскаго š?

Не говоря уже о странности замѣны 2-го лица изъяв. накл. посредствомъ 2-го лица желательнаго накл., армянскій языкъ вовсе не иранскаго происхожденія въ томъ смыслѣ, какъ полагаетъ Миллеръ. Слѣдовательно арм. s не происходитъ изъ иранскаго š. Фр. Миллеръ самъ сомнѣвается въ происхожденіи армянскаго—s 2-го лица изъ армянской же мѣстоименной частицы s, ссылаясь справедливо на то, что s въ армянскомъ указываетъ на отношеніе къ первому лицу, а

[1]) W. Sitzungsb. томъ 78 и 88.

не ко второму. Затѣмъ, касательно происхожденія арм. окончанія -es изъ ив. aisi нужно замѣтить, что первоначальный дифтонгъ ai не могъ бы дать въ армянскомъ e (выводя beres наприм. изъ прежняго baraisi). Изъ ив. дифтонга, имѣющаго i во второй, неслоговой части, получается только арм. ê, которое можетъ чередоваться съ i, но не получается e. Примѣры den (религія)=З. daena-, dev (злой духъ)=З. daeva-, которые Миллеръ приводитъ въ подтвержденіе того, что изъ ив. дифтонга ai получается въ арм. между прочимъ и e, ничего не доказываютъ, такъ какъ эти слова иранскія заимствованія, перешедшія въ арм. языкъ послѣ перваго сложнаго передвиженія согласныхъ армянскаго языка. Если-бы они существовали раньше въ армянскомъ языкѣ, то нужно было бы ожидать ten и tev. Да наконецъ s не сохранилось бы и здѣсь, и мы получили бы всетаки 2-ое лицо berê.

Въ томъ же году, когда излагалъ Фр. Миллеръ свои гипотезы о происхожденіи 2-го лица въ армянскомъ языкѣ, выступилъ Гюбшманъ противъ иранскаго происхожденія арм. языка [1]), выставляя s 2-го л. какъ одинъ изъ признаковъ, говорящихъ противъ иранскаго происхожденія арм. языка, хотя онъ справедливо замѣчаетъ, что и въ осетинскомъ языкѣ, во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр., есть ок.-s. Объяснить же армянское -s 2-го лица Гюбшманъ отказывается, указывая на то, что перв. s между гласными не сохраняется въ армянскомъ языкѣ.

Нѣсколько времени спустя, Габерландтъ [2]) старается

---

[1]) Zeitschrift für vergl. Sprachforschung, томъ 23, подъ заглавіемъ: Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen.

[2]) Haberlandt, W. Sitzb., томъ 100.

объяснить арм.-s 2-го лица изъ ив. окончанія -eis, когда-то употреблявшагося во 2-мъ лицѣ желательнаго наклоненія въ тематическомъ спряженіи и перенесеннаго потомъ въ изъявительное наклоненіе [1]).

Въ этомъ объясненіи Габерландтъ идетъ по стопамъ Фр. Миллера. Изъ ив. bhereis получилось бы арм. ber и больше ничего.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ по арм. языку [2]), Гюбшманъ снова отказывается объяснить -s 2-го лица. Только во второмъ лицѣ вспомогательнаго глагола es (есн) онъ находитъ сходство съ греч. ἐσσί. Послѣднюю форму считаетъ онъ древнимъ греческимъ новообразованіемъ.

Итакъ мы видимъ, что -s 2-го лица ед. числа, какъ въ beres, aγas и т. д., необъяснено въ армянскомъ языкѣ.

Въ слѣдующемъ я предлагаю объясненіе этого s.

Мы видѣли, что изъ какой формы 2-го лица ед. ч. наст. вр. ив. праязыка мы ни производили бы армянское 2-е лицо, мы никакъ не получили бы beres, aγas и т. д. Слѣдовательно s въ арм. окончаніи 2-го лица должно быть новообразованіе.

Если мы имѣли бы хоть одинъ глаголъ, въ которомъ мы могли бы указать на происхожденіе s во 2-мъ лицѣ, то никто, знающій затруднительное положеніе, пережитое армянской флексіею еще въ эпоху общеарм. языка, и наблюдавшій за тѣми безчисленными новообразованіями, которыя производила аналогія въ арм. языкѣ, не сталъ бы оспаривать возможности, что всѣ глаголы заимствовали для 2-го лица окончаніе -s отъ одного глагола.

---

[1]) Изъ того же ив.—eis онъ объясняетъ греч. ок. 2. л.—εις, литовское ок. 2. л. i и т. д. Ниже я вернусь къ гипотезѣ Габерландта.

[2]) Armenische Studien von H. Hübschmann. I. Leipzig 1883.

Но гдѣ мы найдемъ такой глаголъ въ арм. языкѣ, относительно котораго мы могли бы сказать, что онъ долженъ имѣть окончаніе -s во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр.?

Обратимся къ вспомогательному глаголу, происходящему изъ ив. корня es. Во 2-мъ лицѣ мы видимъ С. ási, З. ahi, дрперс. ahy, греч. εἶ. Всѣ эти формы должны восходить къ ив. ési. Соотвѣтствующая форма въ армянскомъ языкѣ была бы ê.

Но a priori нужно было бы ожидать въ ив. 2-мъ л. ед. ч. наст. вр. отъ корня es форму éssi, т. е. сочетаніе ударенаго корня es—съ окончаніемъ—si. Двойное s сохраняется въ индоевроп. праязыкѣ. Общеслав. есн заставляетъ тоже предполагать первоначальное двойное s, такъ какъ первоначальное простое s дало бы общеслав.—ешн, при посредствѣ ехи, въ положеніи передъ первоначально-узкимъ гласнымъ.

Къ индоевр. essi нужно отнести и Гомер. ἐσσί, считаемое обыкновенно за древнее греческое новообразованіе.

И es(=слав ѥсн) армянскаго языка могло явиться именно только изъ индоевроп. essi.

Съ другой стороны въ армянскомъ языкѣ только 2-е л. вспомогательнаго глагола es могло получить свое s изъ индоевроп. праязыка, т. к. въ тематическомъ спряженіи, какъ мы выше видѣли, немыслимо сохраненіе первоначальнаго s.

И такъ, мы принуждены предполагать въ ив. праязыкѣ, во 2-мъ лицѣ наст. времени вспомогательнаго глагола, двѣ формы рядомъ: esi и essi [1]).

[1]) Фортунатовъ, въ своихъ лекціяхъ о глаголѣ, допускаетъ для греч. ἐσσί и слав. ѥсн индоевроп. форму essi. Эту форму онъ объясняетъ приблизительно такъ: Въ индоевр. праязыкѣ, въ спряженіи глагола es—было конечно чередованіе сильной и слабой основы es и s, первая въ ед. ч., а вторая въ двойственномъ и множ. числахъ, какъ видно изъ С. ásmi, stha и т. д. Но этотъ глаголъ являлся въ

Убѣдившись въ томъ, что въ праязыкѣ была форма 2-го лица essi, и что изъ этой формы арм. языкъ получилъ форму es(=еси), намъ остается показать, почему и какимъ образомъ распространилось ок.-s 2-го лица вспомогательнаго глагола на всѣ армянскіе глаголы.

Въ то время, когда 2-е лицо наст. вр. тематическихъ глаголовъ имѣло форму berê, aγay, thoγu и xosi въ общеарм. языкѣ (изъ прежняго окончанія -si), въ 3-мъ л. ед. ч. были точно такія же формы, какъ мы увидимъ ниже (изъ первоначальнаго ок.—ti).

Одинъ только вспомогательный глаголъ, 1-е л. em, 2-е л. es, 3-е лицо ê и т. д., имѣлъ во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр. такую форму, которая не совпадала съ формой 3-го лица [1]), ни съ какой-либо другой формой.

Въ это время совпадали по окончанію 1. sg. отъ вспомогательнаго гл. em съ 1. sg. berem, далѣе 1. pl. emkh(=есмъ) съ 1. pl. beremkh, 3. pl. en съ beren [2]).

Поэтому не удивительно, если по аналогіи съ es (2. sg. вспом. глаг.) образовалось и beres во 2-мъ лицѣ тематическаго глагола.

праязыкѣ и какъ глагольная связка, въ энклитическомъ употребленіи, безъ ударенія, и тогда онъ имѣлъ во всѣхъ лицахъ слабую основу, т. е. 1. sg. smi, 3. sg. sti, 1. pl. smes, 2. sg. si (si вм. ssi, благодаря положенію въ началѣ слова) и т. д. При смѣшеніи этихъ двойныхъ формъ отличительнымъ признакомъ сильныхъ формъ служило обыкновенно e, какъ въ esmi рядомъ съ smi, esti рядомъ съ sti. Прибавляя это e ко 2. л. si, получилось въ праязыкѣ esi, рядомъ съ прежней сильной формой essi. Слѣдовательно, Фортунатовъ относитъ essi и esi къ индоевр. праязыку, такъ что esi развилось изъ essi.

[1]) Третье лицо вспомогательнаго глагола было по всей вѣроятности въ то время est изъ нв. esti, а можетъ быть и ê, по аналогіи съ тематическимъ спряженіемъ. Ср. ниже 3-е л. ед. ч.

[2]) Ср. ниже 1. л. множ. ч. и 3. лицо множ. ч.

1. sg. em: 1. sg. berem=1. pl. emkh: 1. pl. beremkh=3. pl. en: 3. pl. beren=2. sg. es: beres.

Отъ глаголовъ съ основой на e, какъ beres, окончаніе s распространилось въ общеармянскомъ языкѣ на всѣ глаголы.

Такимъ образомъ при объясненіи 2-го лица мы нашли: 1) что арм. формы 2-го лица какъ beres, aṽas суть новообразованія, возникшія на почвѣ армянскаго языка, 2)—s во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр. явилось подъ вліяніемъ вспомогат. глагола es (=есмь), 3) что вспомогательный глаголъ унаслѣдовалъ свое s во 2-мъ лицѣ изъ индоевроп. праязыка.

3-е лицо ед. ч. наст. вр.

Получилось въ арм. языкѣ фонетическимъ путемъ изъ ив. 3. л. ед. ч. съ окончаніемъ -ti. Такъ изъ ив. bhéreti произошло арм. berê, ибо t между гласными обращается въ y въ общеармянскомъ, какъ въ словѣ hayr—отецъ=греч. πατήρ, готск. fadar и т. д. А y, какъ мы видѣли уже во 2-мъ лицѣ, очутившись въ концѣ послѣ исчезновенія конечнаго i, даетъ съ предшествующимъ a общеарм. ay, съ предшествующимъ i сливается въ одно i, при предшествующемъ u исчезаетъ (какъ въ heru—прошлый годъ=дор. πέρυτι), а съ предшествующимъ e даетъ конечное ê.

Такимъ образомъ получились грб. berê (изъ общеарм. berê, черезъ * bereyi), грб. aṽay, thoṽu, xosi. Изъ индоевр. esti получилось бы грб. *est, такъ какъ гласный послѣдняго слога исчезаетъ и находящееся передъ нимъ est должно сохраняться, какъ мы видимъ въ грб. zgest (платье)=лат. vestis, hast (крѣпкій)=нѣм. fest. Такого est въ 3. л. ед. ч. въ арм. языкѣ мы не находимъ, а вмѣсто него является ê. Такая форма была перенесена изъ глаголовъ съ тематиче-

скимъ гласнымъ e, какъ berê (изъ bereti). Такимъ образомъ изъ прежняго em, es *est =есмь, еси, есть) явилось въ общеармянскомъ em, es, ê.

Современные діалекты отличаются нѣсколько отъ грабара въ 3-мъ лицѣ ед. ч., а именно въ основахъ на—a. Дѣло въ томъ, что эти основы въ 3-мъ л. ед. ч. оканчиваются въ новыхъ діалектахъ не на—ay, какъ въ грабарѣ, а на—a. Напр. конст. imana (онъ понимаетъ).

Но нужно замѣтить, что въ письмѣ и въ новыхъ діалектахъ пишутъ обыкновенно imanay, въ подражаніе грабарной орѳографіи.

Такая орѳографія возникла слѣдующимъ образомъ. Нынѣшніе армяне, читая грабарные тексты, произносятъ конечное ay третьяго лица не какъ дифтонкъ aı, а сообразно съ своимъ нынѣшнимъ языкомъ какъ a. Такое же произношеніе находимъ въ родительномъ падежѣ Trdatay (отъ имени Трдатъ). Такимъ образомъ они привыкли къ соотношенію конечнаго ay въ письмѣ и a въ произношеніи, и пишутъ вслѣдствіе этого и въ новыхъ діалектахъ между прочимъ въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. времени ay вм. a. Но нужно полагать, что въ грабарѣ это конечное ay когда-то произносилось приблизительно какъ aı. Во всякомъ случаѣ конечное y не было нѣмымъ.

Приведу примѣры изъ нѣкоторыхъ діалектовъ для 3-го л. ед. ч. наст. времени сослагательнаго наклоненія. Агул. tisni, тифл. asê (общеарм. ê сохраняется въ тифл. какъ ê, между тѣмъ какъ общеарм. e переходитъ въ тифл. большею частію въ i), тифл. imana (пишется imanay), джульф. tesnê, yimana (пишется yimanay), и т. д.

Первое и второе лицо множ. ч. наст. вр.

Въ первоначально-тематическомъ спряженіи изъ ив. bhéromos [1]) получилось въ общеармянскомъ berom. Какъ я говорилъ раньше, чередованіе тематическаго гласнаго e съ o не сохранилось въ общеармянскомъ, а e распространилось на всѣ лица. Такимъ образомъ получилось изъ общеарм. berom, общеарм. berem.

Общеарм. 1-е л. мн. ч. вспомогательнаго глагола em указываетъ на происхожденіе изъ сильной основы. Изъ ив. esmos могло получиться фонетическимъ путемъ общеарм. em, т. к. s передъ m исчезаетъ, какъ въ 1-мъ лицѣ em, и конечное — os исчезаетъ.

Во 2-мъ лицѣ множ. ч. изъ ив. bherete мы должны были ожидать berē (какъ въ 3-мъ л. ед. ч.).

Вспомогательный глаголъ, если 2-е лицо множ. ч. имѣло также сильную основу, долженъ былъ дать общеарм. est (какъ въ 3-мъ лицѣ ед. ч.).

Всѣхъ этихъ формъ мы не находимъ ни въ грабарѣ, ни въ остальныхъ діалектахъ. Напротивъ, всѣ діалекты, въ томъ числѣ и грабаръ, заставляютъ предполагать общеарм. 1. pl. beremkh, emkh(=есмъ), 2. pl. berēkh, ēkh(есте).

---

[1]) Кромѣ окончанія—mos мы принуждены допускать въ праязыкѣ, въ 1-мъ лицѣ множ. ч., еще другія окончанія, напр. для греч.—μεν, для старослав.—мѣ (въ памятникахъ болгарской редакціи), съ которымъ можетъ согласоваться дорич. μες и т. д. Здѣсь безразлично, какое предполагать первоначальное армянское окончаніе, такъ какъ гласный послѣ m и конечный спирантъ, если таковой существовалъ здѣсь, исчезли въ общеармянскомъ, и осталось одно m. Если арм. языкъ получилъ бы изъ праязыка окончаніе, соотвѣтствовавшее греческому—μεν, то мы нашли бы еще остатки конечнаго n въ грабарѣ.

Замѣчу здѣсь, что въ новыхъ діалектахъ встрѣчаемъ обыкновенно не beremkh, а berenkh, т. е. окончаніе—nkh, причемъ n это—носовой задненебный согласный, хотя въ армянскомъ письмѣ не отличаютъ задненебнаго n отъ передненебнаго. Но фонетика заставляетъ насъ предполагать здѣсь изъ ив. mos общеарм. -m, и грабаръ оправдываетъ наше предположеніе, представляя въ 1-мъ лицѣ множ. ч. окончаніе — mkh, напр. beremkh. Поэтому діалектическое n передъ—kh нужно считать за измѣненіе первоначальнаго m, происшедшее въ то время, когда—kh было уже приставлено къ нѣкогда существовавшему въ общеармянскомъ первому лицу множ. ч. *berem.

Такимъ образомъ изъ beremkh, вслѣдствіе уподобленія носоваго согласнаго къ послѣдующему задненебному придыхательному, получилось berenkh. Уподобленіе это произошло во время самостоятельной жизни армянскихъ діалектовъ.

Какъ же явились въ общеармянскомъ beremkh и berēkh, вмѣсто berem и berē, унаслѣдованныхъ, какъ выше показано, изъ индоевропейскаго праязыка?

Очевидно прибавленіемъ звука kh.

Фонетически kh не могло явиться здѣсь изъ ив. праязыка, слѣдовательно kh приставлено позже, но еще въ общеарм. языкѣ.

Теперь являются два вопроса: 1) что вызвало прибавленіе—kh къ 1-му и 2-му лицамъ множ. ч.? 2) Откуда взялось—kh?

Какъ мы выше видѣли, изъ ив. праязыка получилось въ общеарм. 1. pl. berem и 2. pl. berē, такъ же em (=есмъ) и ē (есте, образованное по аналогіи съ berē, вм. прежняго est)

Въ занимающую насъ эпоху не было еще окончанія—s во 2-мъ лицѣ ед. ч. въ первоначально-тематическомъ спря-

женіи, а было ок.—s въ одномъ вспомогательномъ глаголѣ. Третье лицо множ. ч. было въ то время beren и en (суть), какъ мы увидимъ при объясненіи этого лица.

Слѣдовательно, въ эту эпоху общеарм. праязыка армяне спрягали такъ:

1. sg. berem	em	aγam
2. sg. berê	es	aγay
3. sg. berê	ê	aγay
1. pl. berem	em	aγam
2. pl. berê	ê	aγay
3. pl. beren	en	aγan

Какъ здѣсь видно, 1. pl. совпадаетъ вполнѣ съ 1. sg., и 2. pl. совпадаетъ съ 2. и 3. sg. во всѣхъ глаголахъ первоначально-тематическаго спряженія (только 2 л. es отличается отъ всѣхъ другихъ формъ). Одно 3-е лицо отличаетъ число по формѣ.

Чтобъ охарактеризовать эту эпоху еще больше, прибавлю, что гласные конечнаго слога успѣли исчезнуть вполнѣ, какъ и первоначально—конечные спиранты, а первоначальное s между гласными уже превратилось въ y (доказательство aγaykh).

Въ такомъ положеніи языкъ, конечно, весьма охотно схватился бы за какой-нибудь признакъ, который могъ бы отличать и формально отдѣльныя лица, тѣмъ болѣе, что употребленіе личныхъ мѣстоименій при личныхъ формахъ глагола вообще не было въ ходу въ армянскомъ языкѣ вплоть до новѣйшаго времени.

Итакъ, мы узнали причину, вызвавшую появленіе отличительнаго признака kh къ личнымъ формамъ.

Но этимъ дѣло не кончено, и отвѣтъ на второй вопросъ,

о происхожденіи суффикса kh въ 1. и 2. лицахъ множ. ч., гораздо труднѣе.

Я хорошо сознаю, сколько возраженій можно поднять противъ слѣдующаго объясненія, вслѣдствіе недостатка данныхъ въ языкѣ по этому вопросу, но послѣ долгихъ попытокъ я пришелъ къ слѣдующему убѣжденію.

Общеарм. именит. над. множ. ч. личныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица, es (я) и du (ты), были mekh [1]) и dukh.

Въ вышеописанный періодъ языка, при употребленіи личнаго мѣстоименія, спрягали такъ:

2. sg. du berê

2. pl. dukh berê.

Такъ же es berem и mekh berem.

Итакъ, я думаю, что форму berê во 2-мъ лицѣ множеств. ч. стали отличать такъ же отъ соотвѣтствующей формы единств. ч., какъ dukh отличалось отъ du. Такимъ образомъ образовали dukh berêkh.

Въ мѣстоименіяхъ окончаніе—kh общераспространенное въ арм. языкѣ. Вѣроятно это kh въ мѣстоименіи общаго происхожденія съ окончаніемъ множ. ч. существительныхъ, какъ въ грб. astеґkh—звѣзды, имен. над. ед. ч. astґ. Въ

1) Если мы въ множ. ч., имен. над., мѣстоименія перваго лица въ тифлисскомъ діалектѣ находимъ minkh, въ мушск. mənkh въ джульф. и ахал. menkh, въ караб. munkh, то это не заставляетъ еще предполагать общеарм. формы съ носовымъ передъ kh. Скорѣе общеарм. mekh обратилось въ нѣкоторыхъ діалектахъ въ menkh подъ вліяніемъ глагольной формы 1-го лица множ. ч., т. е. вмѣсто mekh berenkh явилось menkh berenkh. Агул. mikh, грб. mekh безъ носоваго.

мѣстоименіи какъ и въ существительномъ kh восходитъ къ общеармянск. праязыку.

Вѣроятно въ мѣстоименіи и кроется источникъ этого столь загадочнаго до сихъ поръ въ армянскомъ языкѣ окончанія, принявшаго вездѣ на себя функціи образованія множественнаго числа. При именахъ существительныхъ kh стало употребляться только съ извѣстной эпохи общеармянскаго праязыка, когда гласные первоначально—послѣдняго слога успѣли уже исчезнуть.

Если думаютъ, что личныя окончанія пв. праязыка обязаны своимъ происхожденіемъ личнымъ мѣстоименіямъ, то отчего не допустить и здѣсь вліянія мѣстоименія на личное окончаніе, тѣмъ болѣе, что въ языкѣ была сильная потребность отличать и формально различныя по формальному значенію формы.

На сколько окончаніе—kh срослось съ представленіемъ множеств. числа въ армянскомъ языкѣ, и съ какой легкостью и безцеремонностью можно было пользоваться имъ тамъ, гдѣ недоставало въ множ. ч. отличія отъ ед. числа, это видно изъ слѣдующаго:

Ахалцыхскій говоръ имѣетъ слѣдующій prohibitivus:

sg. mi pêrê (не принеси) pl. mikh pêrê (не принесите).

mi есть отрицаніе, соотвѣтствующее греч. μή, C. mâ, и указывающее на пв. mê. pêrê есть отглагольное имя, образующее нѣкоторыя сложныя формы настоящ. времени въ ахалцыхскомъ, напр. čhem pêrê (я не ношу). Такъ какъ mi pêrê должно было употребляться какъ въ ед. числѣ, такъ и въ множ. числѣ, то для формальнаго отличія числа прибавили въ множ числѣ kh къ mi, т. е. не къ глаголу, а къ

отрицанію. Подобный prohibitivus находимъ напр. въ караб. khnal mi—pl. khnal mikh, агул. tisnima pl. tisnimakh [1]).

Послѣ этого становится понятнымъ, какъ могло образоваться въ болѣе раннюю эпоху общеарм. языка:

2. sg. berê и 2 pl. bêrêkh изъ 2. sg. berê и 2 pl. berê и 2. sg. du berê и 2. pl. dukh berê.

Разъ 2-е лицо мн. ч. отличалось отъ того-же лица ед. ч. окончаніемъ kh, то не трудно было примѣнять тоже kh и къ первому лицу: berê: berêkh=berem: beremkh. Прибавленію kh въ множ. ч. способствовало тоже мѣстоименіе mekh (мы) и то обстоятельство, что kh вообще употребляется для отличія множ. числа отъ ед. числа.

Можно привести примѣры изъ области другихъ ив. языковъ, показывающіе вліяніе мѣстоименія на измѣненіе формы глагола. Обращусь къ славянскому языку.

Въ старославянскомъ вмѣсто окончанія — мъ перваго лица множ. числа встрѣчается между прочимъ и окончаніе—мы, и это ы давно объясняется изъ вліянія личнаго мѣстоименія мы

1-е лицо двойственнаго числа имѣетъ обыкновенно окончаніе—вѣ, возникшее тоже подъ вліяніемъ личнаго мѣстоименія.

Подобнымъ образомъ 3-ье л. двойств. ч. получило окончаніе—тѣ подъ вліяніемъ мѣстоименій, какъ тѣ и т. д.

Если прибавить еще, что происхожденіе kh фонетическимъ путемъ изъ ив. праязыка, какъ окончаніе множ. ч., немы-

---

1) Паткановъ, Изслѣд., стр. 71 и 48. Агул. ma соотвѣтствуетъ граб. mi, какъ род. над. 1-го лица агул. am (меня) грб. im. Общеарм. форма отрицанія была mi.

слимо, то, кажется, можно согласиться съ предложеннымъ мною объясненіемъ.

Такимъ образомъ получили мы 1. л. множ. ч. beremkh и 2. л. множ. ч. berêkh.

Отъ основъ на—a: aɣamkh и aɣaykh.

Отъ основъ на—u: thoɣumkh и thoɣukh, и

отъ основъ на—i: xosimkh и xosikh.

Слѣдовательно имѣемъ въ эту эпоху:

1. sg.	berem	em	aɣam.
2. sg.	berê	es	aɣay.
3. sg.	berê	ê	aɣay.
1. pl.	beremkh	emkh	aɣamkh.
2. pl.	berêkh	êkh	aɣaykh [1]).
3. pl.	beren	en	aɣan.

Какъ мы видѣли при разсмотрѣніи 2-го л. ед. ч., s распространилось на всѣ глаголы, какъ окончаніе 2-го л. ед. ч., послѣ прибавленія kh къ 1-му и 2-му л. множ. числа, слѣдовательно послѣ занимавшей насъ только-что эпохи общеарм. праязыка. Такимъ образомъ получилось спряженіе: berem, beres, berê, beremkh, berêkh, beren въ общеармянскомъ. Послѣ этого общеарм. языкъ не измѣнялъ больше окончаній, такъ какъ не было болѣе причинъ къ тому, ибо всѣ личныя формы наст. времени отличались другъ отъ друга по формѣ.

Эти формы, послѣ распаденія общеармянскаго праязыка, перешли въ отдѣльные діалекты, гдѣ мы ихъ дѣйствительно и находимъ:

---

1) Какъ въ 3-мъ л. ед. ч., такъ и во 2-мъ л. мн. ч. грабарному ai въ другихъ діалектахъ соотвѣтствуетъ a. Но, какъ я уже говорилъ при 2-мъ и 3-мъ лицахъ, въ общеармянскомъ нужно допустить дифтонгъ ai передъ ок.—kh 2-го л. мн. ч.

тифл. 1. pl. asinkh, 2. pl. asikh, imanakh.
агул. 1. pl. tisnikh, 2. pl. tisnikh.
караб. 1. pl. khnankh, 2. pl. khnakh (грб. gnal).
джульф. 1. pl. tesnenkh, 2. pl. tesnêkh.
мушск. 1. pl. asinkh, 2. pl. ginakh.

Разсматривая эти примѣры, мы замѣчаемъ, что въ агул. нѣтъ носоваго согласнаго передъ окончаніемъ kh въ 1-мъ лицѣ множ. ч.—Я не имѣю достаточно данныхъ подъ рукою, чтобъ рѣшить, не исчезъ ли здѣсь носовой согласный фонетическимъ путемъ, на почвѣ агул. діалекта. Если нѣтъ, то мы имѣемъ здѣсь новый примѣръ зависимости между формою личнаго мѣстоименія и глагола.

Выше я говорилъ, что джульф. мѣстоименіе menkh (мы) получило n подъ вліяніемъ n въ глаголѣ (berenkh). Въ агулисскомъ наоборотъ, мѣстоименіе 1. pl. mekh, унаслѣдованное изъ общеармянскаго, вызвало глагольную форму tisnikh (1. pl.) вм. прежней формы съ окончаніемъ -mkh. Мѣстами встрѣчается и въ агул. глаголѣ ok.—nkh въ 1-мъ л. мн. ч. Въ грабарѣ сохранилось мѣстоименіе mekh рядомъ съ глагольной формой beremkh.

3-е лицо множ. ч. наст. вр.

Это лицо сохранило въ арм. языкѣ первоначальную индоевропейскую форму, измѣняя ее конечно согласно съ звуковыми законами. Праязычное окончаніе—nti даетъ въ общеармянскомъ—n, какъ въ khsan (двадцать, грб.) C. vinçati, бэот. ϝίκατι; eresun, гр. τριάκοντα.

Слѣдовательно изъ ив. bhéronti мы должны ожидать beren

(тематическое о замѣняется во всѣхъ лицахъ звукомъ e), которое мы дѣйствительно находимъ во всѣхъ нарѣчіяхъ и предполагаемъ въ общеармянскомъ праязыкѣ.

Отъ корня es въ ив. праязыкѣ 3. л. мн. ч. наст. времени было sénti, т. е. слабый видъ корня съ окончаніемъ -énti. e въ этомъ окончаніи ударенное и полнаго образованія. n слоговаго, принимаемаго здѣсь многими, допустить нельзя. Изъ ив. sénti получилось общеарм. en, т. к. s исчезаетъ въ началѣ слова передъ гласнымъ, какъ въ euthn=septem, aγ=sal.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что хотя я выше принималъ въ 1-мъ и 2-мъ л. множ. ч. вспомогательнаго глагола сильный видъ корня es, перенесенный въ множ. ч. изъ единственнаго, но быть можетъ, что въ первыхъ двухъ лицахъ здѣсь была такая же слабая основа, какъ въ 3-мъ лицѣ множ. ч. Въ такомъ случаѣ em и ê въ 1. и 2. pl. явились по аналогіи съ тематическимъ спряженіемъ. Фактъ тотъ, что во время прибавленія—kh къ 1. и 2 .pl., em и ê существовали уже въ вспомогательномъ глаголѣ.

Примѣры для 3-го л. множ. ч. сослаг. наклоненія изъ новыхъ діалектовъ: тифл. asin, агул. tesnin, кар. khnan, джульф. tesnen и т. д.

III.

2-е лицо ед. ч. наст. времени тематическаго спряженія въ греческомъ и литовскомъ языкахъ.

При объясненіи личныхъ формъ армянскаго глагола, я долженъ былъ, понятно, обращаться постоянно къ другимъ ив. языкамъ, чтобъ узнать, какіе отвѣты даютъ они для разрѣшенія того или другаго вопроса въ области армянскаго языка. Такъ было между прочимъ дѣло со 2-мъ лицомъ ед ч. наст. вр. Что помощь другихъ языковъ при объясненіи арм. втораго лица была только отрицательная, это мы видѣли выше.

Затрудненіе объясненія 2-го лица ед. ч. наст. вр. въ ив. языкахъ общеизвѣстно, и потому все то, что можетъ содѣйствовать выясненію исторіи этого лица, заслуживаетъ вниманія. Поэтому я позволю себѣ излагать ниже тѣ соображенія, которыя возникли у меня по поводу 2-го лица ед. ч. наст. вр. при моихъ вышеозначенныхъ занятіяхъ.

Я брошу сначала краткій взглядъ на новѣйшія мнѣнія о происхожденіи формы втораго лица ед. ч. наст. вр. въ индоевропейскихъ языкахъ.

Бругманъ [1]) объяснялъ греч. φέρεις изъ ив. bhéresi. Такъ какъ онъ не показывалъ, какъ объясняются славянское везеши лит. veži, то вопросъ о происхожденіи послѣднихъ формъ, какъ вообще о происхожденіи 2-го лица, остался открытымъ.

Балтійскіе языки требуютъ во всякомъ случаѣ иного индоевроп. предка, чѣмъ bhéresi. Да и относительно греч. φέρεις изъ ив. bhéresi извѣстно между прочимъ слѣдующее возраженіе: Если грекамъ было удобно сохранять во 2-мъ лицѣ *φέρει и прибавить къ нему сигму, то отчего въ нетематическомъ спряженіи, гдѣ изъ первоначальнаго *τιθησι черезъ τιθηϊ должно было явиться τιθηι, они не поступали такъ же, отчего они не образовали 2-го лица τιθῃς? Допустивъ даже, что греч. φέρεις дѣйствительно образовалось изъ ив. bhéresi, мы всетаки не вправѣ настаивать на этомъ объясненіи, пока не доказано, что греч. φέρεις не могло произойти фонетическимъ путемъ изъ какой-нибудь ив. формы. А доказать послѣднее мы можемъ только послѣ того, какъ выяснили соотвѣтствующую литовскую форму.

Мнѣніе Бергка [2]) о происхожденіи греч. φέρεις опровергаютъ вполнѣ убѣдительно Курціусъ [3]) и Бругманъ [4]). Также

---

[1]) M. U. I. Онъ считаетъ первоначальной формой 2. л. ед. ч. наст. вр. тематическаго спряженія bhéresi, изъ которой объясняетъ греч. φέρεις слѣдующимъ образомъ: * φερεσι, послѣ исчезновенія сигмы между гласными въ общегреч. языкѣ, дало *φερεϊ, отсюда *φερει. Изъ тѣхъ формъ 2-го лица, которыя имѣли окончаніе -s, этотъ звукъ прибавился по аналогіи къ φερει, и такимъ образомъ получилось φέρεις.

[2]) Fleckeisens Jahrbücher, томъ 117.

[3]) Das Verbum der griechischen Sprache. I. 179.

[4]) M. U. I. 176—177.

мало удовлетворяетъ гипотеза Габерландта о происхожденіи 2-го лица ед. ч. въ отдѣльныхъ ив. языкахъ [1]).

Изъ его изслѣдованія я никакъ не могъ убѣдиться, чтобы ив. праязыкъ имѣлъ въ желательномъ тематическаго спряженія чередованіе между oi и ei. — Какіе данные имѣемъ мы для этого? — Азіатскіе языки не даютъ намъ указанія по этому вопросу.

Германскіе и славянскіе языки указываютъ на первоначальное oi во всѣхъ лицахъ тематическаго желательнаго [2]). Латинскій языкъ не сохранялъ первоначальнаго желательнаго тематическаго спряженія. Греческій языкъ имѣетъ οι. ε въ эолійскихъ оптативахъ не представляетъ первоначальнаго тематическаго гласнаго, а произошло изъ того индоевроп. ирраціональнаго звука, который вмѣстѣ съ s образовалъ такіе индоевроп. аористы, изъ которыхъ явились C. árâviśam,

---

1) W. Sitzb., томъ 100. Греч. окончаніе 2-го л.—ειϛ, лат.—îs напр. scribîs, у поэтовъ, лит.—i (изъ прежняго ë), армянское—es Габерландтъ считаетъ оптативами по происхожденію, сдѣлавшимися потомъ вторымъ и третьимъ лицами изъяв. накл.—По его мнѣнію желательное наклоненіе тематическаго спряженія имѣло нѣкогда въ основѣ дифтонгъ oi, чередовавшійся съ ei. Указаніе на ei въ желательномъ онъ видитъ въ такъ наз. Эолійскихъ оптативахъ, какъ γράψει, τύψειμεν, τύψειαν, составленныхъ подъ вліяніемъ желательнаго накл. настоящаго времен. 2-е и 3-е лица на—eis, eit желательнаго наклоненія перешли потомъ въ изъявительное наклоненіе. Въ литовскомъ первоначальное -eis дало бы -ës. По мнѣнію Габерландта s отпало такимъ образомъ, что въ возвратномъ залогѣ, при прибавленіи—s(i), явилось во 2-мъ лицѣ sukëss, которое въ произношеніи совпадало съ sukës дѣйствительнаго залога. По аналогіи съ 3-мъ л. возврат. sùkës: дѣйств. sùka и съ остальными лицами, появилась и во второмъ лицѣ дѣйствительнаго залога sukë, откуда sukì.

2) Габерландтъ ошибается, полагая, что въ старослав. ѣ совпало первоначальное oi и ei.

ápâvîs (отъ корня pû—чистить), áyâsišam (корень yâ—итти) и старослав. вѣдохъ, несохъ и т. д. Стало быть ε въ τύψει тождественно по происхожденію съ î въ áyâsîs, и съ o въ вѣдохъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобъ допустить въ желательномъ тематическаго спряженія въ нв. праязыкѣ чередованіе между oi и ei; напротивъ, по общему характеру желательнаго тематическаго спряженія можно a priori отрицать подобное чередованіе. Такимъ образомъ теорія Габерландта становится невозможной, даже если оставить въ сторонѣ другія затрудненія, какъ исчезновеніе конечнаго s въ литовскомъ или замѣну изъявительнаго посредствомъ желательнаго и т. д.

Бецценбергеръ [1]) сопоставляетъ окончанія 2-го л. греч. —εις съ лат.—îs и съ лит.—ë(i). Но онъ самъ указываетъ на то, что s въ литовскомъ не исчезаетъ.

Изъ предшествующаго видно, что ни изъ нв.—esi, ни изъ —eisi или—eis нельзя объяснить всѣхъ формъ 2-го лица ед. ч. во всѣхъ нв. языкахъ.

Если сопоставить греч. φέρεις съ литовскимъ suki (sukës) и вывести для нихъ общее индоевроп. окончаніе, то такое можетъ быть только ei, потому что:

Литовское прежнее ë, измѣнившееся въ концѣ слова въ i (въ латышскомъ въ срединѣ ee, въ концѣ i) можетъ восходить къ нв. ei, oi, ai. Греч. ε въ ок. — ει указываетъ на нв. ei. Греческое ς не должно восходить къ праязыку, иначе

---

1) Zur Geschichte der litauischen Sprache, стр. 194, 195. Дифтонгъ ai въ предполагаемомъ имъ первоначальномъ окончаніи 2-го л. ais онъ относитъ всецѣло къ основѣ, такъ что въ литовскомъ нѣкогда стояли рядомъ основы veža—и vežai—, точно такъ же, какъ въ санскритѣ gata— и gatai—напр. въ gatás и gatéšu.

оно сохранялось бы въ литовскомъ. Стало быть оно прибавлено впослѣдствіи [1]) въ общегреч. языкѣ подъ вліяніемъ другихъ формъ 2-го л. съ сигмой. Тогда въ этихъ формахъ 2-го л. индоевропейскимъ окончаніемъ было только i, предшествующее e было e основы наст. вр., чередующееся въ нѣкоторыхъ лицахъ съ o.

Если во 2-мъ лицѣ тематическаго спряженія было дѣйствительно подобное окончаніе въ праязыкѣ, то и весьма вѣроятно то объясненіе старослав.—си—ши, которое мы находимъ у Фортунатова.

Полагая именно въ старослав. хощи (малороссійское: хочь) форму, имѣвшую въ праязыкѣ такое же окончаніе ei (причемъ e тематическій гласный), какъ φέρεις и veĭ. Фортунатовъ думаетъ, что въ общеславянскомъ было больше такихъ образованій 2-го л. ед. ч., о чемъ свидѣтельствуютъ балтійскіе языки. Кромѣ этого окончанія было нѣкогда въ общеславянскомъ 2-мъ л. еще окончаніе сь,—шь. восходившее къ ив. si. Краткое i въ—сь,—шь замѣнилось впослѣдствіи долгимъ î въ общеславянскомъ, подъ вліяніемъ такихъ формъ какъ хощи, получившихъ общеслав. î фонетическимъ путемъ изъ ив. ок. ei. Повліявъ такимъ образомъ на измѣненіе общеславянскихъ окончаній—сь—шь въ—си,—ши, формы такого образованія, какъ хощи, могли частію или совсѣмъ изчезнуть въ общеслав. языкѣ.

Но можно ли допустить въ индоевр. праязыкѣ, во 2-мъ лицѣ наст. вр. тематическаго спряженія форму, какъ bhérei?

---

[2]) Такъ думаетъ и Фортунатовъ. Онъ сопоставляетъ греч. ει(ς), лит.—ë, старослав. и въ хощи во 2-мъ лицѣ, считая индоев. представителемъ этихъ окончаній -ei.

Если сравнивать между собою личныя формы наст. времени, имперфекта и повелительнаго наклоненія, то легко убѣдиться въ томъ, что въ повелительномъ, за нѣкоторыми исключеніями, тѣ же личныя формы, какія мы видимъ въ имперфектѣ безъ аугмента. И если откинуть въ наст. времени конечное і тѣхъ окончаній, гдѣ оно является, то получимъ соотвѣтствующія формы имперфекта.

При такомъ положеніи дѣла ничего удивительнаго нѣтъ, если предположимъ, что когда-то въ ив. праязыкѣ существовали личныя формы, выражающія отношеніе дѣйствія къ лицу не обозначая отношенія ко времени и къ наклоненію. Послѣ этого, для отличія настоящаго вр. отъ всѣхъ другихъ временъ, приставился къ личнымъ формамъ звукъ, являющійся въ эпоху распаденія праязыка какъ і краткое. Такимъ образомъ изъ 1. sg.—m, 2. sg.—s, 3. sg.—t, 3. pl.—nt получились въ наст. времени 1. sg.—mi, 2. sg.—si, 3. sg.—ti, 3. pl.—nti.

Затѣмъ и въ прошедшемъ времени явился признакъ для обозначенія времени, аугментъ, въ эпоху распаденія праязыка é, который однако въ ив. праязыкѣ не успѣлъ вполнѣ срастись съ глаголомъ.

Кромѣ этихъ образованій настоящаго и прошедшаго времени, мы видимъ въ отдѣльныхъ языкахъ формы наст. вр. безъ і и прошедшаго безъ аугмента. Это показываетъ, что ни аугментъ въ прошедшемъ, ни і въ настоящемъ вр. не были необходимымъ условіемъ прошедшаго и настоящаго времени въ праязыкѣ. И повелительное указываетъ большею частью на тѣ же простыя личныя формы, сложенныя часто съ разными частичками. Главное исключеніе составляютъ и не подходятъ подъ личныя формы повелительныя такого образованія, какъ 1) bhere, 2) bheretôd.

Ив. bheretôd я считаю сочетаніемъ ив. bhere-|-tôd, по примѣру Дельбрюка [1]).

Обратимся къ ив. bhere.

Повелительное, восходящее къ ив. формѣ bhere, состоящее изъ одной тематической основы и лишенное всякаго окончанія, могущаго указать на отношеніе къ лицу, въ отдѣльныхъ ив. языкахъ служитъ повелительнымъ по отношенію ко 2-му лицу ед. ч. Поэтому нужно полагать, что и въ эпоху распаденія ив. праязыка форма bhere было повелительнымъ 2-го л. ед. ч.

Теперь я утверждаю слѣдующее:

Такъ же какъ bheres въ эпоху, предшествовавшую распаденію ив. праязыка, употреблялось какъ прошедшее время, какъ настоящее, какъ желательное—повелительное, въ чемъ мы выше могли убѣдиться, притомъ по отношенію ко 2-му лицу, такъ и форма bhere употреблялась во всѣхъ этихъ функціяхъ [2]). Далѣе, также какъ bheres въ ив. праязыкѣ отличало наст. время отъ всѣхъ другихъ временъ посредствомъ приставленнаго къ окончанію i (bheres -i), (какъ въ

---

1) Delbrück, Syntaktische Forschungen, III. Иначе Бругманъ, M. U. I, 167.

2) Если здѣсь говорится, что bhere или bheres употреблялось въ разныхъ наклоненіяхъ и временахъ, напр. въ изъявительномъ и желательномъ, то этимъ я вовсе не утверждаю, чтобы изъявительное и желательное отличались въ то время по значенію такъ же другъ отъ друга, какъ теперь, и образовали такія же отдѣльныя категоріи. Напротивъ, вмѣстѣ съ развитіемъ формальныхъ отличительныхъ признаковъ въ языкѣ для каждой категоріи только и могло обособляться спеціальное значеніе каждой изъ этихъ категорій. Пока не было формальныхъ различій этихъ категорій, не могло быть и яснаго, конечно безсознательно—яснаго отличія этихъ категорій другъ отъ друга въ значеніи.

C. bhárasi, 2 sg.), такъ же являлось и bhere съ i, слѣдовательно въ формѣ bherei, во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр. [1]).

Такъ же какъ bheres обозначалъ и 2-ое л. ед. ч. желательнаго—повелительнаго накл. въ ив. праязыкѣ (что видно изъ формъ какъ C. bháras=bhárâs=bhárâsi), такъ же и bhere употреблялось въ этомъ смыслѣ. Отсюда повелительное почти во всѣхъ ив. языкахъ.

Послѣ этого нужно было бы ожидать и въ имперфектѣ форму bhere рядомъ съ bheres или é bhere рядомъ съ é bheres въ эпоху распаденія праязыка.

Но указанія на такую форму мы не находимъ въ имперфектѣ. Причина, почему bhere не сохранилось въ имперфектѣ, понятна. Заключается она въ томъ, что форма bhere, рядомъ съ bheres, bheret и т. д., стала чувствоваться какъ основа, лишенная всякаго окончанія, и конечно не могла выдержать конкурренціи съ bheres. По той же причинѣ и въ наст. времени мы не находимъ bhere рядомъ съ bheres [2]), bheresi, bherei въ эпоху распаденія праязыка.

Вслѣдствіе того, что форма bhere исчезла въ настоящемъ и въ прошедшемъ временахъ, въ повелительномъ—желательномъ форма bhere изолирована.

Такъ какъ въ повелительномъ употребляется преимущественно 2-е лицо, то здѣсь въ bhere и не чувствовалось

---

[1]) Что конечное i въ наст. вр. и аугментъ въ прошедшемъ вр. не были безусловно необходимы, это мы видимъ изъ того, что въ европейскихъ языкахъ, исключая греческаго, аугмента нѣтъ. И наст. вр. безъ i засвидѣтельствовано многими языками.

[2]) Въ тематическомъ спряженіи, во 2-мъ л. ед. ч. наст. времени существовало въ эпоху распаденія ив. праязыка окончаніе -s рядомъ съ -si и -(e)i.

недостатка окончанія, напротивъ отличіе отъ формы наст. вр. и прошедш. вр. скорѣе способствовало сохраненію bhere въ повелительномъ.

Формѣ bherei же въ наст. времени не представлялось никакихъ затрудненій для дальнѣйшаго просуществованія.

Мы находимъ послѣднюю форму въ лит. vežì (прежнее vežë; литовск ë изъ ив. ei) и вообще во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. времени въ балтійскихъ языкахъ. Тоже ив. bherei мы узнаемъ въ греч. φέρεις, прежнемъ *φερει. Сигма прибавилась по примѣру другихъ формъ 2. л. ед. ч.—Къ тому же началу мы относимъ старослав. конечное и въ вєрєши, возникшее подъ вліяніемъ такихъ общеслав. формъ, какъ та, къ которой восходитъ старослав. хощи.

Такимъ образомъ становится понятнымъ 2-е л. ед. ч. наст. врем. во всѣхъ индоевроп. языкахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось и повелительное какъ φέρε, lege, bhára и т. д., которое до сихъ поръ было непонятно въ своемъ происхожденіи. Итакъ, пов. φέρε имѣетъ такое же начало, какъ φέρετε, bhárata, legite и т. д.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР